

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 (15) 2016

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре).
Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
д-р юрид. наук, профессор С. И. Архипов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
канд. техн. наук, доцент А. А. Мецгер
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р юрид. наук, профессор З. А. Незнамова
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юрид. наук А. П. Семитко
д-р юрид. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
академик РАН, проф. С. В. Голынец
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
проф. Ма Цзяньшэ (Гуаньчжоу, КНР)
д-р экон. наук В. И. Маршев (Москва)
д-р политологии Ж.-Р. Равьо (Франция)
д-р юрид. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р юрид. наук, проф. С. А. Степанов
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

4 (15) 2016

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(*Deputy Editor-in-Chief*)

Doctor of Law S. I. Arkhipov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva

Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt

Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova

Candidate of Engineering, Associate Prof. A. A. Metzger

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek

Doctor of Law Sciences Z. A. Neznamova

Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina

Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya

Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko

Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. N. V. Khmelkova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev

Prof. Ives Hamant (France)

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)

Member of the Russian Academy of Arts, Prof. S. V. Golynets

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy

E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)

Prof. Ma Jianshe (Guangzhou, China)

Doctor of Economics V. I. Marshev (Moscow)

Doctor of Political Science J.-R. Ravier (France)

Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

V. N. Rudenko

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)

Doctor of Law, Prof. S. A. Stepanov

Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Содержание

Экономика	7
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i> Анализ и прогноз развития экономики России до 2018 года на основе эконометрической модели	8
<i>Савченко Я. В.</i> Финансирование проектов государственно-частного партнерства в России: проблемы и перспективы развития	21
<i>Сорокина Н. Е., Хмелькова Н. В.</i> Формирование трудового потенциала предприятия через мотивацию и стимулирование	28
Юриспруденция	33
<i>Колоткина О. А.</i> Соотношение индивидуального и коллективных интересов в процессе обеспечения национальной безопасности	34
<i>Сибякин А. Е.</i> Понятие и признаки инсайдерской информации	38
<i>Тумалевич Г. С., Тумалевич Н. Г.</i> Особенности выявления признаков делинквентного и виктимного поведения ребенка в образовательных организациях: технологии обучения педагогов	44
<i>Ягофарова И. Д.</i> К вопросу о необходимости конкретизации пределов ограничений прав и свобод индивида	49
Философия	57
<i>Болдыгин Г. В.</i> И. Кант о знании и видах веры	58
<i>Бакеева Е. В.</i> Объекты без субъектов: трансцендентализм наизнанку	69
<i>Игнатова Н. Ю.</i> О натурализации метафизики	80
<i>Уймина Ю. А.</i> Учение новых индийских гуру о гунах и путях совершенствования человека	89
<i>Кибенко А. С.</i> Противоречие или скрытый смысл? Сутты Палийского Канона, не отрицающие существования «души»	94
<i>Лучанкин А. И., Базаров Е. Ю.</i> Заметки к теме «Одиночество»	101
<i>Терентьева Т. А.</i> Феноменология эмоций в контексте хабитуальной структуры сознания	112
<i>Брандт Г. А.</i> Феминизм и постструктурализм о женском теле и женском письме	122
Научные события	129
<i>Глушкова С. И., Литвинова И. Н.</i> Актуальные проблемы защиты прав человека в России и мире (обзор материалов Международной научно-практической конференции)	130
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	140

Contents

Economics	7
<i>Mitsek S. A., Mitsek E. B.</i> Analysis and Forecast of Russian Economy Development to 2018 Based on Econometric Models	8
<i>Savchenko Y. V.</i> Financing of Public-private Partnership Projects in Russia: Problems and Development Prospects	21
<i>Sorokina N. E., Khmelkova N. V.</i> Formation of Enterprise Labour Capacity through Motivation and Stimulation	28
Law	33
<i>Kolotkina O. A.</i> The Ratio of Individual and Collective Interests in the Process of National Security	34
<i>Sibyakin A. E.</i> The Concept and Features of Insider Information	38
<i>Tumalevich G. S., Tumalevich N. G.</i> Detecting Signs of Delinquent and Victim Behavior of a Child in the Educational Establishment: Technologies of Teachers' Training	44
<i>Yagofarova I. D.</i> On the Necessity to Concretize Restriction of the Individual's Rights and Freedoms	49
Philosophy	57
<i>Boldygin G. V.</i> I. Kant on <i>knowledge</i> and <i>beliefs</i>	58
<i>Bakeyeva E. V.</i> Objects without Subjects: Transcendentalism inside out	69
<i>Ignatova N. Y.</i> The Question of Naturalizing Metaphysics	80
<i>Uimina J. A.</i> New Indian <i>gurus'</i> theories on <i>gunas</i> and the ways to improve a human being	89
<i>Kibenko A. S.</i> Contradiction or Hidden Meaning? The Pali Canon Suttas that do not deny the Existence of «the Soul»	94
<i>Luchankin A. I., Bazarov E. Y.</i> Notes to the «Loneliness»	101
<i>Terentyeva T. A.</i> The Phenomenology of Emotions in the Context of the Habitual Structure of Consciousness	112
<i>Brandt G. A.</i> Feminism and Poststructuralism about Women's Body and Women's Writing	122
Scientific Events	129
<i>Glushkova S. I., Litvinova I. N.</i> Urgent Problems of Human Rights Protection in Russia and the World (Review of Materials of the International Scientific and Practical Conference)	130
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	140

Авторам и читателям!

Уважаемые читатели и авторы журнала «Вестник Гуманитарного университета», просим Вас обратить внимание на изменение научных направлений журнала.

В соответствии с требованиями к вносимым в список рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК РФ, учредителями Гуманитарного университета и редакционной коллегией принято решение оставить три основные научные специальности: экономические науки, юридические науки, философские науки.

Просим Вас обратить внимание на требования к публикуемым материалам.

С уважением,
главный редактор,
д-р филос. наук, проф. Л. А. Зак

|| ЭКОНОМИКА

Анализ и прогноз развития экономики России до 2018 года на основе эконометрической модели

В статье описывается новая версия авторской эконометрической модели, предназначенная для анализа текущих тенденций в российской экономике и прогноза ее динамики на ближайшие годы. Другая цель состоит в том, чтобы показать влияние различных факторов на основные макроэкономические переменные при различных сценариях внешней экономической ситуации и вариантах экономической политики.

Модель состоит из 25 уравнений и 38 тождеств, описывающих соотношения между 73 переменными, которые состоят из 10 экзогенных и 63 эндогенных. Первые включают ключевую ставку Банка, денежную базу, норматив обязательных резервов, численность экономически активного населения, дефлятор государственных закупок и индексы экспортных и импортных цен. Основные макроэкономические показатели, такие как объем ВВП, индексы цен, инвестиции в основной капитал за счет различных источников финансирования, банковских кредитов и депозитов, занятость и величина средней заработной платы, курс доллара, – являются эндогенными переменными.

Модель показывает, что рост экономики в России начнется в 2018 году.

Постепенное смягчение денежно-кредитной политики будет благоприятным для инвестиций в основной капитал при умеренной инфляции. Активная фискальная политика оказывает негативное влияние на формирование валового капитала. Модель демонстрирует относительное ослабление влияния внешнеэкономических факторов на экономику России. Основными проблемами российской экономики являются стагнация совокупной производительности факторов производства и чрезмерная зависимость от импорта.

Ключевые слова: Российская Федерация; эконометрическая модель; экономический рост; инвестиции; инфляция; импульсные мультипликаторы; прогнозы; фискальная политика; денежно-кредитная политика.

Введение

Данная статья посвящена изложению результатов эконометрической модели, оцененной авторами на основе квартальных данных статистики Российской Федерации. Как и в отношении любой эконометрической модели, авторы ставили перед ней следующие задачи: а) дать объяснения тенденциям, имеющим сегодня место в экономике Российской Федерации; б) попытаться реализовать прогноз ее развития при различных вариантах экономической политики и внешних шоков; в) дать рекомендации относительно возможных изменений экономической политики.

Теоретической основой для нашей работы служили, во-первых, фундаментальные труды, посвященные методам эконометрического оценивания [40; 49; 56; 16; 5; 47; 17; 1]. Во-вторых, это работы по практическому применению эконометрических методов и моделей (как в отношении экономики России, так и по другим странам) (см.: [2; 3; 4; 5; 47; 17; 29; 30; 24; 48; 52; 53; 58; 37; 38; 36; 46]). В-третьих, это исследования по макроэкономическому анализу (см.: [33; 21; 42; 43; 44; 45; 10]).

* **Сергей Александрович Мицек**, д-р экон. наук, завкафедрой финансов и бухучета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

** **Елена Борисовна Мицек**, д-р экон. наук, завкафедрой менеджмента и маркетинга АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: emitsek@mail.ru

В качестве источников статистических данных для построения динамических рядов, на которых основаны эконометрические оценки, нами были использованы, в первую очередь, официальные статистические сайты Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [18], Банка России [19] и группы RIM Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН [6]. Нами также частично были использованы статистические данные, приводимые в отчетах Всемирного банка [65; 57; 25; 67], а для сравнения с другими странами – данные ОЭСР [35].

Краткое описание модели

Модель состоит из 25 уравнений и 38 тождеств, которые описывают отношения между 73 переменными. Они включают 10 экзогенных и 63 эндогенных переменных. С полным списком переменных, уравнений и тождеств модели, подробным описанием эконометрических оценок и их статистических характеристик можно ознакомиться в нашей работе [7].

Экзогенные переменные включают следующие переменные:

- 1) сальдо счета операций с капиталом платежного баланса;
- 2) ключевую ставку Банка России;
- 3) денежную базу;
- 4) норматив обязательных резервов, устанавливаемый для банков Банком России;
- 5) экономически активное население;
- 6) индекс государственных закупок в неизменных ценах;
- 7) индекс цен на государственные закупки;
- 8) индекс долларовых цен экспорта;
- 9) индекс долларовых цен импорта;
- 10) индекс транспортных тарифов.

Таким образом, экзогенные переменные – это либо внешнеэкономические переменные, либо переменные экономической политики, либо величины, зависящие от факторов, определяемых вне экономической системы.

Все переменные модели – экзогенные и эндогенные – могут быть сгруппированы в семь блоков: социальный, инвестиционный, производственный, ценовой, денежный, банковский, фискальный, внешнеэкономический.

Уравнения и тождества социального блока определяют уровень зарплаты, государственных трансфертов и потребительских расходов домашних хозяйств. В инвестиционном блоке определяется объем инвестиций в основной капитал за счет различных источников финансирования. Производственный блок включает двухфакторную макроэкономическую производственную функцию, уравнения динамики труда и капитала, показатели эффективности факторов производства. Особенностью используемой в модели производственной функции является то, что помимо традиционных факторов производства в качестве переменных в ней используются также показатели спроса.

Ценовой блок определяет различные ценовые показатели – дефлятор ВВП, индекс потребительских цен, дефлятор валового накопления основного капитала, индекс цен на энергоносители. Денежный блок рассчитывает объем денежной массы и ставку межбанковского процента. Банковский блок определяет величины банковских кредитов и депозитов. Фискальный блок рассчитывает объемы налоговых платежей в экономике. Наконец, внешнеэкономический блок определяет объемы экспорта и импорта, а также курс доллара.

Выборка и методы оценивания

Модель оценивалась по квартальным данным Q1 1999 – Q4 2015 (68 точек). Она является полностью рекурсивной. Хотя обыкновенный метод наименьших

квадратов дает состоятельные оценки для рекурсивных моделей¹, ее параметры оценивались преимущественно методом (ML – ARCH)², поскольку примерно для 2/3 уравнений этот метод дал более точные оценки как самого уравнения, так и коэффициентов Тейла при постпрогнозе. Соответственно, для 1/3 уравнений более точными оказались оценки обычного метода наименьших квадратов (OLS). Модели VAR без ограничений использовались в качестве первого шага спецификации уравнения³.

Окончательный выбор метода оценивания и спецификации уравнения осуществлялся в соответствии со следующими критериями.

1. Уравнение имеет приемлемые статистические характеристики.
2. Знаки и величины параметров согласуются с экономической теорией.
3. Все регрессоры уравнения являются статистически значимыми.
4. Включение уравнения в модель, как систему уравнений, демонстрирует лучшие значения коэффициентов Тейла в постпрогнозных имитациях, осуществляемых с помощью всей модели.

Все подробности относительно проверки различных гипотез качества параметров и уравнений (автокорреляции, гетероскедастичности, стабильности параметров, наличия единичного корня в динамических рядах, нормальности остатков и проч.) можно найти в указанной работе [7].

Выводы на основе анализа уравнений и тождеств

Оцененные уравнения и тождества модели позволяют рассчитать долгосрочные эластичности зависимых переменных по независимым регрессорам⁴, а также ряд других полезных показателей. На их основе можно сделать следующие выводы.

1. Снижение темпов роста экономики России, начавшееся после 2008 года, было вызвано следующими причинами:

- а) замедлением темпов роста рабочей силы;
- б) снижением инвестиций в основной капитал;
- в) стагнацией совокупной факторной производительности;
- г) замедлением темпов совокупного спроса, среди которых необходимо особо отметить снижение чистого экспорта, как зависящего отчасти от внешних причин;
- д) сокращением ликвидности.

Дадим краткую характеристику вышеприведенным пунктам. Среднегодовые темпы роста рабочей силы после 2008 года сократились примерно в три раза. Причиной стало замедление роста численности экономически активного населения вследствие демографических факторов⁵. Среди других причин (хотя и менее весомых) – постепенное исчерпание резервов роста рабочей силы за счет экономически неактивного населения⁶ и рост зарплаты (вплоть до 2013 года включительно в реальном исчислении), опережающий рост предельного дохода от труда⁷.

2. Индекс физического объема валового накопления основного капитала в 2009–2013 годах рос со среднегодовым темпом в 3,4 раза ниже, чем в 2000–2008-м;

¹ Напомним: например, [40, р. 372]; обзор методов работы с рекурсивными моделями см. в: [47, с. 336–339, 388–389; 56, с. 346–348].

² Как правило, в спецификации ARCH(1), GARCH(1).

³ Реалистические замечания об использовании VAR-моделей для оценки уравнений и прогнозирования см. в: [16, с. 665–668; 56, с. 399–405; 40, с. 698–712].

⁴ При расчете долгосрочных эластичностей мы используем формулу из [49, с. 245–247].

⁵ Среднегодовые темпы роста численности экономически активного населения снизились с 0,92 % в год в 2000–2008 до 0,12 % в 2009–2013.

⁶ Отношение численности неактивного населения к численности активного снизилось с 57 % в Q4 1999 до 44 % в Q4 2015; расчет авторов на основе данных [6].

⁷ Отношение чистого предельного дохода от труда к средней валовой зарплате одного работника снизилось с 1,74 в 1999 г. до 1,44 в 2009-м, затем оно выросло до 1,50.

в 2014–2015 годах его динамика стала отрицательной. Причинами такой динамики стали:

- а) общее замедление экономики;
- б) снижение общенациональных сбережений с 33,4 % ВВП в 2000–2008 годах до 27,6 % в 2014–2015-м вследствие быстрого роста потребительских расходов (вплоть до 2013 года) и государственных закупок⁸;
- в) «эффект вытеснения» частных инвестиций государственными расходами, отношение которых к ВВП (государственные закупки плюс государственные трансферты) выросло с 27,8 % в 2000–2008 годах до 30,8 % в 2014–2015-м⁹;
- г) рост издержек на зарплату более чем в 2 раза в реальном исчислении с 1999-го по 2013 год (дефлятор ВВП) и налогов (до 2007 года), что снижало прибыльность бизнеса и, следовательно, его склонность к инвестированию¹⁰;
- д) стагнация чистого предельного дохода на основной капитал после 2008 года как следствие стагнации совокупной факторной производительности, также снижавшая прибыльность инвестирования;
- е) рост транспортных тарифов с 1999-го по 2012 год в реальном исчислении в 1,6 раза (дефлятор ВВП)¹¹;
- ж) быстрый рост физического объема импорта (примерно в 6,5 раза с 1999-го по 2013 год), усиливавший конкуренцию на внутреннем рынке России;
- з) сужение ликвидности экономики как следствие ужесточения денежно-кредитной политики; темпы роста реальных кассовых остатков в 2009–2013 гг. были в три раза ниже, чем в 2000–2008-м, став отрицательными в 2014–2015-м (дефлятор валового накопления основного капитала);
- и) инвестиции, финансируемые государством, снизились вследствие замедления налоговых поступлений (в 2009–2013 гг. темпы их роста в реальном исчислении были в 4 раза ниже, чем в 2000–2008-м; они стали отрицательными в 2014–2015 гг.) и увеличения удельного веса государственных расходов на текущие нужды (после 2008 г. среднегодовые темпы роста государственных закупок в реальном исчислении на 3–4 пункта обгоняли темпы роста инвестиций за счет средств государства);
- к) общее замедление динамики банковской системы (темпы роста банковских кредитов бизнесу в реальном исчислении снизились в 3,5 раза в 2009–2013 гг. по сравнению с 2000–2008-м, а затем еще почти в два раза в 2014–2015, дефлятор валового накопления основного капитала); снижение инвестиционной направленности кредитов (отношение инвестиций за счет банковских кредитов к совокупному объему кредитов бизнесу в 2014–2015 гг. было примерно в 1,6 раза меньше, чем в 2000–2008-м);
- л) в 2014–2015 гг. снижение инвестиций в основной капитал объяснялось также быстрым ростом рублевого индекса импортных цен вследствие девальвации рубля и общим ухудшением инвестиционного климата в стране (последнее зафиксировано наличием фиктивных переменных с отрицательными знаками в уравнениях инвестиций).

⁸ Общенациональные сбережения считались по формуле: ВВП минус потребительские расходы минус государственные закупки; расчет авторов по данным [11].

⁹ Расчет авторов по данным [11; 6].

Аналогичный результат – вытеснение частных инвестиций государственными расходами по другим странам был получен авторами работ [22; 23; 26–28; 62].

¹⁰ Отношение налогов, уплаченных бизнесом, к ВВП, выросло с 21 % в 2000-м до 25 % в 2007 году; затем оно постепенно снижалось до 20 % сегодня; при этом совокупный рост налоговых платежей в реальном исчислении составил почти 2,4 раза, затем стабилизировался, несколько снизившись после 2013 года. Расчет авторов по данным [11; 6].

¹¹ Расчет авторов на основе [20; 11].

3. Стагнация совокупной производительности факторов производства после 2008 г. была вызвана сложным комплексом причин, среди которых можно назвать:

- а) структурные факторы (подробнее об этом см.: [9]);
- б) «естественные» причины; среди них ухудшение условий добычи полезных ископаемых и насыщение спроса на услуги ранее быстро растущих секторов;
- в) исчерпание свободных экономических мощностей¹²;
- г) технологический разрыв, где важную роль играет сфера информационных и коммуникационных технологий (ИКТ)¹³; косвенной характеристикой технологического разрыва также является растущий износ основных фондов¹⁴ и недостаточные инвестиции в человеческий капитал¹⁵.

4. Темпы роста совокупного спроса в 2009–2013 гг. были примерно в два раза ниже, чем в 2000–2008-м, что неизбежно вело к снижению темпов роста производства. Снижались темпы всех элементов совокупного спроса, но в первую очередь – чистого экспорта. В 2000–2013 гг. основным элементом, увеличивавшим совокупный спрос, были потребительские расходы домашних хозяйств, а чистый экспорт вносил отрицательный вклад вследствие быстрого роста импорта¹⁶. В 2014–2015 гг. эта картина поменялась радикально: темпы роста потребительских расходов, валового накопления основного капитала и государственных закупок стали отрицательными, тогда как вклад чистого экспорта стал положительным вследствие резкого сокращения импорта.

Ухудшение состояния ликвидности экономики было отмечено выше: оно отрицательно влияло не только на инвестиции в основной капитал, но и на текущую конъюнктуру. Реальные ставки процента на межбанковском рынке Москвы неуклонно повышались после 2006 года, став положительными в 2014–2015 гг.¹⁷ Уровень монетизации экономики (отношение денежной массы к ВВП) оставался низким, на уровне примерно 40 %, что значительно ниже уровня стран с развитой денежной системой.

5. Фискальная политика и политика контроля над ценами оказывают более мощное воздействие на инфляцию в России, чем денежно-кредитная политика. Эластичности большинства из включенных в модель ценовых показателей по таким переменным, как дефлятор государственных закупок и индекс транспортных тарифов, выше, чем по объему денежной массы. Причинами могут быть названы:

- а) важная роль, которую играет государство в регулировании экономики;
- б) рост за период Q1 1999 – Q4 2015 дефлятора государственных закупок в 2,4 раза, а индекса транспортных тарифов – в 1,8 раз больше, чем дефлятора ВВП; по сравнению с индексом потребительских цен эти величины росли в 3,5 и 2,6 раз быстрее, соответственно;

¹² Соответствующие данные на сайте: [13].

¹³ Различные исследования показывают, что скачок производительности труда в развитых странах произошел в первую очередь за счет достижений в этой области. Подробнее об этом см.: [57, с. 47; 64, с. 268–270; 60, с. 4, 27; 50; 51; 55; 69; 68; 32; 66; 31].

¹⁴ Степень износа выросла с 43,5 % в 2004-м до 49,4 % в 2014 г. Среди видов деятельности, занимающих большую долю в национальной экономике, основной капитал изношен в наибольшей степени в добыче полезных ископаемых и на транспорте; данные об этом: [12; 14].

¹⁵ Подробнее об этом см.: [57, с. 42–52]; о роли человеческого капитала в повышении совокупной производительности в России также в работе OECD [54]; об этом же в остальном в мире см., например: [15; 63].

¹⁶ Индекс роста потребительских расходов домашних хозяйств в неизменных ценах в 2000–2013 гг. составил 3,1, а их доля в ВВП выросла с 50 % в 1999-м до 53 % в 2013 г. За этот же период индекс чистого экспорта в неизменных ценах сократился на 24 % (дефлятор ВВП), а его доля в ВВП с 18 до 7 %.

¹⁷ Известная модель Тобина иллюстрирует эффект вытеснения частных инвестиций в ситуации, когда реальные ставки процента превышают темпы экономического роста (см.: [41]).

в) высокий спрос на реальные кассовые остатки (с 1999-го по 2015 год они выросли примерно в 9 раз).

Внешнеэкономические переменные – индексы экспортных и импортных цен и курс доллара – также оказывают заметное влияние на российские ценовые индикаторы. Наконец, еще один важный фактор, усиливающий инфляцию, – снижение макроэкономического предложения, вызванное замедлением экономического роста. Если рассматривать только 2014–2015 годы, то на рост цен в этот период большое влияние оказали инфляционные ожидания, что отражено фиктивными переменными в соответствующих уравнениях.

6. Темпы роста реальной зарплаты в 2009–2013 гг. были в 3,2 раза ниже, чем в 2000–2008-м (дефлятор ВВП; если использовать CPI, то в 2,7 раза); в 2014–2015 гг. они стали отрицательными. Главной причиной стало резкое снижение темпов роста чистого предельного дохода от труда (в 1,8 раза в 2009–2013 гг. по сравнению с 2000–2008-м, отрицательные темпы в реальном исчислении с 2014–2015 гг.). В свою очередь, причины подобной динамики чистого предельного дохода от труда уже были отмечены выше: технологические факторы, недостаточные инвестиции в физический и человеческий капитал, замедление совокупного спроса и т. д.

Еще одна причина замедления роста зарплаты – замедление темпов роста государственных закупок¹⁸, от которых зависит зарплата значительного числа работников¹⁹.

Другой источник доходов граждан – рост социальных трансфертов высокими темпами в 2000–2013 гг. (в среднем 11 % в год в реальном исчислении, дефлятор CPI), но их реальные темпы стали отрицательными в 2014–2015 гг. вследствие падения темпов роста экономики²⁰. Наконец, третий источник доходов – доходы от собственности – в 2009–2013 гг. росли несколько быстрее в реальном исчислении, чем в 2000–2008-м (скорее всего, вследствие налоговых послаблений), но в 2014–2015 гг. их реальные темпы также резко снизились по тем же причинам, что и прочие доходы.

Как следствие, темпы роста потребительских расходов домашних хозяйств в реальном исчислении (дефлятор CPI) в 2009–2013 гг. были в два раза ниже, чем в 2000–2008-м, став отрицательными в 2014–2015-м. Поскольку это главный (с удельным весом более 50 %) элемент совокупного спроса, то подобная динамика отрицательно отразилась на темпах роста последнего и экономическом росте в целом.

7. Индекс реального курса доллара в 2009–2013 гг. в среднем был в 2,5 раза ниже, чем в среднем в 2000–2008-м (дефлятор ВВП), вследствие того, что цены росли быстрее номинального курса. В свою очередь, это произошло в результате действия ряда факторов:

а) улучшения условий торговли: отношение индекса экспортных цен к индексу импортных цен в 2012 г. было в 2,1 раза выше, чем в 1999-м;

б) высокого спроса на реальные кассовые остатки вследствие значительного роста экономики;

в) накопления больших запасов валюты не только у государства, но и у частных лиц, компаний и граждан²¹;

¹⁸ В 2,3 раза 2009–2013 гг. по сравнению с 2000–2008-м, отрицательные темпы в 2014–2015 гг. в реальном исчислении, дефлятор ВВП

¹⁹ По оценкам Всемирного банка, около 20 % занятых в России работают в государственных учреждениях или компаниях [61; 57].

²⁰ Расчет авторов на основании данных сайта [6]

²¹ Остатки на валютных депозитах в банках в реальном исчислении выросли в 6 раз с 2000-го по 2013 г., если использовать дефлятор ВВП; если их дефлировать по номинальному курсу доллара, то они выросли более чем в 30 раз, так как последний рос гораздо медленнее цен в тот период.

г) факта «перелета», который совершил курс доллара в России в 1998–1999 гг.²²

Снижение реального курса доллара и относительно медленный рост импортных цен в 2000–2013 гг. привели к значительному росту импорта (см. выше). Последнее способствовало повышению как жизненного уровня граждан, так и инвестиций благодаря приобретению импортных товаров. В то же время (как фактор совокупного спроса) данная тенденция тормозила экономический рост, снижая чистый экспорт. Последний также снижался вследствие:

а) падения реальных цен экспорта (дефлятор ВВП) на 38 % в 2000–2010 годах;

б) увеличения налогового бремени экспортеров: отношение суммы уплаченных экспортных пошлин к стоимости экспорта с 2000-го по 2011 г. выросло с 4 до 22 %²³.

Подобные тенденции снижали прибыльность операций российских экспортеров.

Все эти тенденции резко изменились в 2014–2015 гг., когда рубль был девальвирован. Отчасти это произошло вследствие падения экспортных цен²⁴, но, учитывая наличие в уравнении курса доллара фиктивных переменных с положительными знаками, можно утверждать, что значительную роль сыграли ожидания. Укрепление рубля в 2016 году (на 16 % в сентябре к январю в номинальном исчислении) подтверждает этот вывод.

Девальвация рубля в 2014–2015 гг. привела к усилению инфляции, снижению потребительских расходов и инвестиций. Вместе с тем она (наряду с санкциями и ответными мерами российского правительства) способствовала резкому сокращению импорта и увеличению экспорта. В результате чистый экспорт несколько вырос (примерно на 7 % в реальном исчислении), способствуя росту совокупного спроса (см.: [39]²⁵).

8. Отношение объема государственных закупок в номинальном исчислении к величине уплаченных юридическими лицами налогов неуклонно росло²⁶. Также росло отношение величины выплаченных государственных трансфертов к ВВП (с 8,5 % в среднем в 2000–2008 гг. до 11,8 % в среднем в 2014–2015)²⁷. Подобные тенденции не могли не создать сложности для российского бюджета.

Мультипликаторы и прогнозы

Постпрогнозы, проведенные по полной выборке, а затем по укороченной выборке (Q1 1999 – Q4 2011), показали, что коэффициенты Тейла для всех эндогенных переменных в обеих процедурах не превышают 0,3; для 70 % из них они меньше, чем 0,2. Модель предсказывает правильно все поворотные точки эндо-

²² Обоснование в нашей статье «Исследование этапов денежно-кредитной политики современной России (2000–2015)» [8].

²³ Расчет авторов на основании данных сайтов [6; 11].

²⁴ Их долларový индекс упал на 23 % к Q4 2015 по сравнению с Q4 2012. Существенная зависимость курса рубля от мировых цен есть отчасти следствие того, что Россия (как и многие другие развивающиеся рынки) не может на них влиять (на мировом рынке она есть price – taker). Поэтому их колебания являются экзогенными для экономики России. Анализ вопроса, см., например, в: [39].

²⁵ Этот автор показал, что наиболее мощный эффект, который девальвация оказывает на экономику, наблюдается в тех странах, где значительная часть активов и пассивов номинирована в иностранной валюте. Это весьма актуально для России, где 35 % банковских депозитов и 30 % банковских кредитов бизнесу номинированы именно в иностранной валюте.

В то же время вплоть до 2014 г. открытость российской экономики повышалась, что смягчало эффект девальвации. Исследование данного эффекта дано в работе [34].

²⁶ По нашим оценкам это соотношение выросло в среднем примерно на 24 % за период с 2000–2008 гг. по 2014–2015-й; расчет на основании данных сайтов [6; 11].

²⁷ Расчет авторов на основании данных сайта [6].

генных переменных. Таким образом, модель показывает приемлемые свойства и может быть использована для анализа и прогнозирования²⁸.

Далее на основе модели были рассчитаны импульсные мультипликаторы. Это делалось следующим образом. Сначала формировался так называемый «нулевой» прогноз вплоть до Q4 2018, в котором значения всех экзогенных переменных принимались постоянными. Затем одна из экзогенных переменных изменялась на 1 % на весь прогнозный период Q1 2016 – Q4 2018, и модель рассчитывала реакцию каждой эндогенной переменной на такое изменение. Мы использовали именно процентные изменения, поскольку модель является нелинейной и получить традиционную приведенную матрицу коэффициентов невозможно. Значения мультипликаторов приводятся в [7, прил., табл. 1].

Затем модель была использована для расчета нескольких вариантов прогноза на 2016–2018 годы. Базовый вариант был основан на следующих предположениях.

I. Динамика экспортных и импортных цен в 2016–2018 годах будет такой же, как и в 2009–2013-м.

II. Демографическая ситуация, денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика не изменятся.

III. Фиктивные переменные для 2014–2015 годов, отражающие в оценках уравнений специфику этого периода, в прогнозных уравнениях были устранены.

Прочие прогнозные варианты отличаются от базового варианта иной динамикой какой-либо экзогенной переменной. Соответственно, в них были предусмотрены следующие условия.

I. Ускоренный рост экспортных или импортных цен.

II. Снижение налогов и пошлин.

III. Рост государственных закупок и трансфертов.

IV. Снижение ключевой ставки Банка России и норматива обязательных резервов.

V. Увеличение темпов роста денежной базы.

VI. Повышение транспортных тарифов.

Результаты базового варианта прогноза приведены в [7, прил., табл. 2]. (В той же работе вы найдете таблицу значений мультипликаторов всех экзогенных переменных, таблицы и графики с результатами всех вариантов прогнозов, осуществленных с помощью модели (прил. 5).)

Полученные значения мультипликаторов и результаты прогнозов позволяют сделать следующие выводы.

1. Экономика России по-прежнему сильно зависит от демографических факторов.

2. Восстановление экономики в России начнется только в 2018 году (рис. 1).

3. Инвестиции в основной капитал сокращаются в течение всего прогнозного горизонта. То есть основой восстановления экономики послужит только рост совокупного спроса. Это означает, что такое восстановление может быть лишь кратковременным и неустойчивым.

4. С другой стороны, увеличение чистого предельного дохода на основной капитал будет способствовать росту инвестиций после 2018 года.

5. Инвестиции в основной капитал гораздо более чувствительны к изменениям в экономической политике и внешнеэкономических переменных, чем другие переменные.

6. В ближайшие месяцы инфляция будет постепенно уменьшаться, а рубль – укрепляться.

²⁸ Альтернативные методы оценки прогностической точности модели описаны в работах [47, с. 523–527; 36, с. 1984–1993; 56, гл. 13–14].

7. Инфляция в России в большей степени зависит от государственных закупок, а не от денежно-кредитной политики.

8. Денежная политика оказывает сильное положительное влияние на инвестиции в основной капитал, но ее влияние на инфляцию незначительно. Отсюда следует, что ограничительная денежная политика должна быть постепенно отменена.

9. Влияние косвенных налогов на экономику России является очень сильным и негативным, в первую очередь на прибыли и инвестиции в основной капитал. Это означает, что облегчение косвенного налогообложения дает определенный шанс на восстановление экономики.

10. Государственные закупки оказывают сильное влияние на российскую экономику, в основном на инвестиции в основной капитал (отрицательное), и на экспорт, импорт и инфляцию (положительное). Это можно объяснить «эффектом вытеснения» и высокой ролью государства в экономике в целом.

11. Влияние экспортных цен на экономику России слабеет, хотя реакция на их изменение таких переменных, как индикаторы инфляции, курс доллара и инвестиции в основной капитал, остается существенной. Тем не менее данный результат означает, что надежды на экономический рост вследствие очередного повышения экспортных цен становятся все более иллюзорными.

12. Влияние импортных цен на экономику России остается сильным и негативным, в первую очередь на прибыли и инвестиции в основной капитал. Их увеличение приводит к ощутимому ослаблению рубля.

13. Экономика России демонстрирует существенную зависимость от импорта, объем которого в прогнозных вариантах быстро растет уже с 2017 года. Поэтому импортозамещение, осуществляемое в разумных пределах, может оказать положительное влияние на экономический рост.

Заключение

Модель и сделанные на ее основе прогнозы показывают, что восстановление российской экономики начнется не ранее чем в 2018 году. Основными причинами такого хода дел являются стагнация совокупной производительности факторов производства и недостаточный уровень инвестиций в основной капитал.

Экономика России существенно зависит от мировой экономики: это касается цен, производства, инвестиций, платежного баланса. По-прежнему высока и ее зависимость от наличия рабочей силы.

Подобные результаты означают, что настало время для серьезных изменений в стратегии экономического развития нашей страны, целью которых должно стать повышение совокупной факторной производительности и инвестиций, а также ослабление зависимости от импорта.

Постепенное ослабление ограничительной денежной политики совершенно необходимо для повышения инвестиций и поддержки экономического роста. Потери из-за более высокой инфляции будут при этом не столь сильны. Снижение налогового бремени, особенно косвенных налогов, будет способствовать повышению прибыли и инвестиций, даст некоторую надежду на экономическое восстановление.

Однако, помимо указанных изменений в экономической политике, повышение производительности факторов производства потребует дополнительных инвестиций в образование и здравоохранение, в науку и новые технологии. Нерешенность этих задач закрепит зависимость России от мировых товарных рынков, сохранит внутреннюю слабость ее экономики и отсрочит повышение уровня жизни ее граждан.

Литература

1. Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика. Основы эконометрики : в 2 т. – 2-е изд., испр. – М. : ЮНИТИ, 2001.
2. Айвазян С., Бродский Б. Макроэконометрическое моделирование: подходы, проблемы, пример эконометрической модели российской экономики // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 2. – С. 85–111.
3. Айвазян С., Бродский Б., Сандоян Э. и др. Макроэконометрическое моделирование экономик России и Армении. I. Особенности макроэкономической ситуации и теоретическое описание динамических моделей // Прикладная эконометрика. – 2013. – № 30 (2). – С. 3–25.
4. Айвазян С., Бродский Б., Сандоян Э. и др. Макроэконометрическое моделирование экономик России и Армении. II. Агрегированные макроэконометрические модели национальных экономик России и Армении // Прикладная эконометрика. 2013. – № 31 (3). – С. 7–31.
5. Берндт Э. Р. Практика эконометрики: классика и современность. – М. : ЮНИТИ, 2005.
6. Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Группа RIM : [сайт]. – URL: <http://www.macroforecast.ru>
7. Мицек С. А. Макроэкономическая динамика Российской Федерации: анализ и прогноз (эконометрическая модель – версия 2016). – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016.
8. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Исследование этапов денежно-кредитной политики современной России (2000–2015) // Финансы и кредит. – 2016. – № 19 (261) –Май. – С. 2–11.
9. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Структурные факторы роста экономики Российской Федерации: региональный, отраслевой и макроэкономический аспекты // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 7. – С. 118–128.
10. Мишкин Ф. С. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков, седьмое издание. – М. : ИД «Вильямс», 2006.
11. Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
12. Основные фонды // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#
13. Промышленное производство // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#
14. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm
15. Рузес Дж. Р., Вольф Н. Совокупный рост в 1913–1950 годах // Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. – Т. 2. – Гл. 8.
16. Сток Дж., Уотсон М. Введение в эконометрику. – М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2015.
17. Уотшем Т. Дж., Паррамоу К. Количественные методы в финансах. – М. : Финансы : Изд. объединение ЮНИТИ, 1999.
18. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: <http://www.gks.ru>
19. Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://www.cbr.ru>
20. Цены // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#
21. Abel A. B., Bernanke B. S., Croushore D. Macroeconomics. – 6th ed. – Pearson & Addison – Wesley, 2008.
22. Alesina A. et al. Trade, growth and the size of the countries // Handbook of Economic Growth / Ph. Aghion, St. Durlauf (eds.). – 2005. – Vol. 2. – Ch. 23.

23. Alesina A., Wacziarg R. Openness, country size and government // *Journal of Public Economics*. – 1998. – Vol. 69. – P. 305–321.
24. Alexeev A., Tourdyeva N., Yudaeva K. Estimation of the Russia's trade policy options with the help of the Computable General Equilibrium Model // *CEFIR Working Papers*. – 2003. – Vol. 42.
25. Balancing Economic Adjustment and Transformation : Russian Economic Report № 34 // World Bank. – 2015. – September 30. – URL: <http://www.worldbank.org/ru/country/russia/publication/russian-economic-report-34.pdf>
26. Barro R. Democracy and growth // *Journal of Economic Growth*. – 1996. – Vol. 1 (1). – P. 1–27.
27. Barro R. Determinants of economic growth. – Cambridge : MIT Press, 1997.
28. Barro R. Economic growth in a cross section of countries // *Quarterly Journal of Economics*. – 1991. – Vol. 106 (2). – P. 407–443.
29. Basdevant O. An Econometric Model of the Russian Federation // *Economic Modelling*. – 2000. – Vol. 17. – P. 305–336.
30. Benedictow A., Fjaertoft D., Lofsnaes O. Oil dependency of the Russian economy: an econometric analysis // *Economic Modelling*. – 2013. – Vol. 32. – P. 400–428.
31. Bernanke B. S. Productivity, Remarks at the Peter McColough Roundtable Series on International Economics, Council on Foreign Relations : presented at the University of Arkansas at Little Rock Business Forum (Little Rock, Arkansas, February 24, 2005). – URL: www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2005
32. Bloom N., Sadun R., Van Reenen J. Americans do IT better: US multinationals and the productivity miracle // *American Economic Review*. – 2012. – Vol. 102 (1). – P. 167–201.
33. Burda M., Wyplocz Ch. *Macroeconomics. A European text*. – 5th ed. – Oxford University Press, 2009.
34. Cavallo E. A., Frankel J. A. Does openness to trade make countries more vulnerable to sudden stops, or less? Using gravity to establish causality // *NBER Working Paper Series*. – 2008. – Working Paper № 10957. – URL: <http://www.nber.org/papers/w10957.pdf>
35. Eurostat. – URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/national-accounts/data/main-tables>
36. Fair R. C. Evaluating the Predictive Accuracy of Models // *Handbook of Econometrics / Zvi Griliches, M. D. Intriligator (eds.)*. – Vol. 3. – Amsterdam : North Holland, 2005. – P. 1979–1996.
37. Fair R. C. *Specification, estimation and analysis of macroeconomic models*. – Harvard University Press, 1984.
38. Fair R. C. *Testing macroeconometric models*. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1994.
39. Frankel J. Monetary policy in emerging markets // *Handbook of Monetary Economics*. – North Holland : Elsevier, 2011. – Vol. 2. – Ch. 25.
40. Green W. H. *Econometric Analysis*. – 6th ed. – Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 2008.
41. Halliassos M., Tobin J. The macroeconomics of government finance // *Handbook of Monetary Economics*. – North Holland : Elsevier, 2000. – Vol. 2. – Ch. 17.
42. *Handbook of Economic Growth / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.)*. – 2005. – Vol. 1–2.
43. *Handbook of Macroeconomics / J. B. Taylor, M. Woodford (eds.)*. – Vol. 1A, B–2. – North-Holland, 2007.
44. *Handbook of Monetary Economics / B. M. Friedman, F. H. Hahn (eds.)*. – Vol. 1–2. – Amsterdam : North-Holland, 1990.
45. *Handbook of Monetary Economics / B. M. Friedman, M. Woodford (eds.)*. – Vol. 3A, B. – Amsterdam : North-Holland, 2011.
46. Intriligator M. D. Economic and Econometric Models // *Handbook of Econometrics / Z. Griliches, M. D. Intriligator (eds.)*. – Vol. 1. – Amsterdam : North Holland, 2007. – P. 181–222.
47. Intriligator M. D., Bodkin R. G., Cheng Hsiao. *Econometric Models, Techniques, and Applications*. – Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 1996.
48. Jensen J., Rutherford Th., Tarr D. The Impact of Liberalizing Barriers to Foreign Direct Investment in Services: The Case of Russian Accession to the World Trade Organization // *World Bank Working Paper WPS3391*. – 2004.

49. Johnston J., DiNardo J. *Econometric Methods*. – 4th ed. – New York : McGraw Hill, 2007.
50. Jorgenson D. W. Accounting for growth in the information // *Handbook of Economic Growth* / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.). – 2005. – Vol. 1. – Ch. 10.
51. Jorgenson D. W., Ho M. S., Stiroh K. J. A retrospective look at the US productivity growth resurgence // *Journal of Economic Perspectives*. – 2008. – Vol. 22 (1) (Winter). – P. 3–24.
52. Kerkela L. Distortion costs and effects of price liberalization in Russian energy markets: A CGE analysis // *BOFIT Discussion Papers*. – 2004. – Vol. 2.
53. Merlevede B., van Aarle B., Schoors K. Russia from Bust to Boom and Back: Oil Price, Dutch Disease and Stabilization Fund // *Comparative Economic Studies*. – 2009. – Vol. 51. – P. 213–241.
54. OECD reviews of innovation policy: Russian Federation. – OECD Publishing, 2011. – URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264113138-en>
55. Oliner S. D., Sichel D. E., Stiroh K. J. Explaining a Productive Decade // *Brookings Papers on Economic Activity*. – 2007. – Vol. 1. – P. 81–137.
56. Pindyck R. S., Rubinfeld D. L. *Econometric Models and Economic Forecasts*. – 4th ed. – McGraw-Hill International Editions, 1998.
57. Policy Uncertainty Clouds Medium-Term Prospects : Russian Economic Report № 32 // World Bank. – URL: <http://www.worldbank.org/ru/country/russia/publication/russian-economic-report-32.pdf>
58. Rautava J. The role of oil prices and the real exchange rate in Russia's economy // *BOFIT Discussion Papers*. – 2002. – Vol. 3.
59. Reinhart C., Rogoff K., Savastano M. Debt intolerance // *Brookings Papers on Economic Activity*. – 2003. – Vol. 1. – Spring. – P. 1–74 (online version on: URL: <http://mpr.ub.uni-muenchen.de/13932/>)
60. Russia, Modernizing the economy // “Better Policies” Series. – 2013. – April. – URL: <http://www.oecd.org/russia/Russia-Modernising-the-Economy-EN.pdf>
61. Russian Federation – Export Diversification through Competition and Innovation: A Policy Agenda / World Bank. – 2013. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2013/04/18023843/russian-federation-export-diversification-through-competition-innovation-policy-agenda.pdf>
62. Sachs J., Warner A. Economic reform and the process of global integration (with discussion) // *Brookings Papers on Economic Activity*. – 1995. – Vol. 1. – P. 1–118.
63. Sala-I-Martin X., Doppelhofer G., Miller R. I. Determinants of long-term growth: a Bayesian averaging of classical estimates (BACE) approach // *American Economic Review*. – 2004. – Vol. 94 (4). – P. 813–835.
64. Skills Outlook: First Results from the Survey of Adult Skills. – OECD Publishing, 2013. – URL: http://www.skills.oecd.org/OECD_Skills_Outlook_2013.pdf
65. Structural Challenges To Growth Become Binding : Russian Economic Report № 30 // World Bank. – September 2013 – URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2013/10/08/000356161_20131008122642/Rendered/PDF/816880NWP0Russ0Box0379842B00PUBLIC0.pdf
66. Syverson Ch. What determines productivity? // *Journal of Economic Literature*. – 2011. – Vol. 49:2. – P. 326–365.
67. The Long Journey to Recovery : Russian Economic Report № 35 // World Bank. – 2016. – April. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/657991467989516696/pdf/104825-NWP-P156290-PUBLIC-WB-RER-No-35-FINAL-ENG.pdf>
68. Van Ark Bart et al. Recent changes in Europe's competitive landscape and medium-term perspectives: how the sources of demand and supply are shaping up // *Economic Papers*. – 2013. – Vol. 48:5. – April.
69. Van Ark Bart et al. The productivity gap between Europe and the US: trends and causes // *Journal of Economic Perspectives*. – 2008. – Vol. 22 (1) (Winter). – P. 25–44.

Sergey Aleksandrovich Mitsek,

Doctor of Economics, Head of Finance and Accounting Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Elena Borisovna Mitsek,

Doctor of Economics, Head of Management and Marketing Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**Analysis and Forecast of Russian Economy Development
to 2018 Based on Econometric Models**

The paper describes a new author's version of econometric model of the Russian economy which is tailored to analyze current trends in Russian economy and to forecast its dynamics for the next years. Its other task is to show how different factors and policy instruments affect the main macroeconomic variables under various scenarios of the external economic situation and of economic policy options.

The model consists of 25 equations and 38 identities that describe the relationships between 73 variables. They consist of 10 exogenous and 63 endogenous variables. Among the firsts there is the capital account balance, the Bank of Russia' key loan rate, the monetary base, the reserve requirement, economically active population, government consumption deflator and export and import prices. The main macroeconomic indicators such as the GDP volume, different internal price indexes, investment in fixed assets from different sources of financing, bank loans and deposits, employment and average wages, and the ruble-to-dollar exchange rate were included as the endogenous variables in the model.

The model shows that economic recovery in Russia will start at 2018.

Gradual softening of monetary policy will be favorable for investment in fixed capital with moderately higher inflation. Active fiscal policy has a negative impact on gross capital formation. The model demonstrates a relative weakening of the influence of external economic factors. The main problems of Russian economy are total factor productivity stagnation and excessive dependence on import.

Key words: Russian Federation; econometric model; economic growth; investment; inflation; impulse multipliers; forecasts; fiscal policy; monetary policy.

Финансирование проектов государственно-частного партнерства в России: проблемы и перспективы развития

В статье рассмотрены существующие на сегодняшний день инструменты и источники финансирования проектов государственно-частного партнерства в аспекте динамики их реального использования и перспектив развития в России. Уделено внимание интенсивности использования различных источников и инструментов финансирования, в том числе в зависимости от уровня реализации проекта (федерального, регионального, муниципального).

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; финансирование; источники финансирования; инструменты финансирования; развитие.

Государственно-частное партнерство – относительно новый инструмент социально-экономического развития, который используется в России с середины 2000-х годов. Основной причиной, побудившей государство обратить свой интерес на данную форму сотрудничества с бизнесом, считается постоянное развитие инфраструктуры, требующей роста расходов на содержание, инвестиций в модернизацию и расширение. Поскольку у государства ограничен финансовый ресурс, основным источником которого является бюджет, оно вынуждено искать альтернативные источники финансирования капиталоемких инфраструктурных и социально значимых проектов. Привлечение инвестиций со стороны бизнеса на взаимовыгодных условиях стало рассматриваться как один из вариантов решения данной проблемы.

2014–2015 годы можно назвать ключевым периодом в развитии государственно-частного партнерства. Согласно исследованиям Института ГЧП [1], с 2013-го по 2015 г. количество проектов ГЧП, прошедших стадию коммерческого закрытия, увеличилось более чем в 10 раз и достигло значения 873. Всего в единой информационной системе ГЧП в России на начало ноября 2016 года зарегистрировано 1 340 проектов [2].

Рост интереса к ГЧП в последние два года, по мнению экспертов, в большой степени обусловлен развитием законодательства, в том числе о концессионных соглашениях, давшим дополнительные гарантии для инвесторов, был введен институт частной концессионной инициативы. В конечном счете это привело к привлечению частного бизнеса в ЖКХ.

Суммарный объем частных инвестиций составил к началу 2016 года 640 млрд руб. При этом внебюджетные средства при реализации инфраструктурных проектов составляют от 2 % в социальной сфере до 10 % в сфере транспорта, в общем объеме затрат на создание и эксплуатацию объектов инфраструктуры [3]. Однако отношение объема частных инвестиций к номинальному ВВП хотя и возросло, но составило всего 0,89 %, что значительно ниже уровня многих стран со схожей структурой инвестиций. Это лишь подтверждает перспективность ГЧП как механизма привлечения частных инвестиций в развитие общественной инфраструктуры. Ведь, по оценкам экспертов, потребность в финансировании инфраструктурных объектов составляет более 18,2 трлн рублей.

* Яна Валерьевна Савченко, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры корпоративной экономики и управления бизнесом, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург).

Анализ работ, посвященных вопросам финансирования проектов ГЧП, позволил выделить ряд ключевых проблем, требующих решения в данном аспекте [3; 4; 5]:

- недостаточный уровень развития бюджетных и финансовых механизмов для эффективной реализации проектов ГЧП;
- прецедентный порядок финансирования проектов (поддержка государством в большей мере крупномасштабных комплексных проектов);
- ограниченность реальных источников финансирования проектов ГЧП;
- низкий уровень иностранных инвестиций в ГЧП в РФ;
- высокую роль финансирующих организаций;
- ограниченный круг банков, финансирующих проекты ГЧП;
- высокую стоимость долгового финансирования;
- недостаточный уровень ликвидности отечественной финансовой системы;
- неразвитость системы гарантирования (страхования) проектов от рисков, связанных с исполнением обязательств государством.

В целом считается, что в России не развиты инструменты финансирования ГЧП-проектов, а перечень работающих источников, среди которых обычно выделяют инвестиционный фонд, бюджеты, средства Внешэкономбанка, частные инвестиции и кредиты, ограничен. Между тем государство в Концепции (стратегии) развития государственно-частного партнерства в РФ до 2020 года заявляет в качестве основной цели увеличение доли внебюджетных средств в общем объеме инвестиций в развитие инфраструктуры. Для достижения поставленной цели в условиях стагнации экономики, снижения ликвидности банков и падения объемов бюджетного финансирования весьма актуальным является расширение реальных инструментов и источников финансирования сферы ГЧП, стимулирующих бизнес вкладываться в развитие инфраструктуры.

Стоит отметить, что сфера ГЧП в России непрозрачна в вопросе оценки структуры источников финансирования. Если до 2015 года в Единой информационной системе ГЧП предоставлялась информация о структуре инвестиций, то сейчас там можно отследить только форму ГЧП (соглашение о ГЧП, концессионное соглашение, контракт жизненного цикла и пр.) и размер требуемых инвестиций. О последних тенденциях в развитии финансирования ГЧП можно судить по информации сайтов Минэкономразвития РФ и сайтов министерств экономики субъектов РФ, базы данных ИнвестиИнфра, Внешэкономбанка, других банков и консалтинговых фирм, осуществляющих деятельность в сфере ГЧП, и прочих доступных источников.

Каковы тенденции в развитии финансирования в сфере ГЧП?

Одним из источников прямого финансирования социально значимых проектов в России являются федеральные целевые программы и федеральная адресная инвестиционная программа. Федеральная адресная инвестиционная программа России предусматривает бюджетные ассигнования на реализацию инвестиционных проектов строительства, реконструкции, технического перевооружения объектов капитального строительства или на приобретение объектов недвижимого имущества на территории РФ. Так, например, в 2016 году в рамках данной программы было запланировано ассигнований на сумму 880 872,665 млн рублей. Однако стоит отметить, что данный источник финансирования имеет четкие ограничения в виде конкретных интересов государства в отношении объектов капитального строительства федерального значения. Кроме всего прочего, данная форма финансирования не предполагает заключения соглашения в рамках государственно-частного партнерства. При этом формы ГЧП могут представлять альтернативу прямому финансированию через федеральные целевые программы, хотя и не в полной мере.

Традиционно развитым инструментом финансирования ГЧП, тоже относящимся к прямому финансированию государства, считалось привлечение средств Инвестиционного фонда РФ (ИФ РФ). Фонд предусматривал финансирование проектов капитального строительства транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, а также концессионных проектов. Однако в соответствии с поручением Правительства РФ от 5 апреля 2016 года было принято решение об упразднении ИФ РФ [6]. Всего за время существования ИФ осуществлено финансирование 51 инвестиционного проекта общегосударственного и регионального уровня, из которых 15 проектов завершены, а по остальным проектам будет продолжаться мониторинг реализации. При этом размер бюджетных ассигнований Фонда в целом по всем проектам составил 177 363 млн рублей, что соответствует 20 % в общей структуре инвестиций. Объем частных инвестиций составил более 76 %. Соинвесторами в проектах выступили также субъекты РФ и муниципалитеты.

Субсидии и гранты тоже могут быть использованы как источник прямого финансирования ГЧП-проектов, хотя встречается нечасто. Например, в рамках концессионного соглашения «Участок км 543 – км 684 трассы М-11 Москва – Санкт-Петербург» 25 % от общего объема инвестиций составили собственные и привлеченные заемные средства концессионера, остальная часть – капитальный грант от государства в размере 57,6 млрд рублей.

Стоит отметить, что государство стремится снизить объемы прямого финансирования проектов и рассматривает развитие ГЧП без участия со своей стороны в прямом финансировании как лучшую практику. Так, в работе [7] представлены лучшие практики реализации проектов ГЧП в социальной сфере на примере 7 проектов, реализованных в разных регионах и муниципальных образованиях, в том числе в здравоохранении (создание сети офисов врачей общей практики), образовании (строительство, оснащение и эксплуатация образовательных учреждений), социальном обслуживании населения (реконструкция и эксплуатация банно-прачечного комплекса), физкультуре и спорте (строительство ледового дворца спорта), культуре и культурном наследии (реконструкция имущества Парка культуры). Во всех представленных проектах финансирование в полном объеме осуществляется за счет концессионера. Бюджетное финансирование в проектах не предусматривалось.

К находящимся в процессе становления или совсем неприменяемым источникам финансирования в России относятся инфраструктурные инвестиционные фонды, инфраструктурные депозиты, хеджирование валютных рисков, венчурное финансирование и ряд других, развитых в других странах.

Среди прочих инструментов финансирования проектов ГЧП, которые в той или иной мере используются в России, можно выделить:

- инфраструктурные облигации;
- средства пенсионных фондов;
- государственные инвестиции в уставный капитал обществ;
- кредиты и финансовые инструменты Внешэкономбанка;
- средства международных финансовых организаций;
- банковские кредиты;
- субординированные кредиты;
- средства частного инвестора (через концессионные контракты и прочие формы ГЧП).

При нехватке собственных средств компании наиболее доступным источником финансирования из вышперечисленных является банковский кредит. Однако тут все не так просто, как хотелось бы. Во-первых, далеко не все банки финансируют ГЧП-проекты. Выделяют ТОП-5 банков (Газпромбанк, ВТБ, Сбербанк, ВТБ-24, Банк Москвы), которые имеют практику кредитования ГЧП-проектов. Во-вторых,

структура финансирования в России становится более консервативной [5], что значительно снижает возможности частного бизнеса по кредитованию долгосрочных проектов. Тем не менее кредитные займы широко используются в ГЧП-проектах, причем для проектов на муниципальном уровне они зачастую выступают основным источником финансирования наряду с собственными средствами инвестора.

Внешэкономбанк активно осуществляет финансирование проектов ГЧП. За период с 2011-го по 2015 год в рамках «Программы финансирования содействия проектам регионального и городского развития» был сформирован портфель проектов, получивших поддержку ВЭБ. В 2015 году в этот портфель было включено 38 проектов, одобренный объем финансовой поддержки по которым составил около 6 млрд рублей. В 2014 и 2015 годах в рамках Программы ФСПР оказана поддержка на общую сумму около 440 млн рублей и 1,1 млрд рублей соответственно, т. е. объемы финансирования увеличиваются.

Для крупномасштабных инвестиционных проектов в приоритетных отраслях (энергетика, транспортные объекты, системы водообеспечения и канализации, утилизация отходов, информационно-коммуникационные технологии, проекты экологической направленности) Внешэкономбанк при сотрудничестве с международными финансовыми организациями – ЕБРР, Международной финансовой корпорацией, Европейским инвестиционным банком, МБРР, Северным инвестиционным банком, Германским банком развития – предлагает различные варианты финансирования по низким процентным ставкам, длинные сроки кредитования (до 25 лет) и возможность значительной отсрочки погашения основного долга (до 30 % от срока погашения кредита) [7]. Объемы финансирования по таким проектам составляют до 500–1 000 млн долларов США. Речь идет о действительно масштабных проектах (табл. 1).

Большие надежды в России возлагаются на концессионные облигации как основу формирования рынка долгосрочных инвестиций в инфраструктурные проекты. История концессионных облигаций в России начинается с 2010 года, когда ОАО «Главная дорога» выпустила облигации для финансирования первой федеральной концессии – платного участка трассы М1 «Москва – Минск» в объезд подмосковного г. Одинцово.

Национальная ассоциация концессионеров и долгосрочных инвесторов в инфраструктуру (НАКДИ) сформировала базу данных ИНВЕСТИНФРА, которая содержит две категории проектов: Инвестинфра-ТОП и Инвестинфра-СТО.

Инвестинфра-ТОП содержит информацию о компаниях-концессионерах, привлекающих долгосрочные инвестиции через механизм выпуска и размещения концессионных облигаций, а также других участников концессионных проектов, добровольно раскрывающих дополнительную информацию о реализации концессионных проектов. В базе «Инвестинфра-ТОП» раскрывается информация по 15 концессионным проектам со средней стоимостью 11 244 933 тыс. рублей и 6 эмитентам, разместившим в общей сложности 15 выпусков концессионных облигаций. Среди эмитентов ОАО «Главная дорога», ЗАО «Управление отходами», ЗАО «Управление отходами-НН», ЗАО «Волга-спорт», ООО «Магистраль двух столиц», ООО «Концессии водоснабжения». Концессионные проекты с выпуском облигаций осуществляются как на федеральном, так и на региональном уровне.

Инвестинфра-СТО – база данных о концессионных проектах, участниках и событиях, подготовленная аналитической службой investinfra.ru на основе публичных источников. В «Инвестинфра-СТО» содержится информация о проектах с объемом инвестиций свыше 100 млн руб. и 3 эмитентах, разместивших 6 выпусков облигаций. Среди эмитентов ООО «Северо-Западная концессионная

компания», ООО «Магистраль двух столиц», ООО «Тверская концессионная компания».

Суммарный объем размещенных облигаций, выпущенных для реализации концессионных проектов, составляет 79,977 млрд руб. [8].

Концессионные облигации становятся одним из самых перспективных инструментов долгосрочного финансирования ГЧП-проектов с привлечением средств НПФ [10].

На сегодняшний день в концессионные облигации при НПФ уже инвестировали свои средства НПФ «ГАЗФОНД», ЗАО «НПФ «Наследие». Для дальнейшего развития данного инструмента финансирования ГЧП необходима активная поддержка государства.

Что касается прочих источников финансирования (государственные инвестиции в уставный капитал обществ, субординированные кредиты, иностранные инвестиции), то они по-прежнему применяются нечасто и положительной динамики их развития не наблюдается.

Среди прочих инструментов финансирования ГЧП-проектов в России можно выделить государственные гарантии, а также гарантии Внешэкономбанка.

Наиболее интересные с точки зрения структуры источников финансирования ГЧП-проекты представлены нами в таблице.

Примеры структуры источников финансирования в ГЧП-проектах¹

Название проекта	Форма ГЧП	Источник финансирования	Объем инвестиций
Реконструкция аэропорта Пулково. Санкт-Петербург	концессия	Всего, в том числе: Акционерный капитал (40 %) Кредиты ЕБРР, МФК, НИБ, ВЭБ, ЕАБР, Черноморского Банка Торговли и Развития, коммерческих банков (60 %) Продолжительность кредитов: 10–15 лет, отсрочка начала платежей – 4,5 года	1,2 млрд евро 485 млн евро 716 млн евро
Западный скоростной диаметр. Санкт-Петербург	концессия	Всего, в том числе: Собственные средства концессионера Заемное финансирование Поддержка федерального бюджета В июне 2012 года синдикат банков, в который, входят: – Евразийский банк развития – ВТБ Капитал и «Газпромбанк» «Внешэкономбанк» – Европейский банк реконструкции и развития подписали кредитное соглашение с концессионером	120 млрд руб. 9 млрд руб. 61 млрд руб. 50,7 млрд руб. 10 млрд руб. 17 млрд руб. 25 млрд руб., 200 млн евро
Система переработки и утилизации ТБО в Чувашской Республике	концессия	Облигационный займ ЗАО «Управление отходами» серии 02	1,7 млрд руб.
Участок км 543 – км 684 трассы М-11 Москва – Санкт-Петербург	концессия	Всего, в том числе: собственные и привлеченные заемных средств концессионера капитальный грант от государства	83,1 млрд. руб 25,5 млрд. руб 57,6 млрд. руб

¹ Составлено автором по: [11].

Участок 15-58 км трассы М-11 Москва – Санкт-Петербург	концессия	Всего, в том числе: Два облигационных займа концессионера серий 03 и 04 Банковская кредитная линия Сбербанка и Внешэкономбанка Средства Инвестиционного фонда	более 60 млрд руб. 10 млрд руб. до 29,2 млрд руб. 22,85 млрд руб.

В заключение хочется отметить, что инструменты финансирования государственно-частного партнерства действительно развиваются. Тенденции в данной сфере направлены в сторону снижения прямого финансирования государства за счет бюджетных средств и поиска других, более эффективных форм участия последнего в ГЧП-проектах. Количество ГЧП-проектов с привлечением новых источников финансирования растет. Основную ставку эксперты делают на активизацию долгосрочного инструмента инвестирования через концессионные облигации и НПФ.

Литература

1. Исследование «Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 гг. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП» [Электронный ресурс]. – URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2016_B5_Block_04-04-2016.pdf
2. Единая информационная система государственно-частного партнерства в РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pppi.ru>
3. Ткаченко М. В. Основные положения Концепции (стратегии) развития государственно-частного партнерства в РФ до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/conception_2020_16.10.2014.pdf
4. Былым Е. С. Перспективы финансирования государственно-частного партнерства в России // Вестник РУДН. Серия : Экономика. – 2013. – № 5. – С. 188–194.
5. Мурадова Ю. А. Проблемы финансового обеспечения государственно-частных партнерств // Кант. – 2011. – № 2 (2). – С. 123–126.
6. Отчет за II квартал 2016 года о ходе реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/20160919>
7. Лучшие практики реализации проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере : специальное издание к международному инвестиционному форуму «Сочи-2016» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pppi.ru/sites/default/files/pdf/pppcenter_a4_2016_v2_web.pdf
8. Сайт ВЭБ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.veb.ru/strategy/pmfi/>
9. База данных Инвестинфра. – URL: <http://www.db.investinfra.ru/>
10. Формирование рынка долгосрочных инвестиций в инфраструктуру: вопросы привлечения средств НПФ и создание системы мониторинга концессионных проектов // Концессии и инфраструктурные инвестиции : экспертный сборник. – URL: <http://www.investinfra.ru/files/issledovaniya/05-2015.12-sbornik-materialov.pdf>
11. Сайт Инвестинфра [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.investinfra.ru/koncessionnye-proekty.html>

Yana Valer'yevna Savchenko,

Candidate of Economics, Associate Professor at business management Dept.
Ural State University of Economics (Ekaterinburg)

**Financing of Public-private Partnership Projects in Russia:
Problems and Development Prospects**

The article describes the existing instruments and sources of public-private partnership projects' financing in the aspect of the dynamics of their of real use and development prospects in Russia. A great deal of attention is paid to the intensity of different sources and funding instruments usage including their dependence on the level (federal, regional, municipal) of project implementation.

Key words: public-private partnerships; financing; funding sources; financial instruments; development.

Формирование трудового потенциала предприятия через мотивацию и стимулирование

Статья посвящена проблеме формирования трудового потенциала предприятия. Рассмотрены компоненты трудового потенциала, его количественные характеристики. Сделаны предложения по использованию мотивации и стимулирования в целях формирования трудового потенциала, даны рекомендации менеджменту предприятий.

Ключевые слова: трудовой потенциал; компонент; характеристика; внутреннее движение кадров; мотивация; стимулирование.

Процесс формирования трудового потенциала рассмотрен в экономической литературе недостаточно полно. Вместе с тем, как справедливо отмечает К. В. Киселева, ключевым фактором современного развития экономики является персонал предприятий. Поэтому система управления персоналом является основной составляющей производственного процесса и основывается на мотивации работников в рамках профессиональной деятельности [1].

Содержание и измерение трудового потенциала предприятия. Трудовой потенциал предприятия включает в себя совокупность отдельных трудовых потенциалов работников предприятия [2]. Трудовой потенциал работника предприятия – это индивидуальные способности работника к осуществлению работы на предприятии (его физические, умственные и образовательные способности) [3]. Поэтому трудовой потенциал предприятия представляет собой сложную, динамическую, иерархическую систему.

Трудовой потенциал предприятия включает в себя четыре компонента:

1) кадровый, зависящий от уровня профессиональной компетентности и уровня образования [4];

2) профессиональный, связанный с изменениями в содержании труда под влиянием НТП, который обуславливает появление новых и отмирание старых профессий, усложнение трудовых операций;

3) квалификационный, определяемый качественными изменениями в трудовом потенциале (рост умений, знаний, навыков) и отражающий, прежде всего, изменения в личностной составляющей;

4) организационный, включающий высокую организацию и культуру труда, находящие свое выражение в четкости, ритмичности, согласованности трудовых усилий и высокой степени удовлетворенности работников своим трудом.

В идеале необходимо обеспечивать высокий уровень формирования всех четырех компонентов трудового потенциала. Так, работники предприятия должны иметь высокий уровень квалификации, быть достаточно образованными, иметь способность к освоению работы на новой технике с применением новых технологий, должны постоянно развиваться и быть удовлетворены своим трудом.

Трудовой потенциал имеет количественные и качественные характеристики.

Численность работников предприятия является основной количественной характеристикой трудового потенциала. При планировании численности работников

* **Наталья Евгеньевна Сорокина**, заместитель директора МБУ «ИМЦ Железнодорожного района» (г. Екатеринбург).

** **Наталья Владимировна Хмелькова**, д-р экон. наук, доцент, завкафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

используются показатели списочной, среднесписочной и явочной численности. Численность для различных категорий персонала планируется по-разному. Согласно классификатору профессий и должностей все работники, занятые на предприятии, подразделяются на следующие категории: рабочие, руководители, специалисты, другие служащие. Для планирования численности основных рабочих необходимо определить трудоемкость производственной программы в плановый период, определить фонд рабочего времени одного среднесписочного рабочего и среднее выполнение норм выработки в процентах, определить потребность в численности рабочих по профессиям и уровню квалификации. Отметим, что существует множество методик расчета численности основных рабочих. Численность руководителей, специалистов и других служащих рассчитывается на основе штатного расписания, в котором устанавливается количество работников по каждой из этих групп в соответствии с нормами.

Численность персонала постоянно изменяется в связи с увольнением старых работников и приемом новых людей на работу. При этом постоянно происходят перемещения сотрудников внутри организации. Внешнее и внутреннее движение кадров важно изучать для оценки трудового потенциала предприятия.

Внешнее движение кадров предприятия характеризуется показателями их оборота и сменности. Текучесть кадров определяется как число работников, уволенных по собственному желанию и за нарушение трудовой дисциплины. Коэффициент текучести кадров определяется как отношение этого числа работников к среднесписочной численности.

Одной из серьезнейших проблем в работе предприятия является высокая текучесть кадров. Для поиска путей решения проблемы необходимо проводить анализ динамики текучести кадров, выявлять основные причины ухода работников и выработать соответствующие меры, направленные на снижение текучести кадров и формирование стабильного трудового коллектива.

Внутреннее движение кадров – это перемещение внутри предприятия, которое включает в себя движение кадров между структурными подразделениями, перемещение между профессиями и квалификациями, переход в другие категории. Проведя анализ внутрипроизводственных перемещений, можно увидеть, какие на предприятии имеются возможности для роста и продвижения сотрудников, подобрать работу с оптимальными для работника условиями и оплатой труда. Внутреннее движение кадров более перспективно, чем внешнее, поскольку постоянно развивающийся работник, сделавший карьеру от простого сотрудника до менеджера, представляет наибольший интерес для руководителя предприятия.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о наиболее эффективном управлении персоналом предприятия в целях формирования трудового потенциала.

Мотивация и стимулирование как инструменты формирования трудового потенциала. Управление персоналом предприятия – это воздействие на людей, работающих на данном предприятии. В зависимости от поставленных целей характер и содержание данного воздействия будут различными. Желание человека трудиться зависит от многих условий. Поэтому подход, применяемый на предприятии к созданию этих условий, является одним из ключевых факторов роста продуктивности труда работника.

Управление персоналом – одна из важнейших составляющих общей стратегии управления предприятием. Главная цель такой стратегии состоит в получении прибыли посредством производства и реализации товаров или услуг, удовлетворяющих актуальные потребности населения, бизнеса и государства.

Выделяют две основные цели управления персоналом:

- обеспечение предприятия квалифицированными кадрами и эффективное использование их опыта, мастерства, творческого потенциала для достижения его целей;

- создание корпоративной культуры, приобщение работников к ценностям предприятия, его фирменному стилю, традициям, поведенческим моделям.

Обеих целей управления персоналом можно достичь, применяя систему мотивации. Система мотивации должна обеспечивать непрерывное совершенствование методов стимулирования труда сотрудников предприятия с использованием достижений отечественной и зарубежной науки и наилучшего управленческого опыта.

Система средств, применяемых для мотивирования людей, называется стимулированием. Оно имеет различные формы. В практике управления одной из самых распространенных его форм является материальное стимулирование. Его роль исключительно велика.

Стимулирование принципиально отличается от мотивирования. Суть этого отличия состоит в том, что стимулирование – это лишь одно из средств, с помощью которых может осуществляться мотивирование. При этом чем выше уровень развития отношений в рамках предприятия, тем реже в качестве средств управления людьми применяется стимулирование. Это связано с тем, что воспитание и обучение как методы мотивирования людей приводят к тому, что сотрудники сами проявляют заинтересованность в делах предприятия, осуществляя необходимые действия не дожидаясь или же вообще не получая соответствующего стимулирующего воздействия.

Руководителям предприятий необходимо предусмотреть размеры материального стимулирования за различные показатели, в числе которых:

- соблюдение правил внутреннего трудового распорядка, надлежащее и качественное выполнение функций, предусмотренных должностными инструкциями, соблюдение трудовой дисциплины;
- соблюдение инструкций по охране труда и санитарных правил;
- качественная уборка помещений и территории;
- активное участие в праздниках, массовых мероприятиях, субботниках;
- личный вклад работника в выполнение задач, поставленных перед коллективом;
- соблюдение порядка ведения делопроизводства, учета и сроков предоставления отчетности, контрольных заданий;
- своевременная и качественная подготовка работниками предприятия документов, отчетов и сведений;
- своевременное и качественное оформление учетно-отчетной документации;
- оперативное и качественное рассмотрение документов, полученных из вышестоящих органов, писем, жалоб и обращений граждан;
- своевременное и качественное выполнение планов работы;
- высокое качество работы;
- реализация программы развития предприятия;
- разработка и реализация инновационной деятельности;
- выполнение иных, особо важных заданий и поручений.

Именно благодаря росту материального стимулирования представляется наиболее вероятным усиление внутреннего движения кадров на предприятии.

В целях формирования трудового потенциала предприятия через мотивацию и стимулирование авторы предлагают практиковать:

- 1) финансирование заочного обучения работников предприятия, не имеющих соответствующего образования;

2) организацию курсов повышения квалификации непосредственно на предприятии с целью приобретения и отработки навыков выполнения определенной профессиональной деятельности;

3) направление на стажировку на главное предприятие или на предприятия-партнеры;

4) постепенное установление обязательного требования наличия высшего образования для кандидатов на работу;

5) включение в планы руководителей подразделений показателей увеличения количества работников с высшим образованием.

Благодаря указанным мерам, работники предприятия станут более квалифицированными и смогут более эффективно осваивать работу с новой техникой и технологиями.

К данной рекомендации также стоит добавить введение «балльной» системы оценивания труда на предприятии. За выполнение каждого вида работы предлагается ставить работнику от 0 до 5 баллов в зависимости от качества ее выполнения по следующей системе:

0 баллов – выполнение работы отсутствует.

1 балл – выполнение работы некачественное, на низком уровне.

2 балла – выполнение работы некачественное, на среднем уровне.

3 балла – выполнение работы качественное, на среднем уровне.

4 балла – выполнение работы качественное, на высоком уровне, но допущены некоторые погрешности, работа не идеальна.

5 баллов – выполнение работы надлежащего качества, на высоком уровне, погрешности и изъяны отсутствуют, работа идеальна.

Заключение. Подводя итог, отметим, что руководителям предприятий при принятии управленческих решений необходимо учесть, что трудовой потенциал предприятия – это совокупность трудовых потенциалов работников. В зависимости от того, насколько эффективно они выстроят работу с коллективом на основе методов мотивации и стимулирования, зависит эффективность работы трудового коллектива предприятия. Руководителям предприятий следует стремиться к формированию высокоорганизованного и хорошо обученного трудового коллектива, принимая во внимание феномен трудового потенциала предприятия как сложной и целостной системы.

Литература

1. Киселева К. В. Мотивация как основа формирования трудового потенциала у работников госслужбы // Молодой ученый. – 2016. – № 10. – С. 730–733.

2. Нурмухаметов И. М. Регулирование трудового потенциала на предприятиях агропромышленного комплекса : монография. – АНО ВПО «Межрегиональный открытый социальный институт», 2015 – 164 с.

3. Голощапова Т. В. Подходы к определению трудового потенциала предприятия // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. – 2010. – № 1. – С. 253–255.

4. Кошечева Н. А., Кошечева А. И. Образование работника как условие развития трудового потенциала предприятия // Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право. – 2005. – № 3. – С. 97–100.

Nataliya Evgen'yevna Sorokina,
deputy director of MBU «IMTs
of Zheleznodorozhny District» (Ekaterinburg)

Natal'ya Vladimirovna Khmelkova,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of Economics and Informatization Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Formation of Enterprise Labour Capacity through Motivation and Stimulation

The article focuses on the problem of the enterprise labor capacity formation. The components of labor potential, its quantitative characteristics are considered. The authors suggest recommendations concerning implementation of motivation and stimulation at the enterprise, as well as some practical guidelines for the enterprises' managers.

Key words: labor potential; component; characteristic; internal movement of shots; motivation; stimulation.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Соотношение индивидуального и коллективных интересов в процессе обеспечения национальной безопасности

В статье рассматриваются вопросы соотношения индивидуального и коллективных интересов в сфере национальной безопасности. Особое внимание уделяется интересам личности, ее праву на обеспечение безопасности в различных сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: право на безопасность; соотношение интересов в сфере национальной безопасности; безопасность личности; общественная безопасность; государственная безопасность.

В современных условиях, когда во главу угла национальной политики любого государства ставится основная задача – обеспечение безопасности, актуализируются вопросы, связанные с гарантированием конституционных прав и свобод личности, недопустимости их незаконного ограничения. Любой субъект (личность, общество, государство), претендующий на обеспечение безопасности, должен обладать соответствующим правом в отношении данного блага (ценности). Такое притязание получает юридическое оформление через право на безопасность.

Право на безопасность в научной литературе получило название коллективно-го (солидарного) права. Это связано с тем, что оно затрагивает интересы не столько конкретного индивида, сколько целой социальной группы, ассоциации, конкретного народа или определенной нации. Право на безопасность – это то солидарное (коллективное) право, которое в современных условиях, с учетом международной обстановки, можно реализовать только при активном взаимодействии всех заинтересованных субъектов – конкретных индивидов, их объединений, государства и всего международного сообщества. При этом важнейшим принципом в процессе реализации права на безопасность должна стать идея о недопустимости ограничения прав и свобод личности [4, с. 125].

В современных условиях актуализируются вопросы, связанные с обеспечением безопасности в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Для Российской Федерации и большей части европейского сообщества вопросы безопасности обозначаются в качестве приоритетных задач, требующих безотлагательного решения, в целях противостояния терроризму и иным угрозам.

В процессе развития общественных отношений возникают новые опасности, угрозы и риски различным интересам личности, общества и государства. Это находит отражение в новых базовых нормативных актах, регулирующих вопросы обеспечения безопасности, – Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 05.10.2015), Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и др.

Нельзя не согласиться с Н. С. Волковой, подчеркивающей, что человечество с древнейших времен ищет оптимальных форм соотношения личности (человека) и государства, сочетания их интересов [2, с. 95]. Это касается и интересов в сфере

* **Оксана Анатольевна Колоткина**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ) (г. Екатеринбург).

E-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

обеспечения безопасности. Ведь безопасность имеет ценность не сама по себе, а лишь как условие для осуществления свободы. Свобода всегда сопряжена с определенной степенью небезопасности [1, с. 23]. Поэтому перед любым современным государством и обществом стоит сложный выбор между безопасностью и свободой. Видится, что решение этой проблемы можно найти, учитывая баланс интересов личности, общества и государства.

Интересы личности, общества и государства в сфере безопасности являются разнообразными и достигаются в рамках единой государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, которая основана на учете стратегических национальных приоритетов Российской Федерации в вопросах обеспечения безопасности. Среди таких приоритетов в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определены следующие (сохраняя ранжирование интересов): оборона страны; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование; здравоохранение; культура; экология живых систем и рациональное природопользование; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство (п. 31).

На первый план среди приоритетов обеспечения безопасности выходит оборона страны, которая является составной частью государственной и общественной безопасности, что вполне объясняется современной международной ситуацией, реальными угрозами суверенитету Российской Федерации. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации к таким угрозам отнесены: наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам, создающее угрозу национальной безопасности (п. 15); активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу, показавшая несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Европейского Союза (п. 16); позиция Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности в Евразийском регионе (п. 17); поддержка США и Европейским Союзом антиконституционного государственного переворота на Украине (п. 17); появление террористической организации, объявившей себя «Исламским государством», и укрепление ее влияния (п. 18) и др. Стоит понимать, что приоритеты государственной и общественной безопасности должны выступать надежными гарантами обеспечения безопасности личности, ее базовых интересов – основных прав и свобод.

В сферу интересов национальной безопасности включены жизненно важные интересы не только государства, но и конкретной личности, а также общества в целом. Интересы личности, общества и государства в различных сферах обеспечения безопасности признаются на законодательном уровне в качестве равноценных объектов безопасности и составляют содержание понятия «национальная безопасность». В соответствии с п. 6 Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», *национальная безопасность* Российской Федерации определена в качестве состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойное качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотр-

ренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую, а также безопасность личности.

Законодательное закрепление понятия «национальная безопасность» позволило преодолеть различного рода дискуссии в правовой доктрине относительно содержания данного понятия, определив основные приоритеты в сфере обеспечения национальной безопасности [6]. Это означает, что национальная безопасность становится универсальной системой обеспечения взаимообусловленных интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения безопасности. При этом безопасность государства выступает средством, а безопасность общества – целью определения и защиты жизненно важных интересов граждан [3, с. 425].

Должное внимание в стратегии уделяется безопасности личности. Это вполне объяснимо тем, что безопасность личности выступает существенным условием как общественной, так и государственной безопасности. По справедливому замечанию проф. А. А. Опалевой, безопасность личности является важнейшей составной частью национальной безопасности [5, с. 9]. Государство в качестве приоритета государственной политики в сфере обеспечения безопасности видит создание безопасных условий для удовлетворения личностью ее основных интересов, среди которых первостепенное место отводится конституционным правам и свободам, а также обеспечению достойного качества и уровня ее жизни.

Таким образом, в настоящее время государство в нормах действующего законодательства определяет приоритеты обеспечения безопасности, которые отражают современное состояние российского общества и тенденции развития международной обстановки. На фоне укрепления интересов государства и общества в сфере обеспечения безопасности, интересы личности продолжают оставаться приоритетными направлениями государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, современная политика государства должна учитывать баланс индивидуальных и коллективных интересов в сфере обеспечения национальной безопасности. Такой баланс интересов находится в постоянной динамике и требует как учета международной обстановки, так и проведения соответствующей внутренней политики, в рамках которой государство должно способствовать созданию таких условий, при которых будут минимизированы различные угрозы и риски, с одной стороны, а с другой стороны, государство сможет гарантировать всем гражданам реализацию их конституционных прав и свобод, достойное качество жизни и условия для дальнейшего развития личностного потенциала.

Воплощая в жизнь идеи национальной безопасности, важно добиться того, чтобы обозначенные приоритеты в сфере обеспечения безопасности не трактовались как умаление чьих-либо интересов, к примеру личности или общества, на фоне доминирования интересов государственной безопасности. На наш взгляд, частный и коллективный интерес в сфере обеспечения безопасности не должны противопоставляться, так как это звенья единого механизма – национальной безопасности.

Литература

1. Баум Г. Спасти права граждан. – М. : Сектор, 2015. – С. 23.
2. Волкова Н. С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Журнал российского права. – 2005. – № 2. – С. 95.
3. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – М. : Юрист, 2001.
4. Олейник Н. Н., Олейник А. Н. Историческое развитие поколений «прав человека» // Серия : Философия. Социология. Право. – 2015. – № 14. – С. 125.

5. Опалева А. А. Гарантии как элемент правового обеспечения безопасности личности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 4. – С. 9.

6. Степанов А. А. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. – 2015. – № 2 (28).

Oxana Anatolyevna Kolotkina,

Candidate of Law, Associate Professor at competition law Chair,
Ural State Economic University (USUE) (Ekaterinburg)

**The Ratio of Individual and Collective Interests
in the Process of National Security**

The article concerns issues of correlation of individual and collective interests in the sphere of national security. The special attention is paid to the interests of the individual, his right to safety in various spheres of life.

Key words: right to safety; the balance of interests in the sphere of national security; human security; public security; national security.

Понятие и признаки инсайдерской информации

В настоящей статье автор изучает понятие инсайдерской информации по международному праву, а также в США, странах Европы и Азии по их законодательству, из определения выделяет ряд признаков инсайдерской информации. Указывает на то, что проблема антиинсайдерского регулирования возникла в странах Америки и Европы в двадцатом веке. Каждое последующее определение инсайдерской информации сравнивает с предыдущим, указывая на новые либо повторяющиеся признаки. Автор указывает на то, что в Российской Федерации также был принят антиинсайдерский закон на основе международных актов и зарубежных источников, касающихся этой сферы. Указано на то, что теперь в России за нарушение законного оборота инсайдерской информации введена административная и уголовная ответственность. Проведен анализ понятия «инсайдерская информация» по российскому законодательству, выделены признаки инсайдерской информации, сделан вывод о том, что это понятие громоздко и объемно, включает в себя и иную охраняемую законом информацию, что является неверным, и предложено изменить формулировку понятия инсайдерской информации.

Ключевые слова: инсайдерская информация; понятие; признаки; ответственность.

Федеральным законом № 241-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27 июля 2010 года [1] законодатель ввел в гл. 15 КоАП РФ три новых состава административных правонарушений: неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 15.21), манипулирование рынком (ст. 15.30), нарушение требований законодательства о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком (15.35). В гл. 22 УК РФ (преступления в сфере экономической деятельности) введены две новые статьи: ст. 185.3 – манипулирование рынком и ст. 185.6 – неправомерное использование инсайдерской информации.

Во исполнение требований положений указанного федерального закона были приняты подзаконные нормативно-правовые акты, регулирующие оборот инсайдерской информации.

Так, в Приказе ФСФР России от 18.06.2013 № 13-51/пз-н «Об утверждении Положения о порядке уведомления лиц об их включении в список инсайдеров и исключении из такого списка, Положения о порядке передачи списков инсайдеров организаторам торговли, через которых совершаются операции с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товаром, Положения о порядке и сроках направления инсайдерами уведомлений о совершенных ими операциях» [2] предусмотрена обязанность организаций вести списки инсайдеров и предоставлять указанные списки фондовым, валютным, товарным биржам, иным организациям, которые в соответствии с федеральными законами осуществляют деятельность по организации торговли финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, через которых совершаются операции с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товаром.

* **Алексей Евгеньевич Сибякин**, соискатель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург).

E-mail: a.sibyakin@mail.ru

Что же следует считать инсайдерской информацией? В чем ее уникальность и отличие от иных видов информации, для которой российским законодательством установлен специальный правовой режим?

Очевидно, что институт инсайдерской информации явно пришел в российскую правовую систему из зарубежного законодательства и международного права. Это объясняется тем, что в зарубежных государствах раньше, чем в России, начали борьбу с этим общественно опасным явлением. Поэтому рассмотрение понятия и признаков инсайдерской информации логично начать с их определения, даваемого в международных источниках.

В настоящий момент основным международно-правовым актом, дающим определение инсайдерской информации, является Директива 2003/6/ЕС «Об инсайдерской деятельности и рыночном манипулировании (злоупотреблениях на рынке)» [3].

Пункт 1 ст. 1 Директивы определяет инсайдерскую информацию как *информацию публично не раскрытую, обладающую известной ценностью, относящуюся к одному или нескольким эмитентам финансовых инструментов либо одному или нескольким таким инструментам, которая в случае раскрытия непременно окажет значительное влияние на котировки этих финансовых инструментов или соответствующих деривативов.*

В дальнейшем Директива 2003/6/ЕС «Об инсайдерской деятельности и рыночном манипулировании (злоупотреблениях на рынке)» была пересмотрена и представлена Европейской комиссией осенью 2011 года в виде проекта Регламента об инсайдерских сделках и рыночном манипулировании (рыночных злоупотреблениях) и проекта Директивы об уголовных наказаниях за ведение инсайдерской деятельности и рыночное манипулирование [4].

В указанных документах понятие инсайдерской информации дополняется отдельно для товарных деривативов, разрешений на выбросы, а также лиц, в чьи обязанности входит выполнение поручений на проведение операций с финансовыми инструментами. Поскольку в этих международных документах к рассмотренному нами ранее понятию инсайдерской информации добавляются лишь вариативные факультативные признаки применительно к некоторым субъектам или объектам экономической деятельности, они в рамках данной статьи рассматриваться не будут.

Понятие инсайдерской информации, которое было сформулировано на международном уровне, видоизменено рядом государств с учетом их национальных особенностей. Для более тщательного исследования понятия и признаков инсайдерской информации обратимся к опыту и вопросам правового регулирования инсайда в зарубежных странах

Родоначальником активного регулирования оборота инсайдерской информации на федеральном уровне явились Соединенные Штаты Америки. Нужно учитывать, что законодательство США представляет собой не только федеральные законы и законы отдельных штатов, но и административную практику правоохранительных органов и судебные решения. В законодательстве США отсутствует четкая формулировка понятия инсайдерской информации, в связи с чем выделить конкретные признаки инсайдерской информации в законодательстве США не представляется возможным.

До принятия международных договоров странами с наиболее развитыми системами противодействия недобросовестным методам торговли инсайдом считались Великобритания и Франция. Обратимся к их законодательной базе по вопросу о противодействии незаконному обороту инсайдерской информации.

В соответствии со ст. 118 (2) Закона **Великобритании** «О финансовых услугах» *инсайдерская информация – это информация, которая не является обще-*

доступной для участников рынка и которую участники, если бы она была им доступна, вероятно, посчитали бы значимой для принятия решения о том, на каких именно условиях следует осуществлять сделки с соответствующим финансовым документом [5].

Сравнив понятие инсайдерской информации, принятое в международных документах, с данным в Законе Великобритании «О финансовых услугах», можно сделать вывод, что международно-правовое понятие инсайдерской информации более полное и насыщено рядом значимых признаков, в то время как понятие инсайдерской информации в законодательстве Великобритании более краткое. Очевидно, это связано с тем, что английский закон был принят намного раньше международно-правовых документов, поэтому и содержит столь лаконичное определение инсайда. С учетом консервативно-демократического режима Англии, вносить изменения в действующие законы нетипично для этого государства. Так, в английском законе не идет речь об эмитентах финансовых инструментах, котировках, деривативах, а лишь сказано о том, что информация может считаться значимой для принятия решения об условиях осуществления сделки. В международно-правовом документе указано на категоричное влияние инсайдерской информации на рынок.

В соответствии со ст. 10-1 Ордонанса **Франции** № 67-833 т 28.09.1967 г. *инсайдерской информацией признается привилегированная неизвестная общественности информация о перспективах или положение эмитента, ценные бумаги которого обращаются на организованном рынке, или о перспективах эволюции финансового рынка финансового инструмента, допущенного к обращению на организованном рынке* [6].

Очевидно, что, несмотря на более раннее принятие, по сравнению с английским определением, определение инсайдерской информации по французскому праву более полное и включает в себя, в том числе, и информацию об эмитенте, о самом финансовом рынке. Однако, по сравнению с понятием инсайдерской информации по международному праву, в этом определении идет речь о перспективах эволюции, развитии, т.е. определенном совершенствовании, как финансового рынка, так и финансового инструмента. По международному же праву подобного рода информация, в случае ее раскрытия, непременно окажет значительное влияние на котировки этих финансовых инструментов или соответствующих деривативов, т. е. также окажет влияние на финансовый рынок.

Теперь обратимся к немецкому опыту регулирования инсайда.

В ст. 13 Акта о торговле ценными бумагами **Германии** дано легальное определение инсайдерской информации. *Инсайдерская информация – это любая точная информация об обстоятельствах, которые не являются общеизвестными, относящаяся к одному или более эмитентам инсайдерских ценных бумаг или к самим инсайдерским ценным бумагам, которая, сделанная общеизвестной, могла бы оказать существенное влияние на фондовый рынок или рыночную цену инсайдерской ценной бумаги* [7].

Стоит отметить то, что указанное определение инсайдерской информации, по сравнению с английским и французским, наиболее полное и соответствует как раз международному определению. Немецкий законодатель сделал акцент на характеристике информации как точной и конкретной о ранее неизвестных обстоятельствах. Таким образом, здесь отличительная особенность инсайдерской информации состоит в том, что это тайна, которая должна быть раскрыта. Вторая часть определения также касается ценных бумаг и влияния на финансовый рынок, т. е. аналогична определению в международном, английском и французском праве.

По-видимому, необходимость в регулировании инсайдерской информации у них возникла давно, о чем свидетельствуют даты принятия антиинсайдерских за-

конов. В европейских странах правовое понятие инсайдерской информации в целом схоже. Эта такая до определенного времени значимая информация, которая может оказать существенное влияние на финансовый рынок. В связи с этим такая информация нуждается в правовом регулировании не только на национальном, но и на межгосударственном уровне. Что, собственно, и происходит в настоящее время.

Обратимся к правовому регулированию инсайдерской информации в странах Востока.

Так, в **Китайской Народной Республике** само понятие инсайдерской информации отсутствует, вместо этого присутствует институт конфиденциальной информации. Статья 180 УК КНР предусматривает *ответственность лица, владеющего конфиденциальной информацией, касающейся фондовых сделок, или получившего такую информацию незаконным путем и воспользовавшегося своим знанием для продажи или покупки ценных бумаг до того, как информация, касающаяся их выпуска, обращения на бирже и иная информация, оказывающая влияние на стоимость ценных бумаг, была официально объявлена, либо разгласившего данную информацию до ее официального объявления, приотягчающих обстоятельствах* [8].

Обратимся к другому классическому представителю Востока – **Японии**. Согласно положениям японского законодательства *инсайдерской признается деятельность на фондовом рынке с использованием информации, содержащей важные сведения об этих ценных бумагах* [9].

Нетрудно заметить, что положения китайского закона об инсайте содержат более полное и конкретизированное определение инсайдерской информации; японское же определение инсайдерской информации лаконично, а без дополнительных факультативных признаков весьма трудно отличать инсайдерскую информацию от неинсайдерской.

Изучив понятие и признаки инсайдерской информации по китайскому праву, следует отметить, что оно соответствует как международно-правовым источникам, так и определению инсайдерской информации в странах Европы.

Россия принимала законодательство о противодействии инсайду намного позднее зарубежных стран и потому смогла использовать их опыт как позитивного, так и негативного характера.

Согласно Федеральному закону № 241-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты **Российской Федерации**» *инсайдерская информация – точная и конкретная информация, которая не была распространена или предоставлена (в том числе сведения, составляющие коммерческую, служебную, банковскую тайну, тайну связи (в части информации о почтовых переводах денежных средств) и иную охраняемую законом тайну), распространение или предоставление которой может оказать существенное влияние на цены финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров (в том числе сведения, касающиеся одного или нескольких эмитентов эмиссионных ценных бумаг (далее – эмитент), одной или нескольких управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов (далее – управляющая компания), одного или нескольких хозяйствующих субъектов, указанных в п. 2 ст. 4 настоящего Федерального закона, либо одного или нескольких финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров) и которая относится к информации, включенной в соответствующий перечень инсайдерской информации, указанный в ст. 3 настоящего Федерального закона.*

Сразу заметно, что российское определение инсайдерской информации объемно, содержательно, но в то же время громоздко, что, безусловно, может плохо сказаться на правоприменительной практике. Позднее принятие антиинсайдерского закона как раз и привело к попытке включить в это определение множество всевозможных признаков. Также в понятие инсайдерской информации включена и иная охраняемая законом тайна (коммерческая, служебная, банковская, связи и т. д.). Полагаю, что указанное определение внутренне противоречиво. Один из признаков какой-либо информационной тайны – ее полная сохранность, неразглашенность. За незаконное разглашение тайны предусмотрена уголовная ответственность. Получается, что по российскому закону инсайдер обязан в определенное время раскрыть инсайдерскую информацию, а если она содержит какую-либо тайну, то раскрыть и ее и тем самым совершить преступление. Полагаю, что «иная охраняемая законом информация» из содержания инсайдерской информации должна быть удалена.

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что необходимость регулирования оборота инсайдерской информации возникла в двадцатом веке в США и странах Европы и Азии, а также на межгосударственном уровне. В России принятие антиинсайдерского закона затянулось в силу политических и социально-экономических реформ. Российское определение инсайдерской информации громоздко и объемно, включает в себя другие виды охраняемой законом информации. Такое определение трудно будет использовать на практике. В целом признаки легального определения инсайдерской информации схожи, как в международно-правовых источниках, так и в законодательствах США, стран Европы, Азии и в Российской Федерации.

Литература

1. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Об утверждении Положения о порядке уведомления лиц об их включении в список инсайдеров и исключении из такого списка, Положения о порядке передачи списков инсайдеров организаторам торговли, через которых совершаются операции с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товаром, Положения о порядке и сроках направления инсайдерами уведомлений о совершенных ими операциях : Приказ ФСФР России от 18.06.2013 № 13-51/пз-н // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Об инсайдерской деятельности и рыночном манипулировании (злоупотреблениях на рынке) : Директива 2003/6/ЕС. – URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/22073522/21441529/>
4. Евменьева А. Д. Инсайдерские нарушения в ЕС. За что могут привлечь к ответственности? – URL: <http://eng.pravorf.ru/upload/pravorf.ru-ins2.pdf>
5. Киселева И. Правовое регулирование инсайдерской торговли в России // Корпоративный юрист. – 2005. – № 4.
6. Вавулин Д. А. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : комментарий к Федеральному закону (постатейный). – URL: <http://www.litportal.ru/genre211/author21502/book177424.html>
7. Инсайдерская информация. – URL: <http://investments.academic.ru/1009/>
8. Уголовный кодекс КНР. – URL: <http://www.asia-business.ru/law/law1/criminalcode/>
9. Ширинян И. Мировой опыт использования инсайдерской информации на рынке ценных бумаг. – URL: <http://old.rcb.ru/Archive/articles.asp?id=4455>

Alexey Evgen'yevich Sibyakin,

Fellow Applicant at the Department of Criminal Law,
Ural State Law University (Ekaterinburg)

The Concept and Features of Insider Information

In this article the author studies the concept of insider information under international law, as well as in the US, Europe and Asia, according to their legislation. The definition identifies a number of features of insider's information and indicates the problem of counter-insider regulation in America and Europe in the twentieth century. Each subsequent definition of insider information is compared with the previous, indicating new or recurrent symptoms. The author points out that in the Russian Federation the counter-insider law has been adopted based on international instruments and foreign sources relating to this matter. The article points out that at present there is administrative and criminal liability for trafficking in insider information in Russia. It also analyzes the concept of «insider information» under Russian law, distinguishes the features of insider information, and concludes that this concept is cumbersome and complex, since it includes excessive legally protected information that is incorrect and proposes to reformulate the concept of insider information.

Key words: insider information; concept; features; liability.

Особенности выявления признаков делинквентного и виктимного поведения ребенка в образовательных организациях: технологии обучения педагогов

Статья посвящена исследованию одной из составляющих образовательного процесса, а именно выявлению признаков делинквентного и виктимного поведения ребенка в образовательных организациях. Авторы попытались классифицировать признаки противоправного и виктимного поведения ребенка и рассмотреть возможность профилактики этих форм поведения.

Ключевые слова: криминология; виктимология; воспитание; ребенок; виктимное поведение; делинквентное поведение; образовательный процесс; профилактика.

С расширением функций образовательных организаций и определением понятия «образование» как единого целенаправленного процесса воспитания и обучения, автоматически возникла проблема исследования одной из составляющих образовательного процесса, а именно – процесса воспитания в образовательных организациях.

Законодатель предоставил нам довольно расплывчатое определение данному процессу, объединив в одном предложении этику, мораль, нравственность и право. То есть, по мнению законодателя, «воспитание» в образовательной организации – это «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства»¹. Рассмотрев перечень результативных требований к процессу воспитания в образовательной организации, мы были вынуждены прийти к выводу, что не менее 80 % воспитательных мероприятий должны проводиться не в рамках оценки поведения ребенка обществом (мораль и нравственность), а в сфере правоотношений, регулируемых государством.

Это довольно спорное заявление, но оно имеет под собой достаточно устойчивый фундамент. Начать необходимо с того, что правила поведения человека в обществе установлены традициями и обычаями и оцениваются через призму морали и нравственности, а также писаными нормами, уставами, кодексами, законами и конвенциями, нарушение которых влечет за собой юридическую ответственность со стороны государства. А так как человек – существо социальное и не может существовать без общества, то его поведение в подавляющем большинстве случаев ориентировано на мнение общества, в котором он обитает, и соотносится с возможной нежелательной отрицательной реакцией этого общества на поведение отдельной личности, влекущей для этой личности нежелательные материальные или моральные негативные последствия. То есть можно признать, что правомерное поведение – это выработанное личностью чувство самосохранения в социальной среде (обществе себе подобных). Эти же выводы можно применить и к

* **Геннадий Сергеевич Тумалевич**, канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** **Николай Геннадьевич Тумалевич**, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года. – Ст. 2.

поведению в обществе своих сверстников и (или) взрослых ребенка – «лица, до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)»².

При этом приходится признать, что иногда противоправное поведение личности (ребенка), осуждаемое государством, может положительно оцениваться тем обществом, в котором находится данная личность (ребенок).

Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, в целях проведения исследований по возникшей проблеме процесса воспитания ребенка в образовательной организации, в рамках учебного процесса факультета юриспруденции Уральского государственного педагогического университета в 2014/15 учебном году «пилотным» проектом для студентов 3-го курса автором была введена дисциплина по выбору – «Профилактика виктимного и делинквентного поведения ребенка». В дальнейшем, в связи с реорганизацией факультета и закрытием специальности «Юриспруденция», эксперимент был остановлен.

В ходе реализации проекта было установлено, что необходимость и значимость подготовки выпускников, обладающих знаниями детской психологии, педагогическими и криминологическими знаниями, определяется ростом детской преступности, увеличением «армии» безработных и беспризорных, а также детей, находящихся в трудных жизненных условиях и требующих к себе повышенного внимания и защиты со стороны государства.

Целью дисциплины являлась подача обучающимся представления о структуре криминологического знания по вопросам детской преступности (преступлений в отношении детей и совершенных детьми), теоретических концепциях отраслевых направлений; о тенденциях динамики детской преступности³ в российском обществе; об основных этапах развития виктимологии как части науки криминологии и профилактики детской виктимности и противоправного поведения. В ходе обучения ставилась цель рассмотреть понятия «жертва» и «формирование правового сознания ребенка», определить роль педагогики, психологии и юриспруденции в процессе воспитания правомерного поведения ребенка, а также функций криминологии в сферах применения криминологического знания при формировании правового сознания ребенка.

Одновременно, при осуществлении данного проекта мы столкнулись с достаточно серьезной проблемой, а именно: как обучающимся, не имеющим основ юридических знаний (теория государства и права, конституционное право, уголовное право и криминология), в выделенные часы изучаемого предмета предоставить возможность получить достаточный минимум знаний для понимания некоторых юридических понятий и терминов? С этой целью был предложен ряд схем и таблиц, использование которых на практике дает возможность слушателям определить для себя эти понятия («правовая оценка поведения лица», «делинквентное поведение ребенка», «виктимное поведение ребенка»).

² В работе, кроме обговоренных в тексте терминов, применяется легитимный термин «ребенок» – т. е. «человеческое существо, не достигшее возраста 18 лет» (Конвенция о правах ребенка) или «лицо, до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)» (Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 (действующая редакция, 2016). – Ч. 1. Ст. 1).

³ Под термином «детская преступность» в данной работе понимается совокупность преступлений, совершенных детьми и совершенных в отношении детей.

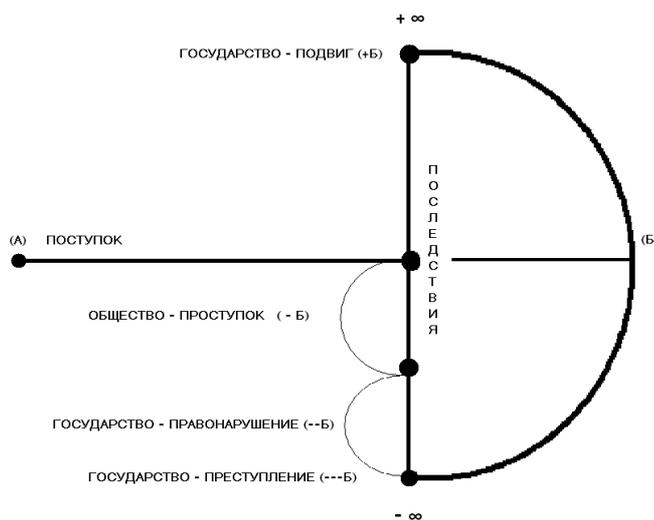

Рис. Характер и последствия поведения ребенка

Принимаем за основу, что каждый «поступок» человека (ребенка) – осознанные действия (процесс) во времени и в пространстве, поэтому обозначаем их горизонтальной линией (А) – «поступок». Результат этого «поступка» необходим ребенку для достижения какой-либо, лично ему необходимой, цели. Предположим, что после «поступка» наступают «последствия» (Б). Последствия, которые наступают после «поступка», всегда являются не только положительными, но и отрицательными как для личности, так и для общества, и полностью просчитать эти последствия невозможно. Поэтому вертикальная линия «последствия» имеет как знак «+» и знак «бесконечность» выше линии (А) – «поступок», так и знак «-» и знак «бесконечность» ниже линии (А).

Ребенок, как и любой человек, просчитывает для себя последствия своего поступка только по линии (А), так как человек – существо эгоистичное и критически может относиться к себе только через призму оценки своего поведения социумом (обществом), ввиду того что это существо еще и социальное. В зоне «+» человек свой поступок не оценивает, так как для него максимум оценки – «поступок». Ребенку не хватает жизненного опыта, знаний, навыков и т. д. для критической оценки своего поступка и прогнозирования возможных *положительных* и *отрицательных* для него последствий. Для этого в отрицательную часть последствий вносим три контрольные точки: «проступок» (-б), «правонарушение» (--б), «преступление» (---б), а в положительную часть вносим точку «подвиг» (+б)⁴.

После этого мы признаем, что «проступок» (-б) – это оценка поступка личности (ребенка) исключительно обществом посредством критериев морали, нравственности и этики, которая влечет за собой исключительно общественное порицание, а «правонарушение» (--б) и «преступление» (---б) – это оценка поступка государством посредством писаных норм права, которая влечет за собой юридическую ответственность (дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную).

В то же время необходимо учесть, что отрицательные оценки поступка обществом (социальной группой) и государством не всегда совпадают. В ряде случаев ребенок может совершать «поступки», негативно оцениваемые государством, но положительно оцениваемые той социальной группой, в которой он находится или в которую желает попасть.

⁴ Эти термины необходимы исключительно для данной схемы и не подлежат обсуждению по вопросу соответствия юридической терминологии, в том числе «административный проступок», и «преступление является правонарушением».

Любая положительная оценка обществом (социальной группой) поступка личности определяется терминами «поступок» (А), или «хороший поступок» (А). «Подвиг» (+б) – оценивается исключительно государством также на основании нормативного документа, начиная с приказа руководителя о поощрении и заканчивая нормативным документом государства о присвоении высшего почетного звания «Герой России».

Поэтому для оценки правомерности «поступка» ребенка достаточно рассмотреть, каким нормативным документом регулируется данный вид поведения личности в обществе и какие санкции предусмотрены государством за данный «поступок».

Для закрепления на практике полученных знаний обучающиеся с использованием вышеуказанной схемы рассматривали стихотворение В. Маяковского «Что такое хорошо, что такое плохо?». Изложенные в стихотворении образцы поведения ребенка оценивались через предложенные шаблоны, и обучающийся, не имеющий юридических знаний, в ста процентах случаев давал верную оценку, разделяя поведение на поступок, проступок и делинквентный поступок.

По вопросу волевого отношения к «делинквентному» поступку ребенка больших проблем не возникло благодаря тому, что в гл. 5 Особенной части Уголовного кодекса РФ достаточно подробно разъяснены признаки «субъективной стороны состава преступления»⁵.

Используя эти характеристики оценки поступка ребенка, мы попытались в подобную схему внести и оценку «виктимного» поведения ребенка с целью профилактики этих видов поведения.

Сразу заявляем, что это предложение небесспорно и подлежит конструктивной критике.

В науках «Криминология», «Виктимология», «Психология» и «Социология» при исследовании проблем виктимного поведения человека (ребенка) разработано и предлагается большое количество схем и пояснительных специальных терминов. Мы решили рассмотреть эту проблему по упрощенной схеме, на основе которой в каждом отдельном случае необходимо проведение более глубокого исследования. В этих целях за основу была взята следующая схема.

Было предложено разделить «виктимное поведение ребенка» на четыре основных вида (табл.).

Волевое	Волевое-провокационное	Провокационно-ситуационное	Ситуационное
осознает предвидит желает	осознает, предвидит, не желает, но сознательно допускает относится безразлично легкомысленно надеется на предотвращение	не осознает, не предвидит, но в силу внимательности и осторожности должен осознавать и предвидеть	не осознает, не предвидит, и не мог осознавать и предвидеть

«Волевое» – ребенок осознает опасность своих действий, предвидит наступление опасных последствий и желает наступления этих последствий (суицид);

«Волевое – провокационное» – ребенок осознает опасность своих действий, предвидит наступление последствий, не желает их наступления, но сознательно

⁵ Аналогичная схема предусмотрена в Административном законодательстве Российской Федерации.

допускает, относится безразлично, либо легкомысленно надеется на благоприятные для него последствия благодаря своему опыту, навыкам, знаниям или помощи третьих лиц (экстрим);

«Провокационно-ситуационное» – ребенок не осознает опасности своего поведения, не предвидит наступления опасных последствий, но в силу необходимого опыта, знаний и внимания должен осознавать и предвидеть возможность наступления таких последствий.

«Ситуационное» – ребенок не осознает опасности своего поведения, не предвидит наступления опасных последствий, и даже в силу необходимого опыта, знаний и внимания не мог и не должен был осознавать и предвидеть возможность наступления таких последствий (трагичный, практически непрофилактируемый случай – ребенок пострадал от незаконных действий других лиц в связи с тем, что случайно попал не в то время и не в то место).

Конечно, эти предложения не категоричны, но они нашли успешное применение на практике, и этот опыт получил положительные отзывы при обсуждении на юридических и педагогических конференциях и семинарах, связанных с вопроса-ми защиты прав ребенка.

Gennady Sergeyevich Tumalevich,

Candidate of Law, Associate Professor at Public Law Chair, Legal Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Nicholas Gennadievich Tumalevich,

Post-graduate student, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**Detecting Signs of Delinquent and Victim Behavior of a Child
in the Educational Establishment: Technologies of Teachers' Training**

The article presents the study of one of the educational process components, namely the identification of signs of delinquent and victim behavior of the child in the educational institutions. The authors attempt to classify the signs of illegal child and victim behavior and to consider the prevention of this conduct.

Keywords: criminology; victimology; education; child; victim behavior; delinquent behavior; educational process; prevention.

К вопросу о необходимости конкретизации пределов ограничений прав и свобод индивида

Необходимость и возможность ограничения прав и свобод человека предусмотрена как многочисленными международными актами в сфере прав человека, так и российским законодательством. Но то и дело встает вопрос о пределах вводимых ограничений прав и свобод. На сегодняшний день нет ни одного нормативного правового акта ни международного, ни внутригосударственного характера, который намечал бы пределы ограничения основных прав и свобод человека.

Ключевые слова: ограничение прав и свобод человека; цели; пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина; МГПП.

Согласно ст. 2 Конституции РФ права и свободы человека являются высшей ценностью, что стало одним из отличительных условий закрепления и формирования правовой государственности и демократии в России. Государству вменены в обязанность признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Отсюда вытекает разумное самоограничение деятельности государства. Но в то же самое время в ст. 55 Конституции РФ предусмотрена возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях безопасности, охраны конституционного строя и иным основаниям. Это также разумно, поскольку закрепление абсолютного превосходства какого-либо положения влечет опасность как злоупотребления, так и нарушения баланса публичных и частных интересов. Поэтому большинство государств, относящих себя к демократической системе, предусматривает как признание ценности права и свобод индивида, так и возможность их разумного ограничения в случае необходимости.

Определенная сложность заключается в том, что на сегодняшний день не существует ни одного нормативного правового акта ни международного, ни внутригосударственного характера, который содержал бы четкие критерии ограничения основных прав и свобод человека.

В теоретических работах авторы часто обращаются к анализу пределов ограничений прав и свобод человека, представляя их, к примеру, как некую форму свободы, и тогда пределы представляют собой не ограничение свободы как определенного блага, предоставляемого тем или иным правом, а изменение продолжительности, полноты и качества пользования этой свободой [2, с. 8, 9]. Если примерить эту теоретическую конструкцию к реальности, то не всегда ясно, где начинаются непосредственно ограничения права в сущности его правопритязания на то или иное благо, а где имеет место ограничение полноты, продолжительности и качества пользования правом [6].

Некоторые авторы при рассмотрении пределов ограничений прав и свобод вводят дополнительные понятия, которые позволяют отразить определенную сущностную характеристику понятия. К примеру, Б. С. Эбзеев использует понятие «имманентные» пределы права [8, с. 33–41]. Автор отмечает, что «имманентные пределы основных прав зафиксированы в Конституции и по своей социальной и юридической природе отличаются от ограничений основных прав» [10, с. 24].

* **Инара Дамировна Ягофарова**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Екатеринбург).

E-mail: vaina3@yandex.ru

Многие авторы абсолютно справедливо указывают на то, что нецелесообразно отождествлять ограничения прав и свобод человека и гражданина с пределами осуществления прав и свобод, хотя они являются взаимосвязанными категориями [5, с. 508]. Пределы ограничений представляют собой некие границы реализации прав и свобод. Несоблюдение установленных пределов осуществления права напрямую свидетельствует о неправомерной реализации прав и свобод, т. е. об их нарушении. В свою очередь, ограничение прав и свобод представляет собой некое установление границ реализации и пользования правами и свободами, выход за рамки которых будет считаться злоупотреблением или нарушением установленных прав и свобод. Вот именно в этом и есть общая основа рассматриваемых понятий. В то же время надо учитывать, что если пределы осуществления права определяют условия реализации права и не направлены на сужение его объема, то ограничение права представляет собой определенное вмешательство, что так или иначе сужает объем конкретного права или свободы.

В любом случае, авторы сходятся во мнении, что выявление пределов ограничения основных прав и условий их реализации является абсолютно объективной необходимостью для нормального функционирования общества и для развития личности [13, с. 7].

Следует также обратить внимание и на позицию, согласно которой объем конкретного права всегда имеет свои естественные пределы, а также и установленные пределы нормативного характера в каждой ситуации. Эти пределы являются достаточно подвижными, но не могут расширяться или, наоборот, сужаться до их полного исчезновения. Обозначенное динамичное изменение возможно в ситуации кризисных явлений в государстве [12, с. 261–262]. Такое понимание границ права и свободы не дает возможности определить само право и его предоставляемый объем, поскольку, в данном случае, это некая расплывчатая субстанция, которая не имеет стабильности и надежности. И, получив определенное право, субъект не может самостоятельно определить его границы, ибо это напрямую зависит от происходящих в государстве процессов.

Заслуживает внимания позиция А. А. Астраханя, который под пределами осуществления прав и свобод понимает систему критериев правомерного поведения, отвечающую требованиям социальной справедливости, соответствующую интересам общества и государства и соблюдение которой представляет собой необходимое условие надлежащего пользования своими правами [1, с. 90–91]. Согласно этой позиции можно резюмировать, что пределы реализации права представляют собой некую систему критериев и ориентиров правомерного поведения. Такая точка зрения, согласно которой понимание пределов ограничения права привязывается к правомерному поведению, не совсем целесообразна, поскольку понятие социальной справедливости у различных социальных групп отличается кардинально и изменчивость законодательства не всегда позволяет определить вид правового поведения, особенно в современный период.

В литературе нередко встречается привычное положение о том, что реализация права одного лица не должно нарушать право иного лица, т. е., значит, право одного субъекта ограничивается правом другого субъекта. В частности, А. В. Малько считает, что «свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе» [9, с. 104]. Это также в некоторой степени указывает на пределы конкретного права, но все же достаточно условно, поскольку у субъектов различное понимание границ и объема предоставленного права, с чем и возникают серьезные проблемы на практике, когда субъекты вынуждены судебным путем определять границы своего права и его реализации.

Обобщая рассуждения специалистов в данном вопросе, следует сказать, что никто из исследователей не оспаривает необходимости установления ограничений прав и свобод человека: это необходимая мера для эффективного функционирования и поступательного развития всего общества. Относительно же пределов самих ограничений мнения исследователей разнятся в понимании их содержательной и сущностной характеристики, что говорит об отличии в понимании самой сути и предназначения ограничений прав и свобод человека. В современной науке можно выделить около пяти позиций авторов относительно понятия ограничений прав и свобод человека, поэтому все остальные характеристики данного явления также будут отличаться. Кто-то видит в пределах ограничения прав и свобод сужение объема предоставляемого права, иные – лишь рамочные границы поведения и т. д. Поэтому до сих пор в теории не установилось единообразного понимания ни самого ограничения прав и свобод человека, ни их пределов и границ.

Стоит также обратиться и к нормативным правовым актам различного уровня, которые содержат практическое закрепление пределов ограничений прав и свобод.

В ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах содержится положение, которое определяет пределы ограничения через установление целей ограничения и дополняет это требованием совместимости ограничений прав с природой этих прав.

В Международном пакте о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) указано, что ограничения могут вводиться, если они «необходимы» (п. 3 ст. 12, 18 и 19), т. е. вводятся для достижения определенной цели.

Эти положения в качестве предела ограничений указывают на их цель, а также на соответствие ограничений поставленным целям, что подтверждает приведенные выше теоретические положения. Бесспорно, что пределы ограничений обусловлены напрямую необходимостью их установления для достижения значимых целей. Но обозначенные в документах цели ограничений прав и свобод человека настолько многочисленны и объемны, что есть некоторая опасность злоупотребления ими, поскольку понятие национальной безопасности или охраны нравственности населения настолько всеобъемлющи, что сложно определить предельную точку. Тем самым сфера возможных ограничений прав и свобод человека значительно расширяется и в то же время затрудняет возможность определения пределов ограничений прав и свобод.

Особое значение для установления предельности ограничений прав и свобод имеют «Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах» (1984). Этот документ был специально создан для толкования ограничений и отступлений, предусмотренных МПГПП. В нем содержатся положения, которые предельно ясно разъясняют ограничения прав и свобод как в целом, так и конкретизируя определенные положения. К примеру, в ст. 2 «Сиракузских принципов...» содержится положение, согласно которому «степень ограничения, предусмотренная в Пакте, не должна толковаться таким образом, чтобы угрожать тем самым существованию соответствующего права». Помимо этого указано, что ограничения должны соответствовать целям МПГПП (ст. 5), не должны применяться с иной целью, чем та, для которой они предусмотрены (ст. 6) и быть соразмерны ей (ст. 10). Кроме того, государство, применяя ограничения, не должно идти дальше, чем это требуется для достижения цели (ст. 11).

Изучая статьи «Сиракузских принципов...», можно встретить положение о том, что ограничения прав и свобод не должны быть «произвольными» и «неразумными» (ст. 7, 16, 34 и т. д.), что означает, что они должны быть необходимыми в обществе и быть установлены согласно определенной законодательно регламентированной процедуре. В ст. 9 указывается, что никакие ограничения не должны

уменьшать значения п. 1 ст. 2 МПГПП, в соответствии с которым государства – участники Пакта обязуются уважать и обеспечивать всем лицам, находящимся на их территории и под их юрисдикцией, права, признаваемые Пактом, без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. Это означает, что государства, устанавливая ограничения прав и свобод, не должны переходить тот предел, за которым ограничение трансформируется в дискриминацию по различным основаниям. В этом контексте необходимо отметить, что Европейский суд, толкуя понятие «дискриминация» в одном из своих решений, определяет ее как не имеющее разумного и объективного оправдания различие в обращении с лицами, находящимися в аналогичной ситуации [11, с. 106], и одинаковый подход к лицам, находящимся в принципиально различных ситуациях [Там же, с. 117].

Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод устанавливает, что гарантированные в ней права и свободы подлежат только таким ограничениям, которые прямо предусмотрены Конвенцией. Это следует из ст. 18, в которой закреплено, что ограничения, допускаемые в Конвенции в отношении указанных в ней прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены Конвенцией. Статья 17 Конвенции устанавливает дополнительный предел, не допуская ограничения прав и свобод в большей мере, чем это предусматривается Конвенцией. Но данный подход утвердился не сразу и не является абсолютным [Там же, с. 64].

Следует отметить, что Европейская комиссия по правам человека достаточно долго формировала в своей практической деятельности концепцию «подразумеваемых неотъемлемых ограничений». Суть данной концепции заключается в том, что в определенных случаях ограничения прав и свобод не требуют оправдания целями, указанными в Конвенции, поскольку они изначально присущи самой ситуации, в которой реализуется само право. Комиссия рассматривала подразумеваемые ограничения как следствие специального статуса, присущего индивиду в результате того, что он осужден к лишению свободы, содержится на законных основаниях под стражей, военнотрудовой, душевнобольной, в некоторых случаях – гражданский государственный служащий [Там же, с. 65].

Как отмечает Н. Варламова, Европейский суд по правам человека не поддержал данную доктрину и сформулировал другой вариант «подразумеваемых ограничений» [3, с. 163]. Ее суть в том, что в тех случаях, когда в самой Европейской конвенции основных прав и свобод 1950 г. нет четкого понятия права и оно формулируется исходя из содержания ее положений, данное право уже не признается абсолютным и может быть ограничено при условии, что не будет затронута его сущность.

На самом деле, позиции Еврокомиссии по правам человека и Европейского суда по поводу сущности «подразумеваемых ограничений» отличаются. Еврокомиссия постаралась определить сферы, которые вообще выводятся из формулы «цели ограничений – пределы ограничений», ввиду определенных условий и статуса субъекта, что значительно расширяет возможности государства по введению неоправданных ограничений прав и свобод и дают ему некий «иммунитет» в этом случае. В свою очередь, Европейский суд постарался охватить те права и свободы, которые не упомянуты в Конвенции, но могут принадлежать субъектам, и вот именно они не обладают абсолютным характером и могут быть ограничены, однако согласно всем обозначенным условиям. Но ни та ни другая концепция не получила широкого признания и применения на практике.

В любых обстоятельствах государства – участники Конвенции, устанавливая какие-либо ограничения прав и свобод, должны учитывать требования ст. 17, ус-

танавливающей безусловные пределы деятельности государства по ограничению прав и свобод, и ст. 18, которую зачастую и именуют как «ограничитель ограничений» [4, с. 234].

Положения международных и региональных документов в сфере прав и свобод человека во многом похожи и все же лаконичны и больше носят общий характер. Указывая пределы ограничений прав и свобод, эти документы часто содержат понятия разумности, соразмерности, необходимости. Но стоит отметить, что это достаточно размытые и общие понятия, поскольку понимание необходимости и соразмерности зависит как от конкретной ситуации, так и от конкретных личностей и иных факторов. Поэтому данные понятия можно толковать весьма произвольно.

Вообще, критерии ограничения прав и свобод человека могут быть установлены только лишь на основании закона. Это положение содержится как в документах международного характера в области прав и свобод человека, так и в основополагающих актах внутригосударственного характера, а именно в Конституции РФ (ст. 55). Стоит также отметить, что это условие является обязательным не только для установления пределов ограничений прав и свобод человека, но и для установления самого ограничения в целом. Этот вопрос является сегодня дискуссионным, поскольку витает идея устанавливать ограничения прав и свобод не федеральным законом, а федеральным конституционным законом, однако подобные процедурные усложнения зачастую не влекут изменений содержательного характера вводимых ограничений. Так же как и в основных международных и региональных документах, наиболее значимым критерием при ограничении прав и свобод, согласно Конституции РФ, являются обозначенные цели таких ограничений. Необходимо обратить внимание и на то, что другие положения, такие как ч. 3 ст. 17, или обязанности, установленные в ст. 57–59 и ч. 3 ст. 44, а также нормы гл. 1 Конституции, должны учитываться при толковании законных целей ограничения основных прав [7, с. 64].

Отраслевые документы также повторяют положения международных и конституционных актов, устанавливая пределы ограничений прав и свобод путем закрепления законных целей (например, в Гражданском кодексе РФ (ч. 2 ст. 1) установлена возможность ограничений прав и свобод индивида, в соответствии с обозначенными далее целями).

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что принципиальные отличия в установлении пределов ограничений прав и свобод в международных, региональных и внутригосударственных российских документах отсутствуют. Во всех документах указаны общепринятые и наиболее целесообразные критерии пределов ограничений прав и свобод, которые заключаются в том, что ограничения могут вводиться только для тех целей, ради которых они вводятся, и они четко обозначены в законе; они должны быть соразмерны указанным целям; они должны быть введены согласно законодательно установленной процедуре; ограничения должны быть разумны и необходимы как в конкретной ситуации, так и в целом; они не должны посягать на самую суть конкретного права; не должны мешать реализации других прав и свобод; они не должны затрагивать права, относящиеся к категории «абсолютных»; ограничение не должно трансформироваться в дискриминацию; они не должны противоречить внутригосударственным и международным документам.

Это наиболее полный перечень критериев установления пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина, следование которому позволяет обеспечить правомерный и оптимальный характер вводимых ограничений данных прав и свобод.

И хотя нельзя не признать, что многие из указанных критериев носят достаточно общий, размытый характер, что позволяет толковать их без должной однозначности, но все же они формируют общую канву предельности допускаемых ограничений прав и свобод, что является необходимым условием для отраслевого законодательства, которое сталкивается с этой проблемой на практике и пытается установить как критерии, так и пределы ограничений при помощи судебных решений. Но в правоприменительной практике также нет единообразия, и решения, относящиеся к одной и той же категории вопроса, принимаются по-разному, что также не способствует унификации установленных критериев. В связи с этим на практике зачастую действуют свои «негласные» правила и «традиции» в определении норм ограничений и их целесообразности. Поэтому этот вопрос требует совместных усилий со стороны теоретиков и практиков по выработке критериев ограничений, которые, имея обоснованную теоретическую конструкцию, будут работать и на практике.

Литература

1. Астрахань А. А. Гарантии и пределы осуществления конституционных прав и свобод советских граждан. – М., 1986. – 221 с.
2. Беломестных Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 26 с.
3. Варламова Н. Верховенство права – базовый принцип европейской системы защиты прав человека // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 3. – С. 25–31.
4. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Туманова и д-ра юрид. наук, проф. Л. М. Энтина. – М., 2002. – 336 с.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь и др. ; под ред. В. Д. Зорькина. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : Инфра-М, 2011. – 1008 с.
6. Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 7. – С. 40–47.
7. Конституционные права в России: дела и решения. – М., 2002. – 750 с.
8. Лисов В. Ограничения конституционных прав граждан, связанные с государственной гражданской службой // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2013. – № 5. – С. 33–41.
9. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. – М., 2003. – 250 с.
10. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву : материалы круглого стола // Государство и право. – 1998. – № 7.
11. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации: избранные права. – М. : Институт права и публичной политики, 2002. – 606 с.
12. Шевцов В. С. Права человека и государство в Российской Федерации / В. С. Шевцов. – М., 2002. – 440 с.
13. Эбзеев Б. С. Ограничения конституционных прав / Б. С. Эбзеев // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву : сб. научн. трудов / под ред. В. М. Баранова. – Ч. I. – Н. Новгород, 1998. – 297 с.
14. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах» (1984) // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. – 1992. – № 4.

Inara Damirovna Yagofarova,

Candidate of Law, Associate Professor,
Chair of Theory and History of State and Law,
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Ural Institute (Ekaterinburg)

**On the Necessity to Concretize Restriction
of the Individual's Rights and Freedoms**

The necessity and possibility to restrict the individual's rights and freedoms is stipulated by both numerous international acts in the sphere of human rights and Russian law. But quite often the question of the limits imposed by the rights and freedoms limitations arises. To date there are no regulatory legal act, either of international or of domestic nature, which would contain a certain margin of restrictions on fundamental human rights and freedoms.

Key words: the restriction of the rights and freedoms of the individual; the imperative character of the provisions of article 55 of the Constitution of the Russian Federation; objectives; limits of restrictions of rights and freedoms of man and citizen; ICCPR.

|| ФИЛОСОФИЯ

И. Кант о знании и видах веры

Статья посвящена кантовским определениям важнейших в европейской культуре понятий. *Знание и вера* оказываются у Канта оценочными категориями, говорящими о степени достоверности различного рода суждений – теоретических и практических. Кант противопоставляет *доктринальную* веру, претендующую на теоретическое *знание* своих объектов, *практической вере*, в свою очередь разделяющейся на веру *прагматическую, моральную и религиозную*.

Ключевые слова: Кант; вера; знание; мнение; мораль; разум; рассудок; религия разума; практическое; теоретическое.

В заключительном разделе *Канона чистого разума* под названием *О мнении, знании и вере*, перешедшего без изменений из первого издания *Критики чистого разума* во второе, Кант иронично пишет: «...никто не будет в состоянии хвастаться, будто он *знает*, что бог и загробная жизнь есть (*sei*); а если кто это знает, я хотел бы встретиться с этим человеком» [1, с. 1039]. Предметом иронии являются здесь слова *знать* (*wissen*) и *знание* (*Wissen*), а точнее, их некорректное, с точки зрения Канта, употребление.

Русские слова *знать* и *знание*, так же как и немецкие *wissen* и *das Wissen*, имеют чрезвычайно широкий и трудно устанавливаемый круг значений, поскольку они не поддаются определениям, являющимся, по Канту, сутью *теоретического познания*, с помощью указания на родовидовые характеристики обозначаемых явлений¹. Приблизительные же границы возможных значений таких слов определяются, как правило, с помощью противопоставления им антонимов или простых отрицаний. Например, пределы, за границами которых неуместно употребление термина *бытие*, обычно очерчивают словами *ничто* и *небытие*, как это делали Гегель и Хайдеггер. Только слово *незнание* указывает на приблизительные границы возможных значений термина *знание*, да еще сопоставление его с другими терминами, обозначающими в чем-то сходные, но всё же иные явления. Кант, в соответствии с многовековой традицией, сопоставляет *знание* с *мнением* и *верой*, в разделе *Канона чистого разума*, который так и называется: «О мнении, вере и знании» [Там же, с. 1029–1043].

Впрочем, традиционной, начиная с эллатов, является антитеза *знания* и *мнения*. Традиционным было и противопоставление *веры* и *разума*, начало которому положила христианская апологетика II–III веков. Потрясенные подвигами христианских мучеников, которые шли на казнь, но не отказывались от своих убеждений, апологеты предприняли энергичную и, будучи по-гречески образованными, весьма квалифицированную критику *разума*, культивируемого античной философией как главную способность адекватно познавать мир и руководить поступками людей. Они, а затем отцы церкви, схоласты и мистики Средних веков возвеличили *веру* как отличный от *разума* и более ценный, чем разум, источник знаний или, по меньшей мере, условие *понимания* весьма неочевидных христианских догматов. Аврелию Августину приписывают (хотя не только ему) авторство фра-

* Геннадий Васильевич Болдыгин, канд. филос. наук, доцент АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ О кантовских понятиях *теоретическое* и *практическое познание* см.: Болдыгин Г. В. И. Кант о теоретическом и практическом видах познания // Вестник РУДН. Серия : Философия. – 2012. – № 3. – С. 68–91 ; Болдыгин Г. В. Истина или польза? Избранное. – Saarbrücken : LAP, 2013. – С. 58–96. – URL: <http://www.lap-publishing.com/>

зы «*credo ut intelligam*», которую обычно переводят словами «верую, чтобы понимать».

Кант, на первый взгляд, продолжает древнюю традицию критики *разума*, отказывая *ему* в способности познавать как *предметы опыта*, так и *предметы*, подразумеваемые *идеями*, которые он самостоятельно продуцирует. Существование реальных аналогов некоторых из этих *идей* является предметом религиозной веры, которая для Канта, однако, не альтернативный *разуму* источник неопровержимых знаний или, наоборот, нелепых заблуждений, не собственная *заслуга*, которой гордятся многие верующие, не *благодать*, т. е. не *благой дар*, которым бог наделяет избранных и обделяет им тех (*не дает им веры*), кому он *попускает* быть иноверцами, атеистами, а то и гонителями христиан.

Религиозная вера, по Канту, представляет собой важный, может быть важнейший, но всего лишь один из видов того значимого в жизни людей, что в первые века христианства стали называть *верой* (*fides*). Слово *вера* в различных написаниях и произношениях фигурирует во всех европейских языках преимущественно в значении *религиозного* убеждения, дав жизнь множеству терминов, никак не связанных с религией или потерявших с нею прямую связь. В русском языке с корнем *вер* образовано множество слов, не имеющих исключительно религиозного смысла, например, *уверенность*, *достоверность*, *верно*, *вероятность*, *верность*, *доверие*. Однако слово *вера*, когда его используют без дополнительных определений, чаще всего означает *религиозную веру*. Так же использует это слово и Кант. Термин *вера* (*der Glaube*), когда оно встречается в кантовских текстах без дополнений и определений, в большинстве случаев означает *религиозное убеждение*.

Что побуждает нас считать какие-то суждения осторожными *мнениями*, другие – твердыми *знаниями*, а третьи – предметами *веры*? Вот вопрос, на который пытались ответить многие выдающиеся мыслители и до Канта. Платон, например, считал, что различие между мнением и знанием обусловлено различием предметов познания: предметы колеблющегося *мнения* (*δόξα*) – изменчивые, возникающие и исчезающие *вещи*, предметы *знания* (*ἐσθήμη*) – вечные *идеи*. Тертуллиан, одним из первых противопоставивший *разум* и *веру*, полагал, что ее предметом может быть нечто исключительно *абсурдное*, противоречащее всем *разумным* выкладкам: то, что разумно, непротиворечиво и не абсурдно, не нуждается в *вере*, его знают. Однако трактовка Кантом традиционных для европейской мысли понятий *разум* и *вера*, *мнение* и *знание* оказалась далеко не традиционной, в *Критике чистого разума* он демистифицирует *веру*, которая превращается под его пером, вместе с *мнением* и *знанием*, в оценочную категорию, с помощью которой люди квалифицируют степень своей убежденности в истинности различных положений, включая и научные выводы.

Кант обращает внимание на то, что научным выводам недостаточно быть истинными. Они нуждаются в *признании* их истинности. Иногда для этого требуется много усилий и очень много времени. Так, положение о том, что Земля вместе с другими планетами вращается вокруг Солнца, сформулированное Аристархом Самосским в III в. до н. э., дождалось 2000 лет, чтобы его истинность стала общепризнанной. Впрочем, *общепризнанность* гелиоцентризма в наши дни – это, конечно же, гипербола. Многим нашим современникам, живущим на *планете* Земля, еще только предстоит признать, что она – *летающая звезда*. Но еще большее их количество никогда не признает этого, даже не подозревая, что кто-то может задаваться нелепым вопросом о подвижности или неподвижности Земли.

Среди множества известных нам суждений есть не так уж много тех, в истинности которых мы твердо убеждены, без колебания называя их *знаниями*. Гораздо

больше в нашем распоряжении *мнений*, т. е. суждений, истинность которых мы считаем возможной, но не исключаем вероятности того, что истинными могут быть и какие-то иные утверждения. Нам известны и такие положения, в истинность которых можно только *верить*, поскольку они не обладают несомненностью, присущей *знанию*, но степень убеждения в их истинности выше той, какая присуще *мнению*. Кант ставит вопрос об основаниях, по которым одни суждения люди признают *знаниями*, другие – *мнениями*, а третьи – *верой*: «Признание чего-то истинным имеет место в нашем рассудке и может иметь объективные основания, но требует также субъективных причин в душе того, кто высказывает суждение» [1, с. 1029].

Слово *объективное* в кантовских текстах в большинстве случаев эквивалентно *общезначимому* или, в более современной терминологии, – *интерсубъективному*. «Если суждение значимо для каждого, кто только обладает разумом, то оно имеет объективно достаточное основание, и тогда признание истинности его называется *убеждением* (*Überzeugung*)» [Там же, с. 1029]. В свою очередь *общезначимость* суждений в кантовской терминологии то же самое, что их *всеобщность и необходимость*, которые обусловлены одинаковостью у всех людей априорных *теоретических познавательных способностей* – чувственности и рассудка². Если же признание истинности «имеет основание только в особом характере субъекта, то Кант называет такое признание *убежденностью* (*Überredung*)» [Там же, с. 1028, 1029]³.

Впрочем, Кант понимает, что провести четкое различие между субъективной *убежденностью* и объективным *убеждением* нелегко или вообще невозможно, поскольку они принадлежат одному и тому же субъекту, который далеко не всегда способен разобраться, что в его оценках обусловлено его собственным *особым характером*, а что может рассчитывать на общезначимость⁴. Не вдаваясь далее в разграничение этих достаточно близких понятий, а также в выяснение их отличия от понятия *достоверность* («Я не буду останавливаться более на разъяснении столь ясных понятий»⁵), Кант формулирует итоговые дефиниции: «Субъективная достаточность (*Zulänglichkeit*) называется *убеждением* (для меня самого), а объективная достаточность – *достоверностью* (для каждого)» [Там же, с. 1031].

² «...Объективная значимость и необходимая общезначимость (для каждого) суть взаимозаменяемые понятия, и хотя мы не знаем объекта самого по себе, но когда мы рассматриваем суждение как общепринятое и, стало быть, необходимое, то под этим мы разумеем объективную значимость», – разъясняет Кант в *Пролегоменах* смысл терминов *необходимое* и *объективное* [3, с. 56].

³ Слово *Überredung* (производное от *überreden* – убеждать, уговаривать, внушать) означает и действие по убеждению, уговариванию, внушению, и результат этого действия. Н. О. Лосский перевел *Überredung* словом *верование*, советские издатели «Критики чистого разума» – словом *уверенность*, издатели двуязычного издания – словосочетанием *внушенное убеждение*. Предлагаемое слово *убежденность* позволяет указать на субъективность, которая характеризует, по Канту, *Überredung*, и отличить ее от интерсубъективности убеждения (*Überzeugung*).

⁴ «...С субъективной стороны убежденность (*Überredung*), правда, нельзя отличить от убеждения (*Überzeugung*), если субъект рассматривает признание суждения истинным только как явление в своей душе; но попытка установить, производят ли и на чужой разум значимые для нас основания суждения такое же действие, как и на наш, служит средством, правда лишь субъективным, имеющим своей целью если не достигнуть убеждения (*Überzeugung*), то хотя бы обнаружить лишь индивидуальную значимость суждения, т. е. то в нем, что есть лишь убежденность (*Überredung*)» [1, с. 1029].

⁵ Видимо, Кант, второпях оборвавший девятилетнюю работу над первой *Критикой*, которую он собирался написать за три месяца, был недоволен и этой частью своего изложения. Вот что пишет об этом Эрнст Кассирер: «После десятилетия глубочайших раздумий, после всё новых отсрочек окончание сочинения достигается лишь внезапным решением, насильственно прекращающим ход мыслей. Только страх, что смерть или старческая слабость может внезапно прервать его деятельность, заставили Канта придать, наконец, внешнее завершение его мыслям, которое он сам признавал предварительным и неудовлетворительным» [4, с. 120].

Мнение, веру и знание он различает по степени убеждения субъекта в истинности тех или иных суждений⁶. *Мнение*, по Канту, есть *признание* суждения возможным и истинным, хотя субъекту не хватает ни собственной убежденности в этом, ни надежды на то, что она станет общезначимой⁷. *Веру* Кант ставит на более высокую ступень *убеждения*, или *субъективной значимости* (*subjective Gültigkeit*) *суждения*: «Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется *верой*» (*Glaube*) [1]. На верхней ступени оценочных, по своей сути, понятий, характеризующих степень убеждения субъекта, оказывается *знание*: «...и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание* (*Wissen*)» [Там же].

Знанием, если следовать Канту, может быть признано только *суждение*, являющееся итогом теоретического познания, хотя не все суждения рассудка о *предметах опыта* бывают *всеобщими и необходимыми*. Большая часть результатов *теоретического познания* – это те из них, в истинности которых мы не убеждены бесповоротно, расценивая их как *мнения*. Суждения о предметах, не встречающихся в опыте, но подразумеваемых *понятиями разума (идеями)*, могут быть логически непротиворечивыми и, следовательно, не абсурдными. Однако одной лишь непротиворечивости в спекулятивных рассуждениях о *бытии бога и бессмертии души* недостаточно, чтобы оценивать их как *знания*, а наш рассудок, считает Кант, не соглашается видеть в них всего лишь *мнение* или *хотя бы только гипотезу* [Там же, с. 1031].

В истинность рациональных построений *физикотеологии* и *пневматологии* (так Кант называет традиционную *рациональную теологию* и *рациональную психологию*) можно только *верить*, как верят в истинность своих логически безупречных *доктрин* университетские *доктора*. Такую форму убежденности Кант называет *доктринальной верой* (*doctrinale Glaube*). «Нельзя не признать, что учение о бытии бога есть лишь доктринальная вера», – утверждает Кант, а через несколько строк говорит об основаниях «доктринальной веры в будущую жизнь человеческой души» [Там же, с. 1035–1037]. Разъясняя особенности *доктринальной веры*, Кант пишет: «Слово *вера* служит в таких случаях выражением скромности в *объективном* отношении, но в то же время твердой уверенности в *субъективном* отношении» [Там же, с. 1037].

Нередко адепты логически непротиворечивых учений, считая их *знаниями*, создают квазитеоретические построения о свойствах недоступных созерцанию объектов, призванных окончательно и бесповоротно доказать истинность их тезисов. Чтобы проверить, является ли такое убеждение чем-то большим, чем *одна лишь доктринальная вера*, которая всегда *содержит в себе нечто нетвердое*, Кант, как известно, предлагает использовать *пари*, которое *приводит в замешательство* самого стойкого сторонника защищаемой доктрины. «Иногда оказывается, что внутренней убежденности у него достаточно, чтобы оценить ее только в один дукат, но не в десять дукатов, так как рисковать одним дукатом он еще решается, но только при ставке в десять дукатов он видит то, чего прежде не замечал, а именно что он, вполне возможно, ошибается» [Там же, с. 1035].

⁶ «Признание истинности суждения или субъективная значимость суждения имеет следующие три ступени в отношении убеждения (которое имеет также объективную значимость): *мнение, веру и знание*» [1, с. 1031].

⁷ «*Мнение (Meinung)* есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны» [Там же].

Из рассуждений Канта вытекает, что сфера *доктринальной веры* не ограничена *рациональными теоретическими науками* из классификации Хр. Вольфа⁸, призванными доказывать истинность христианского вероучения. Кант, например, причисляет к *доктринальной вере* свое собственное убеждение, что «на какой-то из видимых нами планет есть обитатели, если бы можно было установить это опытом» [1]. Кант отказывается видеть в этой мысли *только мнение*, но считает ее *твердой верой*, ради которой он *готов держать пари на всё*, что у него *есть* [Там же]. В науке XVIII века можно найти немало суждений об объектах, убеждение в существовании которых может быть обозначено кантовским термином *доктринальная вера*. К таким объектам относятся и уже *невидимые материи*, в существовании которых были убеждены многие авторитетные ученые того времени, пытавшиеся разными способами, включая эксперименты, сделать их *предметами опыта*, а свою *веру* в них превратить в *знание*.

Так, яркий пропагандист научного экспериментирования Г. Э. Шталь⁹ утверждал, что может провести множество экспериментов, которые неоспоримо докажут существование *флогистона* – *невидимой материи огня*, соединение которой с *землей* (флогистация) в разных пропорциях дает разные металлы, а разъединение (дефлогистация) вновь превращает металлы в *земли* и *флогистон* с присущей ему отрицательной тяжестью, что должно было объяснять видимое движение пламени вверх и увеличение веса металла после его обжига. Кант располагал некоторыми сведениями об этих опытах, проводимых в начале восемнадцатого века, и с осторожностью ученого-педанта, ссылаясь на свою недостаточную осведомленность, писал о его экспериментах так: «...Шталь... превращал металлы в известь и известь обратно в металлы, что-то выделяя в них и вновь присоединяя к ним» [Там же, с. 13–15].

В конце восемнадцатого века немногим меньше, чем в его начале, принимались на веру, казалось бы, логически безупречные выводы о перетекающих из тела в тело невидимых магнитных, электрических и прочих *флюидах*, которые воздействует на видимый мир, вызывая в нем вполне реальные изменения. А в девятнадцатом веке требования к аргументации, доказывающей существование предметов, находящихся *вне опыта*, ужесточились еще более и вдобавок стали более затратными. Так, открытие Нептуна, совершенное *на кончике пера*, оставалось *доктринальной верой*, пока восьмая планета солнечной системы не стала 28 сентября 1846 г. *предметом опыта* в самой современной Берлинской обсерватории, оснащенной мощнейшим зеркальным телескопом, что позволило суждениям о ее существовании стать *знаниями*¹⁰. Именно эта дата, а не дата вычисления считается днем *открытия* этой планеты.

Одно только введение Кантом понятия *доктринальная вера* позволяет понять смысл его высказывания: «Я должен был ограничить *знание*, чтобы предоставить место *вере*...»¹¹ Однако *вера* для Канта не только оценочная категория в научных

⁸ *Рациональными теоретическими науками* Вольф считал *рациональную теологию, рациональную психологию и рациональную космологию*. Подробнее об этом см.: Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике теоретического и практического видов познания (статья первая) // Вестник Гуманитарного университета. – 2014. – № 3 (6). – С. 120–136.

⁹ Видимо, из-за ширококвещательных пропагандистских заявлений Кант даже причислял Шталь к родоначальникам *экспериментального метода* наряду с Галилеем и Торричелли [1, с. 13].

¹⁰ В наши дни не только ужесточились критерии существования, но и выросла стоимость превращения в *знание доктринальной веры* в существование элементарных частиц (например, бозона Хиггса). Кольцевой андронный коллайдер и работа с ним многочисленных научных и технических сотрудников требует колоссальных средств, несопоставимых с затратами на строительство в девятнадцатом веке Берлинской обсерватории и самого мощного по тем временам зеркального телескопа.

¹¹ «Ich mußte also das *Wissen* aufheben, um zum *Glauben* Platz zu bekommen...» [1, с. 32].

спорах. Указывая на достойное место, которое занимает *доктринальная вера*, столь распространенная в науке и являющаяся, по его словам, *аналогом практической веры в чисто теоретических суждениях*, он всё-таки в гораздо большей степени интересуется *практической верой (praktische Glaube)*¹². Именно *вера*, которую Кант называет *практической*, а вовсе не *знание* определяет наше решение поступать так или иначе или вообще воздержаться от каких-либо поступков.

Знание, по Канту, возможно только как *признание* итогов *теоретического познания* о том, что *есть* или *обязательно будет*, т. е. о предметах актуального или возможного опыта, например об обязательном возвращении к Солнцу кометы Галлея через каждые 75–76 лет. Но невозможно *знание* о будущем, которое зависит от наших желаний, от решимости следовать им или отказаться от них в пользу других желаний, а также от свободно избранного нами способа реализации наших целей (*практических правил поведения*). Построит кто-то загородный дом или как-то иначе израсходует имеющиеся накопления, пойдет он в библиотеку или в развлекательный центр, будет со страстью разоблачать коварных *врагов народа* или брезгливо избегать подобного соучастия, дожидаясь *суда истории*, – эти и многие другие варианты *нашего будущего* зависят, по Аристотелю (и в этом с ним согласен Кант), от *наших решений*. Такое *будущее*, зависящее от свободной воли людей, *знать* нельзя, в него можно только *верить*¹³.

И в самом деле, мы решаемся на поступок не потому, что *знаем* о будущей успешности предпринимаемых нами действий, а потому, что *верим* в практическую осуществимость наших целей, если будем следовать избранным нами, а не навязанным кем-то извне *правилам поведения*. В первой *Критике* Кант выделял два вида *практической веры*, которая лежит в основе наших *решений* следовать избранным *правилам поведения*, которые, как мы надеемся, обеспечат осуществление наших практических *намерений*. Первый вид он называет *прагматической верой (pragmatische Glaube)*; в ее основе лежит *практическое намерение*, которое *касается умения для любых и случайных* (т. е. не общеобязательных) *целей*¹⁴. В основе второго вида *практической веры*, который Кант называет *моральной верой (moralische Glaube)*, лежит *намерение*, которое *касается нравственности с ее безусловно необходимыми целями* [1, с. 1033]¹⁵.

Прагматическую веру Кант называет также *случайной верой*, «которая, однако, лежит в основе действительного применения средств для тех или иных действий» [Там же]. Ее *случайность* Кант поясняет на примере не уверенного в своем диагнозе врача, который назначает тем не менее лечение, потому что он «должен что-то делать для больного, находящегося в опасности» [Там же]. Кант называет *случайной веру* в эффективность избранного врачом способа лечения болезни из-

¹² Кант ко времени написания *Критики способности суждений*, видимо, пересмотрел некоторые воззрения на соотношение *веры* и *мнения*. Так, в § 91. *О способе принятия за истину через практическую веру* свою прежнюю *твердую веру* в инопланетян он называет *мнением*: «Предположение о наличии разумных обитателей на других планетах есть дело мнения...» [2, с. 789]. *Предметом мнения* оказывается теперь и *эфир новейших физиков, эта упругая жидкость, проникающая все материи* [Там же].

¹³ Не исключено, что через какое-то время в распоряжении людей окажутся средства, позволяющие изменить орбиту кометы Галлея, и тогда только от их воли будет зависеть ее дальнейшая судьба.

¹⁴ «Таковую случайную веру, которая, однако, лежит в основе действительного применения средств для тех или иных действий, я называю *прагматической верой*» [1, с. 1033].

¹⁵ В последней *Критике*, размышляя о слове *вера* в его *обычном употреблении*, т. е. в значении *религиозная вера*, являющейся разновидностью *прагматической*, Кант определяет ее как «упование на осуществление намерения», хотя «возможность претворения его в действительность нам *усмотреть* не дано» [2, с. 799]. Замечательно использование переводчиком слова *упование* в качестве эквивалента немецкого *Vertrauen*, основное значение которого в немецко-русских словарях – *доверие*.

за случайности его диагноза: «Его вера даже в его собственном суждении чисто случайна; другой, быть может, правильное угадал бы болезнь» [Там же]. Возможно, называя *прагматическую* веру врача *случайной*, он имел в виду, что диагностирование одного врача или целого консилиума врачей можно квалифицировать как *теоретическое познание*, цель которого *определение* болезни, а сам диагноз – как результат этого определения, оказавшийся *мнением*. В таком случае от необязательного (*случайного*) мнения зависит выбор *средств* для лечения, *упование* на эффективность которых и есть то, что может быть названо *прагматической верой*. А может быть, он имел в виду, что врачи часто расходятся не только в диагнозе болезни, но и в излюбленных рецептах ее излечения, множественность которых должна свидетельствовать о *случайности*, необязательности их веры в *правила* собственного умения.

Но что бы ни имел в виду Кант, рассуждая об особенностях *прагматической веры*, всё же главный интерес для него представляет *моральная вера* с ее *практическим намерением* достигать не *случайных*, а *общеобязательных*, «безусловно необходимых целей» [1, с. 1033]. Еще в докритический период он пришел к выводу, что религиозная вера большинства людей в существование предметов *рациональных теоретических наук* из классификации Хр. Вольфа зависит от чего-то другого, а не от аргументов *физикотеологии* в целесообразное устройство мира и *пневматологии*, доказывающей *простоту* души. Самое большее, что может дать такая аргументация, – это *доктринальная вера*, неспособная побуждать человека к каким-либо действиям, а тем более – к подвигам во имя веры, поскольку она, решая главную задачу *теоретического познания* определять то, *что есть (daist)*, даже не ставит главный для практики вопрос о том, что *должно быть (daseinsoll)*¹⁶. Впрочем, Кант не считал *доктринальную веру* в бога и бессмертной души совсем уж бесполезной. Она полезна своей регулятивной функцией в теоретических разысканиях: «...предположение относительно мудрого творца мира есть условие для случайной, правда, но все же весьма важной цели, а именно для стремления чем-то руководствоваться в исследовании природы» [Там же, с. 1037]. Кант называет свою веру в бога *путеводной нитью*, «которую мне дает идея» и оказывает «субъективное влияние на успех деятельности моего разума, что и заставляет меня держаться этой идеи, хотя я не в состоянии дать отчет о ней в спекулятивном отношении» [Там же]. Иными словами, практической полезностью для собственных теоретических поисков Кант оправдывает свою собственную *доктринальную веру* в существование того, что для большинства людей является предметом *религиозной веры*.

Религиозная вера, по Канту, порождается разумом любого индивида, а ее предметы являются предметами размышлений всех людей, а не одних только профессиональных теологов. Но ни доморощенные теологические построения неграмотных людей, которые тоже обладают *разумом* и его идеями, ни логически выверенные аргументы профессиональных *физикотеологов* не превращают *доктринальную веру* в религиозную и, следовательно, действительную веру¹⁷, способную побуждать к нравственным поступкам. Действенной является *моральная ве-*

¹⁶ «Я ограничиваюсь... дефиницией теоретического познания как такого, посредством которого я познаю, что *существует (daist)*, а практического – как такого, посредством которого я представляю себе, что *должно существовать (daseinsoll)*» [1, с. 813].

¹⁷ Кант ко времени написания *Критики способности суждений*, видимо, пересмотрел некоторые воззрения на соотношение *веры, мнения и знания*. На первый план в этой работе выдвигается проблема соотношения *предметов мнения, фактов и предметов веры*. В результате свою прежнюю *твердую веру* в инопланетян он теперь называет *мнением*: «Предположение о наличии разумных обитателей на других планетах есть дело мнения...» [2, с. 789]. *Предметом мнения* оказывается теперь и *эфир новейших физиков, эта упругая жидкость, проникающая все материи* [Там же]. Термин *доктринальная вера* исчезает из кантовского словаря.

ра, которая, однако, сама по себе тоже не религиозна. Она говорит не о том, что бог *есть* и душа бессмертна, а является *верой* в *безусловную необходимость* того, считает Кант, «чтобы я во всех отношениях следовал нравственному закону» [1, с. 1037].

Кант был убежден, что ни *доктринальная вера* в бога и в загробный мир, ни *прагматическая вера*, столь полезная для его собственных научных разысканий, не способны убедить в необходимости следовать *правилам нравственности*, невзирая на обстоятельства места и времени, столь важные для *правил умения*, и на *советы благоразумия*. Однако, полагал он, *моральная вера* все-таки подталкивает к размышлениям о *конечной цели* нравственного поведения, которая «не может быть предписана как веление никаким законом разума, если он, хотя бы без уверенности, не пообещает также и достижимость ее и тем самым не оправдает нашу убежденность в единственных условиях, при которых разум только и может мыслить себе эту достижимость» [2, с. 799]. Вера в *достижимость* цели, которую преследует нравственные поступки, – быть *достойным счастья* – сливается, считает Кант, с размышлениями о предметах *доктринальной веры*, что и объясняет синтез *доктринальной* и *моральной* веры, осуществляемый его собственным весьма критичным разумом.

«Цель установлена здесь непоколебимо, – говорит Кант о моральной вере, – и, насколько я понимаю, возможно только одно условие, при котором эта цель связана со всеми остальными целями и тем самым имеет практическое значение; это условие заключается в том, что существуют бог и загробный мир; я знаю также совершенно твердо, что никому не известны другие условия, ведущие к тому же единству цели при действии морального закона» [1, с. 1039]. Но уверены ли в этом другие? Кант, отвечая на возможные возражения своих университетских коллег, опасаящихся, что религия и диктуемая ею мораль без их *теоретических* (а на самом деле *спекулятивных*) доказательств бытия бога окажутся в весьма опасном положении, утверждает, что «вера в бога и в загробный мир так сплетена с моим моральным умонастроением, что я столь же мало опасуюсь утратить эту веру, сколь мало испытываю беспокойство, что это умонастроение может быть отнято у меня» [Там же].

Кант успокаивает своих оппонентов и самого себя тем, что размышления о моральном законе, обязательно присутствующем в *разуме* любого человека, убеждают его в бытии бога и бессмертии души больше, чем любые спекулятивные аргументы: «...так как нравственное предписание есть вместе с тем моя максима (как этого требует разум), то я неизбежно буду верить в бытие бога и загробную жизнь, и я твердо убежден, что эту веру ничто не может поколебать, так как этим были бы ниспровергнуты сами мои нравственные основоположения, от которых я не могу отказаться, не став в своих собственных глазах достойным презрения» [Там же].

В то время в Европе было уже достаточно много атеистов, не скрывавших своих взглядов, чтобы не задаваться вопросом о причинах их неверия. Кант в *Критике способности суждения* рассматривает понятия *неверие* (*Unglaube*), *неверящий* (*unglaublich*) и *неверующий* (*unglaublich*), считая их нелепыми и невозможными, если речь идет о людях, обладающих разумом. Однако еще в первой *Критике* он отметил, что религиозная вера возможна только в случае моральных исканий людей, наличия у них *моральных умонастроений*. «Если мы... возьмем человека, который был бы совершенно равнодушен к нравственным законам, то вопрос, предлагаемый разумом, становится только задачей для спекуляции и может, правда, и тогда быть подкреплён серьезными основаниями по аналогии, однако не такими основаниями, перед которыми не устояла бы даже самая упорная скептичность» [Там же, с. 1039–1041]. Иными словами, причиной атеистических

убеждений является, по Канту, то, что Ницше позже назвал *иммортиализмом*. Кант, убежденный в том, что религиозная вера возникает и воспроизводится в ходе моральных исканий людей, считал, что *веры разума*, основанной на *моральных умонастроениях*, нет у тех, кто *совершенно равнодушен к нравственным законам*¹⁸.

Кант, конечно же, понимал, что его *моральное доказательство* не является строгим доказательством, принуждающим всех и каждого признавать *знанием* тезисы теологии и рациональной психологии. Но он и не ставил перед собой такой задачи. *Вера*, включая религиозную веру, не является *знанием*, к признанию которого истинным принуждает всех и каждого *теоретическое* доказательство. *Вера*, считал Кант, относится «не к предметам возможного знания или мнения», и она не принудительна. «Вера есть свободное принятие за истину – и не того, во имя чего должны даваться догматические доказательства для теоретически определяющей способности суждения или к чему мы считаем себя обязанными, а того, что мы допускаем ради намерения по законам свободы» [2, С. 799–801]¹⁹. *Знанием* и *мнением*, по Канту, могут быть признаны только итоги *теоретического познания*. Итогом же *практического познания* может стать только *практическая вера* – *прагматическая* и *моральная*. Последняя есть убеждение, обладающее *моральной достоверностью*. Но поскольку такое убеждение *опирается на субъективные основания*, то «я не могу даже сказать: *имеется* моральная достоверность, что бог есть и т. д., а могу лишь говорить: *я морально уверен...*» [1, с. 1039]. Конечно, ни эти, ни более поздние рассуждения Канта о своей собственной *моральной уверенности* в бытии бога являются не *доказательством* того, что бог действительно существует, но объяснением истоков веры в бога – его *философией религии*, как стали называть подобные объяснения, начиная с Гегеля²⁰.

Специфика *философии религии* Канта в том, что он видит истоки религиозной веры не в невежестве первобытных людей, т. е. в их *неразумии*, закрепленном культивируемыми церковью предрассудками, и не в сверхъестественном *откровении*, которое бог дает немногим избранным им самим медиумам, а в *разуме*, который присущ каждому человеку. У животных нет разума, но у животных нет и религии. Религия, по Канту, разумна. Доказательство *разумности* религии было главной целью его *критического* предприятия.

Кант не был первым, кто обратил внимание на связь разума и веры. В дохристианскую эпоху разумность религиозных верований, похоже, ни у кого не вызывала сомнений, а кое у кого – и религиозность некоторых животных, которым в те далекие времена иногда приписывалась разумность. Так, в компиляции Плиния Старшего (семьдесят тысяч выписок из двух тысяч книг), названной им *Естественной историей* (а Александром Койре – «собранием анекдотов и рассказами досужих кумушек» [5, с. 53]), один из источников Плиния рассказывал о *религиозности слонов*, которая, по его мнению, доказывает наличие у них разума.

Разум как практическая познавательная способность, независимая от принуждения жизненных обстоятельств, считал Кант, диктует людям нравственные нормы и *моральную веру* в их осуществимость, и сам *разум*, а не что-то постороннее ему создает для своих практических потребностей идеи бога и бессмертной души. И тот же самый *разум*, пораженный собственной убежденностью в реальном су-

¹⁸ «...Вера разума основывается на допущении моральных умонастроений. Если мы отбросим это допущение и возьмем человека, который был бы совершенно равнодушен к нравственным законам, то вопрос, предлагаемый разумом, становится только задачей для спекуляции...» [1, с. 1039].

¹⁹ Кант еще раз говорит об *ошибочности* «намерения доказывать [бытие] Бога и бессмертие чисто теоретическим путем», которая «заключается в том, что на этом пути (понятий природы) невозможно никакое познание относительно сверхчувственного» [2, с. 805].

²⁰ Более подробное изложение *философии религии* Канта находится в его работе *Религия в пределах только разума*, изданной в 1793 году, т. е. через 3 года после *Критики способности суждения* с ее знаменитым § 91. О способе принятия за истину через практическую веру.

ществовании аналогов этих идей, ссылками на *откровение* и с помощью квазиторетических спекуляций пытается превратить *моральную веру* в *доктринальную веру*, претендующую на *знание*, которого спекулятивное познание достичь не способно. Свою задачу Кант видел в устранении антагонизма *веры* и *разума*, многие века культивировавшегося в христианстве. Однако ни одна из христианских конфессий не приняла кантовского учения о разумности религии. Видимо, прав был всё же Тертуллиан, зорко разглядевший в готовности христианских мучеников страдать за свои религиозные убеждения веру в *абсурдное*, в то, что не поддается разумному объяснению, т. е. в *чудо*.

Кант не сумел убедить своих просвещенных современников в преимуществе *этикотеологии* по сравнению с традиционной *физикотеологией* и *пневматологией*. А к середине XIX в. большую часть образованной публики перестал волновать вопрос об эффективности того или иного способа доказательства религиозных положений, как это было еще в конце XVIII в. Религиозность в глазах ее большинства перестала быть гарантией высоких моральных качеств человека, а религиозные убеждения, сохранение и укрепление которых даже в либеральных университетских кругах считалось предметом едва ли не всеобщей заботы, становились предметом бесстрастной *философии религии*, а несколько позже – еще более наукообразного *религиоведения*. Европу всё больше захватывало умонастроение, которое Ницше охарактеризовал фразой «Бог умер». О *моральном доказательстве* Канта, считавшего моральные искания людей основой религиозной веры, конечно, помнили и помнят сейчас. Однако появились новые версии возникновения и воспроизводства религиозных убеждений, привлекающие внимание читающей публики своей новизной и оригинальностью.

Современные исторические, археологические, этнографические исследования позволяют с большой долей уверенности считать, что *мораль* (в ее кантовском понимании) как регулятор поведения свободных *лиц*, самостоятельно принимающих решения и несущих ответственность за свои поступки, сформировалась сравнительно поздно и отнюдь не у всех народов, живущих с древнейших времен на одной Земле с нами. В современных нам родовых сообществах, где его члены связаны, главным образом, близким и дальним кровным родством или ритуалами породнения (браки, усыновления, братание и т. п.), действуют иные регулятивы, задача которых – обеспечение силы своего рода пусть даже в ущерб остальному человечеству. Нормы родоплеменной жизни исключают или серьезно ограничивают межличностные отношения, если их можно считать отношениями между *лицами*.

Понимание того, что человек есть *личность*, что интеллектуальный и духовный мир каждого индивида так же неповторим, как и его лицо, что именно *личность* несет ответственность за свои мотивированные поступки, отнюдь не появляется вместе с появлением человечества. Там, где до сих пор кровнородственные связи играют ведущую роль и культивируется кровная месть, мститель назначается клановым советом и не всегда из числа наиболее пострадавших, а ответственным за пролитую кровь может стать любой член враждебного рода (клана, семьи, мафии), и не обязательно проливший эту кровь. В кровной мести нет ничего личного, только – родовое. Именно поэтому в не такие уж стародавние времена лицо индивида с его неповторимыми чертами мало кого интересовало и потому скрывалось татуировкой, раскраской, головным убором, маской, прической, одеждой, говорящими о главном – о принадлежности подчеркнуто обезличенного индивида к тому или иному роду, к той или иной его половозрастной группе.

Но если иметь в виду общества, где уже существуют правовые отношения, регулирующие взаимоотношения самостоятельно отвечающих за свои поступки

лиц²¹, а на смену аффективным *нравам* приходит *мораль*, требующая *разумного* обоснования поступков и неукоснительного следования законам, как это делал Сократ в платоновском *Критоне*²², то суждения Канта о *моральных умонастроениях* людей как обязательной предпосылки *религиозной веры* уже не кажутся устаревшими и наивными. Возникновение права актуализирует моральные искания людей, начинающих жить по искусственно создаваемым разумом писаным соглашениям (законам)²³, а не по *нравам* – этим неосознанно культивируемым разными сообществами эмоциональным и поведенческим реакциям – и чуть менее эмоциональным *обычаям*²⁴. Христианство, а именно в нем Кант видел наиболее адекватное воплощение *религии разума*, не случайно возникает в греко-римском мире с его развитой правовой системой и обостренным вниманием к моральной проблематике.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. – 2-е изд. // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 2. – Ч. 1. – М., 2006.
2. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 4. – М., 2001.
3. Кант И. Прологомены // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
4. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. – СПб., 1997.
5. Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. – М., 2001.
6. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М., 1993.

Gennadiy Vasil'evich Boldygin,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

I. Kant on *knowledge* and *beliefs*

The article deals with I. Kant's definitions of notions which are the most important for European culture. *Knowing* and *believing* proved to be assessment categories reflecting credibility of different judgments – theoretical and practical. Kant counters the *doctrinal belief* that claims the theoretical knowledge of its objects with the *practical belief* which, in turn, comprises *pragmatic, moral and religious beliefs*.

Key words: Kant; belief; knowledge; opinion; morals; understanding; reason.

²¹ Употребление местоимения «Я», говорящее о том, что использующий его *individuum* (буквально – неделимый) осознает себя не безличным *атомом* среди других точно таких же *атомов*, а неповторимой *личностью*, чрезвычайно затруднительно для людей архаических сообществ. Индейцы Фенимора Купера говорили о себе в третьем лице единственного числа, а русский крестьянин из-за непонятной нам теперь застенчивости говорил о себе «Мы». В древнеэллинской литературе слово «Я» (*εγώ*) впервые встречается только в поэмах Гесиода, прославлявшего сельскую жизнь с ее добрыми нравами в противоположность законосообразной жизни в полисах.

²² Гегель, который в отличие от Канта противопоставлял *мораль* и *нравственность*, несмотря на их этимологическую тождественность, считал Сократа, обосновывавшего разумность афинских законов и вынесенного ему приговора, первым в истории *моральным* человеком.

²³ *Νόμος* (слово, чаще всего переводимое как *закон*) для эллинов той эпохи – не предписание властвующего лица или органа, а, как отмечает Ксенофонт в *Воспоминаниях о Сократе*, обязательно *записанное соглашение* граждан полиса «с указанием, что следует делать и чего не следует» [6. I, 2, 42–45]. В другом месте *Воспоминаний* Гиппий о *законах* говорит как нечто общеизвестное: «Это то, что граждане по общему соглашению написали, установив, что должно делать и от чего следует воздержаться» [6. IV, 4, 13].

²⁴ Подробнее об этом см.: Болдыгин Г. В. К истокам конфликтов свободы, нравственности, законности // Вестник Гуманитарного университета. Серия : Право. – 2005. – № 4. – С. 12–24 ; Болдыгин Г. В. Истина или польза? Избранное. – Saarbrücken : LAP, 2013. – С. 35–57. – URL: <http://www.lap-publishing.com/>

Объекты без субъектов: трансцендентализм наизнанку

В статье на примере работы французского мыслителя К. Мейясу «После конечности» рассматриваются основные положения одного из популярных подходов современной философии – спекулятивного реализма. Анализируются важнейшие критические тезисы, выдвигаемые представителями спекулятивного реализма в отношении т. н. «корреляционизма», характеризующего как классическую, так и современную философию. Демонстрируется применимость данных тезисов к основному положению работы К. Мейясу – утверждению абсолютной необходимости контингентности.

Ключевые слова: абсолют; фактичность; контингентность; объективная реальность; К. Мейясу; И. Кант; Л. Витгенштейн; М. Хайдеггер.

Интерес, вызываемый в последние годы трудами представителей так называемого «спекулятивного реализма», вполне понятен. «Философия гиперподозрительности», господствовавшая в культуре на протяжении прошлого столетия, в начале нынешнего века все чаще воспринимается как явление, исчерпавшее себя. При этом наибольшее неприятие и недоверие вызывает именно то положение, которое можно считать «общим местом» философии XX столетия: тезис о недоступности человеку (мыслящему и познающему субъекту) *реальности самой по себе*.

Необходимость вырваться за пределы невидимой, но непреодолимой границы, очерченной усилиями представителей различных подходов и направлений, опровергающих «догматизм» и «наивный реализм», кажется все более настоятельной. Стремление «разоблачить разоблачителей» подкрепляется тем очевидным расхождением путей движения науки и философии, которым характеризуется, по меньшей мере, вся вторая половина прошлого века. В то время как философия (во всяком случае, то, что можно назвать «мейнстримом» философии второй половины XX столетия) все более настойчиво дискредитировала понятие реальности, и в особенности понятие объективной реальности, наука, невзирая на появление и распространение таких методологических подходов, как радикальный конструктивизм, продолжала движение в русле познания этой многократно разоблаченной объективной реальности. Технологические прорывы, которые на рубеже тысячелетий перестают быть предметом особого общественного интереса, становясь частью повседневности, выступают весомым аргументом в пользу того, что понятие «объективная реальность» сохраняет свой онтологический смысл.

В этом отношении эссе Квентина Мейясу «После конечности» (2006) можно рассматривать не просто как один из самых значительных текстов, представляющих течение спекулятивного реализма, но и как удавшуюся попытку найти важнейшую «болеуточку» в отношениях современного естествознания и современной философии, каковой и выступает понятие «объективная реальность» или, по выражению мыслителя, «Великое Внешнее». В то время как философия, не позволяющая себе после Канта выходить за рамки трансцендентальной позиции, должна трактовать «объективную реальность» в качестве коррелята сознания или переживания, наука по-прежнему не нуждается в кавычках для обозначения этого понятия, рассматривая реальность как то, что существует независимо от субъекта. Наиболее очевидным образом это обстоятельство обнаруживается в тех случаях,

* Елена Васильевна Бакеева, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

когда ученый обращается к исследованию объекта, само существование которого несоизмеримо с познавательными возможностями субъекта. Образцовым случаем такого рода выступает в тексте Мейясу т. н. «проблема доисторического», выражаемая следующим вопросом: «...что позволяет математическому дискурсу описывать мир, исполненный вещей и событий, не коррелирующих с явлением, мир, не коррелирующий с отношением к миру? <...>В парадоксальной форме (которую мы назовем “парадоксом архиископаемого”) это будет звучать так: как в бытии может быть явлено то, что бытие предшествует явленности?» [4, с. 32–33].

Очевидно, что данная проблема имеет философский смысл. Вместе с тем средствами современной (посткантовской) философии она не только не может быть разрешена, но не может быть даже сформулирована. Главным препятствием здесь выступает так называемый «корреляционный круг», равным образом характеризующий подходы, выступающие в тексте Мейясу под рубриками «слабой» и «сильной» версий корреляционизма.

Первую из этих версий представляет собственно кантовская позиция, решительно запирающая мышление в себе самом посредством отказа от утверждения реального существования *абсолюта* или, что то же самое, посредством утверждения принципиального разрыва между «в себе» и «для нас»: «...речь идет не только об опровержении доказательства существования Бога, но и об отказе от всякого доказательства, претендующего на демонстрацию абсолютной необходимости определенного сущего» [Там же, с. 42]. Вторая версия данного подхода, именуемая французским мыслителем «сильным корреляционизмом», вообще дискредитирует «в себе» посредством утверждения фактичности. Последняя, согласно Мейясу, «...представляет собой предельную форму критики принципа достаточного основания, которая заявляет не только, что онтологическое доказательство нелегитимно, но и что сам принцип непротиворечивости не имеет достаточного основания и поэтому может быть лишь нормой мыслимого, но не возможного в абсолютном смысле» [Там же, с. 55]. Иными словами, «сильный корреляционизм» увековечивает скептическую позицию, отрицая всякую возможность не только «знать» (в кантовской терминологии), но и «мыслить» Абсолют. Тем самым обесмысливаются какие-либо претензии науки на получение знания об объекте, существующем за пределами «корреляционного круга».

Таким образом, возвращение научному (прежде всего – математическому) дискурсу права на обладание истиной оказывается неразрывно связанным с преодолением позиции «сильного корреляционизма». Трудность этой задачи усугубляется признанием невозможности возвращения к позиции догматизма и наивного реализма, постулирующих абсолют в виде того или иного «абсолютно необходимого сущего». Единственным выходом в такой ситуации оказывается, согласно Мейясу, утверждение «абсолюта без сущего», или «неметафизического абсолюта» [Там же, с. 71]. Таким абсолютom может быть только сама фактичность, а неустранимость этой фактичности выступает, стало быть, не свидетельством неизбежной ограниченности нашего знания, но самим знанием об абсолюте, или *абсолютным знанием*. Право на то, чтобы квалифицировать утверждение о фактичности любого сущего (т. е. об отсутствии основания какого бы то ни было сущего) как абсолютное знание, мы получаем в силу неопровержимости этого утверждения (во всяком случае, мы не можем опровергать данный тезис без того, чтобы не впасть в противоречие с самим собой): «Эта открытая возможность – “все в равной степени возможно” – является таким абсолютom, который нельзя деабсолютизировать, не помыслив его снова как абсолют» [Там же, с. 81–82].

Итак, именно в лице самой фактичности мы непосредственно встречаемся с абсолютom, который не может быть проблематизирован или превращен в нечто только *условное*. В силу данного обстоятельства эта встреча и должна быть истол-

кована, по мнению Мейясу, как проявление или свидетельство нашего знания об абсолютном, или абсолютного знания.

Гарантией того, что это странное знание («все, что существует, необходимо, т. е. может быть иным») все же в состоянии выступать условием рационального познания мира, иными словами задавать определенные критерии различения научного дискурса и всевозможных «безумных» версий мироустройства, оказывается скрытое присутствие (в рамках данного тезиса) важного ограничения. Суть этого ограничения в следующем: «Поскольку контингентность мыслима как абсолютная и немыслима без устойчивости обеих сфер – существования и несуществования, – надо сказать, что необходимо то, что всегда в наличии такое-то или такое-то существующее, способное не существовать, и такое-то или такое-то несуществование, способное существовать».

Решение таково: *необходимо, что есть нечто, а не ничто, потому что необходимо контингентно, что есть нечто, а не нечто другое* [4, с. 109]. Иными словами, невзирая на то что мы должны допустить (в соответствии с нашим абсолютным знанием о фактичности мира) существование *всего, чего угодно*, мы, тем не менее, не можем допустить *абсолютизации* существования или несуществования какого-либо сущего. Именно эта невозможность очерчивает новые рамки рациональности и служит основанием для отстаивания научного дискурса перед лицом того разгула иррационализма, дорогу которому открывает именно корреляционистская позиция в ее «сильной версии».

Эта абсолютизация контингентности, которая в самом эссе определяется как «логическая», дополняется и подкрепляется «математической абсолютизацией». Суть последней состоит в том, чтобы «...легитимировать абсолютизирующий смысл математического, а не только логического, восстановления реальности, предположительно независимой от существования мышления» [Там же, с. 165]. Данная легитимация, однако, по утверждению Мейясу, может быть только возвращением к тому смыслу математического дискурса, который полагается «галилео-коперниканской революцией» в науке. Начатая Декартом и продолженная творцами новоевропейского естествознания, эта революция, по сути дела, заменяет мир естественного человеческого опыта миром абстракций (первая из которых – протяженность), описываемых языком математики. Именно эта замена и утверждает самим своим фактом право математики на суждения о том, что – до и вне человека как мыслящего субъекта. Воздерживаясь от утверждения абсолютной необходимости существования объектов этих суждений (дабы не вернуться к догматизму и метафизике), следует, тем не менее, признавать *абсолютную возможность* данных объектов: «Абсолютность математизируемого означает возможное фактическое существование вне мышления, а не необходимое существование вне мышления. Математизируемое может полагаться (в виде гипотезы) как онтологически разрушимый факт, существующий независимо от нас. Другими словами, современная наука раскрывает *спекулятивную действительность, хоть и гипотетическую*, любой математической формулировки о нашем мире. Галилео-коперниканскую научную децентрализацию также можно высказать так: то, что математизируемо, несводимо к корреляту мышления» [Там же, с. 175].

Таким образом, искомый (необходимый для обоснования легитимности научных суждений о «нечеловеческой реальности») «неметафизический абсолют» (в виде контингентности как того, что случается без всякого основания) оказывается вполне мыслимым и логически, и математически. Тем самым реальность как объект науки освобождается от всякой зависимости по отношению к факту присутствия или отсутствия субъекта, мыслящего эту реальность.

Это краткое изложение аргументации одного из ведущих представителей «спекулятивного реализма» можно, как представляется, свести к двум важнейшим

тезисам: 1) причиной невозможности выхода к объективной реальности и, соответственно, обоснования науки как осмысленного предприятия выступает т. н. «корреляционный круг», характеризующий любой вариант трансцендентальной философии; 2) разрыв «корреляционного круга» оказывается возможным посредством утверждения контингентности в качестве свойства «неметафизического абсолюта», или реальности самой по себе. Ниже мы попытаемся оспорить оба этих тезиса.

1. Прежде всего попробуем показать, что «корреляционный круг», лежащий в основании обеих версий корреляционизма, кругом не является. Применительно к кантовской трансцендентальной (критической) философии, выступающей в тексте Мейясу под именем «слабого корреляционизма», это утверждение можно обосновать, обратившись к анализу исходного тезиса «Критики чистого разума» о различии вещи в себе и явления. Согласно французскому мыслителю, круг возникает в силу того, что Кант утверждает невозможность доказательства необходимого существования чего бы то ни было, в том числе и Бога-Абсолюта. Все, что можно сказать об объекте познания, противостоящем субъекту, – это то, что он должен соответствовать, так сказать, «размерности субъекта», или его познавательным способностям. Утверждение необходимости существования объекта выходит за рамки этих способностей. Таким образом, объект приобретает принципиально условный статус, оказываясь всегда *реальностью для субъекта*.

Обратимся, однако, к предварительным пояснениям Канта относительно замысла критической философии, изложенным в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума». Постулируя различие вещи в себе и явления, Кант не просто «запирает» теоретический (познающий) разум в самом себе, допуская существование ноуменальной сферы в качестве своего рода «догматического остатка», впоследствии отброшенного представителями т. н. «сильного корреляционизма». Идея вещи в себе как «безусловного» является не допущением (т. е. чем-то абстрактным или безразличным для субъекта), но необходимым требованием разума: «...нас побуждает необходимо выходить за границы опыта и всех явлений идея *безусловного*, которого разум необходимо и по справедливости ищет в вещах в себе в дополнение ко всему обусловленному, требуя таким образом законченного ряда условий» [2, с. 22]. Исходя от разума, это требование вместе с тем выступает манифестацией самой вещи в себе, помещающей субъекта в ситуацию парадокса. В своей теоретической «ипостаси» разум стремится к тому, чтобы обрести *полное знание*. Однако практический разум (напомним, что в кантовской философии разделение полномочий практического и теоретического разума осуществляется на фоне утверждения единства «чистого разума») как способность свободного (нравственного) действия оказывается очевидным образом несовместимым с вышеуказанной претензией теоретического разума. Таким образом, различие «только мыслимой» вещи в себе и области явлений как того, что «можно знать», оказывается неизбежным следствием выбора, сделанного Кантом в пользу претензий практического разума: «Я не могу, следовательно, даже *допустить* существование Бога, свободы и бессмертия для целей необходимого практического применения разума, если предварительно я не *отниму* у теоретического разума его притязаний на трансцендентные знания, потому что, добываясь этих знаний, он принужден пользоваться такими основоположениями, которые на самом деле приложимы только к предметам возможного опыта, и, будучи, несмотря на это, применены к вещам, выходящим за пределы опыта, собственно превращают их в явления, делая таким образом невозможным всякое *практическое расширение чистого разума*» [2, с. 25–26].

Собственно, «практическое расширение чистого разума» оказывается здесь требованием самого абсолюта, из которого неизбежно следует необходимость

(логически обоснованная) ограничить область компетенции теоретического разума сферой явлений. Именно поэтому «чистый разум» оказывается в рамках кантовской трансцендентальной позиции не стеной, отгораживающей мыслящего и познающего субъекта от того, что существует независимо от него, а, напротив, мостом, связывающим «в себе» и «для нас».

Мыслимость «вещи в себе» обеспечивается здесь самой «вещью в себе», которая мыслит себя (посредством практического разума) как свободу, всегда и неизбежно выходящую за рамки «механизма природы». Таким образом, именно в свободном действии разума заключается условие как мышления, так и познания. В предисловии к «Критике практического разума» Кант утверждает это условие следующим образом: «Понятие свободы, поскольку его реальность доказана некоторым аподиктическим законом практического разума, составляет *опору* (Schlusstein) всего здания системы чистого, даже спекулятивного разума...» [3, с. 284]. Если учесть то обстоятельство, что вышеупомянутое «доказательство» есть не что иное, как признание мыслящим субъектом требования практического разума, опережающего и превосходящего любое «представление», следует признать, что данный тезис представляет собой не теоретическое положение, но *записанный акт манифестации свободы*. Последняя, таким образом, отнюдь не противоречит разуму, но выступает его непознаваемым «ядром».

Все вышесказанное означает, что пресловутый «корреляционный круг» в рамках кантовского трансцендентализма оказывается фикцией: ограничивая теоретические (спекулятивные) возможности разума, основоположник критической философии именно этим ограничением открывает субъекту доступ к реальности как абсолютной или безусловной. Таким образом, направляемый «практическим интересом», познающий (теоретический) разум получает своего рода санкцию на создание системы спекулятивного знания, описывающего «объективную реальность» (реальность для нас). Однако эта оговорка – «для нас» – отнюдь не означает здесь сугубо условного характера теоретического знания: последнее так или иначе восходит к абсолюту, коль скоро акт «чистого разума» всегда есть нечто единое. Иерархия, выстраиваемая Кантом (практическое применение «чистого разума» первично по отношению к спекулятивному применению) в данном случае выступает констатацией очевидного положения дел: любое познающее действие есть прежде всего *действие*, следовательно, *уже* направляется неким практическим интересом. Именно последний (как важнейшая «ипостась» разума) связывает реальность «в себе» и «реальность для нас». Таким образом, познающий разум имеет в рамках данной позиции полное право выносить суждения относительно «нечеловеческой реальности», более того: только такие суждения он и должен выносить. Априорные способности, обеспечивающие условия возможности познания, отнюдь не являются «собственностью» познающего субъекта, но, осуществляясь в акте «чистого разума», восходящем к абсолюту, имеют характер *объективной необходимости*. Трансцендентализм не предполагает, а исключает любой субъективизм, что отчетливо проговаривается в следующем возражении Канта относительно утверждения субъективного характера познавательных способностей: «В самом деле, например, понятие причины, выражающее необходимость следствия при данном условии, было бы ложным, если бы оно основывалось только на произвольной, коренящейся в нас, субъективной необходимости связывать известные эмпирические представления согласно такому правилу отношения. В таком случае я не мог бы сказать: действие связано с причиной в объекте (т. е. необходимо), но принужден был бы выражаться лишь следующим образом: я так устроен, что могу мыслить это представление не иначе как связанным так-то. Это и есть то, что наиболее желательно скептику, так как в таком случае всякое наше знание, опирающееся на утверждаемое нами объективное значение

наших суждений, превращается в простую видимость, и не оказалось бы недостатка в людях, которые не признали бы в себе и этой субъективной необходимости (которая должна быть чувствуемой необходимостью); во всяком случае ни с кем нельзя было бы спорить о том, что основывается только на характере организации того или иного субъекта» [2, с. 123].

Таким образом, возвращаясь к вопросу Мейясу: «как может быть явлено бытие, предшествующее всякой явленности?», можно (в рамках кантовской позиции) дать на него парадоксальный ответ: самое действие признания явленности в качестве основы «объективной реальности» должно быть осмыслено как явление «бытия-в-себе». Иными словами, акт мысли (трансцендентальное единство апперцепции) есть та форма, которая легитимирует собственное содержание самим своим осуществлением. Учитывая парадоксальный характер самого вопроса, данный ответ следует признать вполне убедительным.

Остается, однако, еще «сильный корреляционизм», который представляется автору эссе «После конечности» наиболее опасным противником в деле возвращения науке ее абсолютной значимости. Утверждая непреодолимость фактичности (как невозможности перехода к необходимому существу от случайности «вот-бытия»), «сильный корреляционизм» (в лице, например, большинства представителей постструктурализма, наследующих как Хайдеггеру, так и Витгенштейну) заранее лишает легитимности всякую попытку разговора о том, что существует «само по себе».

Этот доведенный до своего логического предела скептицизм, по мнению французского мыслителя, не просто ставит под вопрос право науки на суждения о «в себе», но и открывает дорогу «набожности» как крайней форме иррационализма: «Набожность, лишившись содержания, отныне воспевается во имя ее самой мышлением, не участвующим более в ее заполнении. Потому что высшая точка фидеизма там, где он оказывается мышлением о превосходстве набожности над мышлением, так что никакое содержание набожности не становится привилегированным, поскольку то, что раньше требовалось установить с помощью мышления, набожность (и она одна) стала полагать своим содержанием» [4, с. 67].

Итак, «сильный корреляционизм» есть не что иное, как окончательная капитуляция разума, добровольная передача своих полномочий иррациональной вере. В поисках аргументов, подтверждающих или опровергающих данный тезис, обратимся к текстам главных «виновников» торжества скептицизма и «возвращения религиозного» – Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера.

Говоря об «увечивании скептицизма» данными мыслителями посредством утверждения фактичности, Мейясу уточняет: «Фактичность, конечно, мыслима, поскольку речь идет не о трансцендирующем откровении, а лишь о постижении границ этого мира с “внутренней стороны”. Но мыслима она только как наша сущностная неспособность иметь доступ к абсолютному основанию того, что есть. Мне не удалось бы помыслить немислимое, но я могу помыслить возможность, что немислимое есть» [Там же, с. 57]. В подтверждение верности своей интерпретации автор эссе «После конечности» ссылается, в частности, на высказывание 3.031 «Логико-философского трактата»: «Когда-то говорили, что Бог мог бы сотворить все, что противоречило бы логическим законам. – Дело в том, что невозможно *сказать*, как выглядел бы “нелогичный мир”» [1, с. 10]. Однако утверждение невозможности описать «нелогичный мир» вовсе не обязательно трактовать как допущение существования такого мира. В контексте «Логико-философского трактата» данный тезис скорее призван утвердить логичность как *форму мыслимого*, которая и связывает (а не отделяет друг от друга) мыслящего субъекта и действительность. Определяя действительность (Wirklichkeit) как «существование и не-существование событий» [1, с. 8], Витгенштейн утверждает

«форму изображения» как то, посредством чего «картина» (как представление о действительности) связывается с самой действительностью: «2.151. Форма изображения – возможность того, что вещи соотносятся между собой так же, как элементы картины. 2.1511. Так картина связывается с действительностью; она соприкасается с ней. <...> 2.15121. К измеряемому предмету *прикасаются* лишь конечные метки измерительной шкалы» [Там же, с. 8–9]. Это настойчивое подчеркивание Витгенштейном *соприкосновения* представления о действительности (как логической картины) и самой действительности недвусмысленно указывает на то, что данная позиция строится на признании доступа мыслящего субъекта к «самому бытию». Но можно ли рассматривать этот доступ как возможность *познания* «абсолютного основания того, что есть»? На этот вопрос следует ответить отрицательно: само осуществляемое в «Трактате» разделение «что» и «как» мира запрещает допускать вышеуказанную возможность. Любое знание как «картина действительности» есть то, что уже о-формлено посредством «как» логики, но «что», как факт существования или несуществования неких событий и всего мира в целом, предваряет логику, а следовательно, не может стать предметом знания.

Однако эта граница между «что» и «как» (и это самое важное) прочерчивается именно в силу требования самой логики. Речь идет, по сути дела, о повторении и усилении кантовского жеста, утверждающего трансцендентальную позицию в акте саморефлексии разума. Последний мыслит себя в данном акте в качестве *действующего*, и именно поэтому *должен* утверждать ограниченность своих познавательных возможностей. Коль скоро любое содержание знания предваряется актом разума, данный акт никогда не может стать предметом знания, приобретающего тем самым неизбежно условный статус. Иными словами, именно полнота самоосмысления разума налагает запрет на всякую возможность знания об абсолютном: «5.557. <...> Логика не может предвосхитить того, что относится к ее применению. Понятно: логика не должна противоречить своему применению. Но логика должна стыковаться со своим применением. Следовательно, логика и ее применение не должны совпадать друг с другом» [Там же, с. 55].

Усиление кантовской трансцендентальной позиции в «Трактате» осуществляется именно за счет заострения противоречия между «что» и «как» мысли. Если у Канта «что», т. е. «бытие в себе», усматривается в требовании практического разума, диктующего необходимость утверждения свободы в противовес «механизму природы», то в «Логико-философском трактате» «что» (факт существования мира и событий в мире) выступает тем «безусловным условием» всякого познания, которое обретает силу и действенность только в самом познавательном акте.

Это же безусловное требование звучит и в хайдеггеровском «Положении об основании». На то, что «корреляционный круг» в хайдеггеровском варианте не замкнут, указывает, например, нижеследующее утверждение автора «Положения об основании»: «...основание является тем, что должно быть доставлено представляющему, думающему человеку. Великое и постоянное в мышлении мыслителя заключается в том, чтобы умышленно дать слово тому, что всегда уже звучит» [6, с. 54–55]. Пресловутое «всегда уже», являющееся, как отмечает Мейясу, излюбленным выражением представителей «сильного корреляционизма», нивелируется здесь подчеркиванием свободного характера «мышления мыслителя»: то, что «всегда уже звучит», т. е. голос «самого бытия», должно быть, тем не менее, сказано заново. Именно этот свободный акт (мышления-выговаривания бытия) выступает у Хайдеггера подлинным основанием познания, и прежде всего – научного. И вновь речь идет о свободе, которую разум открывает и утверждает в акте собственного осуществления в качестве своего онтологического «безусловного условия». Эта свобода отнюдь не отрицает абсолюта и не допускает мыслимости «всего, чего угодно». Напротив, именно в этой свободе может быть обна-

ружено существо науки как «теории действительного». Это недоступное определению существо науки «...дает о себе знать внутри предметной противопоставленности, в образе которой выступает действительное и в пространстве которой теория прослеживает свои объекты, чтобы фиксировать их и их систему для представления в предметной области каждой науки. Неприметное положение вещей пронизывает всю сферу предметной противопоставленности, внутри которой набирает размах как действительность действительного, так и теория действительного, а тем самым также и все существо новоевропейской и современной науки» [5, с. 348]. Тот, кто мыслит и познает, выступает связующим звеном между «действительностью действительного» («самим бытием») и «теорией действительного», обретающей тем самым всю полноту прав на доступ к истине, в том числе и к истине о «нечеловеческом мире».

Само преобразование сущего, в рамках которого достигается его «предметная противопоставленность» познающему субъекту, предполагает «расчеловечивание» реальности. Применительно к предмету научного познания как «теории действительного» речь идет *всегда* о том, что – вне человека, неважно, во временном или в пространственном смысле. Таким образом, «проблема доисторического» не является здесь особым случаем, требующим пересмотра позиции трансцендентализма (в любом его варианте), оспаривающего нашу способность *знать абсолют*. Трансцендентализм не отказывает познающему субъекту в праве на познание «нечеловеческой реальности», но утверждает неустранимый характер *исходного парадокса* познания: акт мысли и ее содержание всегда принадлежат к разным «измерениям». В кантовской «критике» эти «измерения» представлены как практическое и теоретическое применения разума, в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна – как «логика» и ее «применение», в хайдеггеровской философии – как «сама действительность» (то, чему мыслящий «дает слово») и «теория действительного». Дело, стало быть, не в том, чтобы вернуть научному знанию осмысленность и легитимность: ни одна версия трансцендентальной философии их не оспаривает. Задача преодоления «корреляционизма» связана, скорее, с тем, чтобы два вышеназванных «измерения» мышления и познания свести к одному. Иными словами – речь не столько о разрыве «корреляционного круга» (который, как мы попытались показать, разрывается именно посредством утверждения свободного *акта мысли* как манифестации абсолюта), сколько о парадоксальной попытке «самостирания» субъекта мысли посредством утверждения непрерывного перехода от абсолюта («самого бытия») к знанию об абсолюте.

2. Мы переходим, тем самым, ко второму тезису К. Мейясу – о контингентности как необходимом свойстве «неметафизического абсолюта», которое мы не просто *мыслим*, но *знаем*. Как отмечалось выше, главным аргументом в пользу необходимого характера контингентности служит скрытое признание ее абсолютного статуса сторонниками «сильного корреляционизма». Именно разоблачение этой скрытой абсолютизации может, согласно Мейясу, окончательно утвердить тезис о «возможности-быть-другим» в качестве знания об абсолюте. Возражая собирательному «агностику» (защитнику «сильного корреляционизма»), мыслитель, отстаивающий спекулятивную позицию, утверждает: «...есть четкое основание превосходства спекулятивного тезиса, и сам агностик предоставляет нам его. *Агностик не может деабсолютизировать возможность-быть-другим, не абсолютизируя ее вновь*. Его возражение, в сущности, опять основано только на мыслимости возможности-быть-другим, которая должна пониматься как абсолютная, и поэтому оставлять открытыми любые варианты, а не закрывать их в пользу одного, как это получается у догматиков. Корреляционист в итоге делает противоположное тому, что говорит» [4, с. 81]. С этим возражением можно было бы согласиться в том случае, *если бы*: 1) понимание чего бы то ни было *как абсолютного*

не было парадоксальным (невозможным) требованием и 2) «мыслимость» могла свободно конвертироваться в знание. Очевидно, что позиция «корреляционизма» несовместима с признанием как первого, так и второго. Само разделение на «в себе» и «для нас» выступает следствием признания этих двух невозможностей: 1) преодоление догматической веры в необходимое сущее может опираться только на «чистую мысль», т. е. на бессодержательную интуицию, возникающую в акте мысли; при этом действительно неизбежна абсолютизация, но, коль скоро это абсолютизация «чистой мысли», она не может быть догматизирована, но имеет силу только в самом событии мысли; 2) именно поэтому невозможен и полный перевод «мыслимого» в «знаемое»: любое суждение, претендующее на статус знания, должно быть *признано* таковым *всякий раз*, когда оно выполняет функцию опоры для действия или истинного описания реальности.

Таким образом, действенность аргумента, разоблачающего «корреляционизм», напрямую зависит от того, насколько самому этому аргументу удастся избежать вышеуказанных невозможностей. Попытаемся показать, что спекулятивная позиция также оказывается несвободной от парадокса самообоснования, порождающего эти невозможности. *Во-первых*, тезис *о необходимости контингентности* отнюдь не является тем положением, которое «разумеется само собой» и может быть «увековечено» в качестве единственно достоверного знания. Действительно, для того чтобы утверждать скептическую позицию, необходимо допускать абсолютную возможность, иными словами – абсолютизировать саму возможность. Однако при этом скептик-«корреляционист», опровергая (своим действием) *форму* того, что он утверждает, сохраняет верность своему утверждению в отношении его *содержания*. Иными словами, утверждение невозможности как мыслить, так и знать абсолют действительно (с точки зрения формы) разрушает само себя, ведет к невозможности какого бы то ни было утверждения. Однако это не отменяет того очевидного обстоятельства, что признание «возможности-быть-другим» в качестве единственной истины о мире *действительно предполагает радикальное сомнение* в отношении любого знания. То, что случается, случается один раз, и не может быть универсализировано даже в том случае, если речь идет об универсализации «возможности-быть-другим». Об этой событийности (уникальности) говорит сам Мейясу: «Термин “контингентность”... отсылает нас к латинскому *contingere*: случаться, т. е. то, что происходит, но именно настолько, чтобы это случилось с нами. Контингентное – это *то, что наконец случилось*, нечто *иное*, то, что избегает описанных возможностей, но кладет конец тщетности игры, где всё, включая невероятное, можно предвидеть. Нечто случается с нами, новое хватает нас за жабры, прекращается счет – и прекращается игра» [Там же, с. 161]. Что же происходит, когда мы пытаемся абсолютизировать саму контингентность? Очевидно, что здесь происходит своеобразное переворачивание парадоксального отношения формы и содержания тезиса о «возможности-быть-другим»: следуя форме этого тезиса (абсолютизируя «возможность-быть-другим»), мы вынуждены опровергать его содержание, отнимая (именно у этого тезиса) право на то, чтобы быть другим. Это означает, что данный тезис, для того чтобы сохранять свою легитимность, нуждается в некоем дополнительном действии со стороны субъекта, удерживающем форму этого тезиса вопреки его содержанию.

Позиция трансцендентализма действительно выворачивается здесь наизнанку (контингентность как характеристика «в себе», или объективной реальности, утверждается в качестве независимой от субъекта), но *не преодолевается*, коль скоро эта независимость должна поддерживаться субъектом, преодолевающим содержание этого утверждения в пользу его формы. Иными словами, абсолют, нуждающийся в своем утверждении, абсолютном не является, а это означает, что

пресловутый «корреляционный круг» возрождается спекулятивным реализмом в новом облике. *Во-вторых*, абсолютизация математического дискурса также при ближайшем рассмотрении оказывается зависимой от некоего действия субъекта, которое не исчерпывается знанием о необходимости контингентности. Речь идет о действии полагания абсолютной возможности того, что выступает объектом математизации. Это полагание очевидным образом осуществляется за рамками самого математического познания, предваряя его и, тем самым, делая его осмысленным: «Математизируемое может полагаться (в виде гипотезы) как онтологически разрушимый факт, существующий независимо от нас. Другими словами, современная наука раскрывает *спекулятивную действительность, хоть и гипотетическую*, любой математической формулировки о нашем мире. Галилеокоперниканскую научную децентрализацию также можно высказать так: то, что математизируемо, несводимо к корреляту мышления» [4, с. 175]. Однако – можно было бы здесь добавить – «то, что математизируемо, должно быть сначала положено в качестве такового, и это полагание не может быть знанием, делая знание возможным и осмысленным». Тем самым мы вновь возвращаемся к кантовскому «Я ограничил знание, чтобы дать место вере». Знание так или иначе нуждается в ограничении своей «территории» для того, чтобы сохранять осмысленность. Это очерчивание границ знания и есть тот акт субъекта, который позволяет говорить о независимой от субъекта объективной реальности. Данный парадокс, по-видимому, непреодолим.

Является ли, однако, все вышесказанное попыткой уличить позицию спекулятивного реализма в несостоятельности? Отнюдь нет: речь идет скорее о попытке (в диалоге с данной позицией) выявить тот непроговариваемый фон, который, проблематизируя претензию данной позиции на исключительность, делает ее не только возможной, но и необходимой, правда в рамках определенной установки. Позиция спекулятивного реализма обретает смысл и значимость именно в контексте положения, которое можно рассматривать в качестве необходимого условия научного познания и которое весьма точно формулируется самим К. Мейясу в качестве «принципа фактуальности»: «Принцип фактуальности можно выразить таким образом: только фактичность не является фактической – т. е. только контингентность сама не является контингентной» [Там же, с. 116]. Соглашаясь с тем, что этот принцип может быть понят как то, что действительно направляет усилия ученого, мы попытались оспорить правомерность возведения данного принципа в ранг знания об абсолюте, или абсолютного знания.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч. I. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. – СПб. : Тайм-аут, 1993. – 477 с.
3. Кант И. Лекции по этике. – М. : Республика, 2000. – 431 с.
4. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. – Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие. – СПб. : Наука, 2007. – 621 с.
6. Хайдеггер М. Положение об основании. – СПб. : Алетейя, 1999. – 290 с.

Elena Vasilyevna Bakeyeva,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Full Professor at Ontology and Epistemology Chair,
Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Objects without Subjects: Transcendentalism inside out

The article discusses the main provisions of one of the most popular approaches in contemporary philosophy – speculative realism – on the example of «After Finitude», the work by the French thinker Q. Meillassoux. The author analyzes the most important critical theses propagated by the representatives of speculative realism regarding «correlationism» which characterizes classical philosophy as well as contemporary thought. This theses applied to the main idea of the Q. Meillassoux's work – the statement of the absolute need for contingency – have been demonstrated.

Key words: absolute; factuality; contingency; objective reality; Q. Meillassoux; I. Kant; L. Wittgenstein; M. Heidegger.

О натурализации метафизики

Цель работы – показать множественность смыслов термина «натурализм» в метафизике. Натурализация метафизики является конструктивным средством анализа философских проблем, в частности позволяющим найти решение проблемы дуализма субстанций. Автор показывает отличия онтологического натурализма от методологического натурализма.

Ключевые слова: натурализация; натурализм; каузальность.

В современной метафизике можно выделить несколько методологических подходов: от традиционных априорных концепций, настаивающих на невозможности использовать понятия естественных наук при обсуждении метафизических терминов, до использования информативного материала о сознании, который дает когнитивная наука, рассматривая конструктивную деятельность мозга. Попытка использовать язык естественных наук для описания феноменологического опыта открывает перспективы для частичной натурализации метафизики. Подробный разговор о натурализации метафизики невозможен без обращения к множественности смыслов термина «натурализм».

Термин «натурализм» не имеет точного значения в современной философии и в целом обозначает популярный в настоящее время в эпистемологии антикантианский подход. В эпистемологической перспективе натурализм можно обозначить как притязание, которое опять-таки можно по-разному сформулировать, дать лучшее, чем предшествующие подходы, объяснение различных проблем.

Постоянное использование термина связано с дебатами в философии в первой половине XX века. Самопровозглашенные «натуралисты» того периода (Дж. Дьюи) обозначили оппозицию «природа – воспитание» (nature – nurture). Игра слов и звуков предопределила поиски степени соотношения естественного и искусственного, влияния природного на социальное, расстановки акцентов в соотношении наследуемого и зависящего от окружающей среды в социологии, психологии и педагогике. Эти философы поставили своей целью обозначить возможности более тесного сотрудничества философии с наукой. Они утверждали, что реальность исчерпывается природой, не содержит ничего «сверхъестественного» и что научный метод должен быть использован для исследования всех областей реальности. Отсюда следует, что термин «натурализм» не вполне информативен. Подавляющее большинство современных философов с радостью принимает натурализм как методологическую установку, как только речь заходит о «сверхъестественных» объектах и возможностях науки приблизиться к истинам о человеческом духе.

Популярность натурализма в современной метафизике совмещается с его неоднородностью: речь идет о либеральном натурализме (Х. Патнэм). Оптимистические натуралисты (Д. Деннет) размышляют об особых, правильных инструментах познания, поскольку самые серьезные трудности встречаются при использовании редукции и элиминации (Т. Нагель, М. де Каро). Разочарованные натуралисты (А. Розенберг) задают фундаментальные вопросы о жизни, пытаясь из разных кусков реальности составить целостную картину.

* **Нина Юрьевна Игнатова**, д-р филос. наук, доцент, Нижнетагильский технологический институт (филиал) УрФУ (г. Нижний Тагил).

Современные философы интерпретируют термин «натурализм» по-разному. Эти расхождения в толковании не случайны. Натурализм рассматривается как логичный и убедительный подход в философских кругах, однако некоторые философы провозглашают себя «не-натуралистами». Философы с относительно «слабыми» натуралистическими утверждениями склонны понимать этот термин предельно широким образом, в то время как те, кто поддерживает «сильную» установку натурализма, стремятся установить узкие границы термина.

Вместо того чтобы погрязнуть в вопросе дефиниции, будем использовать другую стратегию. Попытаемся определить круг философских идей, которые укажут границы использования данного термина и прокомментируем их философскую состоятельность. Основной акцент будет сделан на том, насколько эти утверждения состоятельны, а не на том, являются ли они окончательными. Важно сформулировать и оценить аргументацию, понять, что привело философов к натурализму.

В натурализме XX века могут быть выделены онтологический и методологический ракурсы. Онтологический натурализм связан с подходом к содержанию реальности. Утверждается, что в реальности нет места для «сверхъестественных» феноменов. В противоположность этому методологический натурализм связан со способами исследования реальности, утверждает приоритет научного метода. Безусловно, утверждения натуралистического толка играют более значимую роль в смежных науках, чем в философии. История психологии, биологии, социологии и физики может рассматриваться как пример изменения отношения к принципам натурализма и его методологическим установкам.

Онтологический натурализм

Центральный пункт онтологического натурализма – все пространственно-временные объекты должны быть однородными (гомогенными) и метафизически представлять собой физические сущности. Аргумент о легкости объяснения мира данными физическими науками вытекает из «дилеммы теоретика» К. Гемпеля: физическое – это либо то, что сейчас постулируется физикой, либо то, что будет описано ею в недалеком будущем. Позиция радикального физикализма получила обоснование в «Метафизическом манифесте» (Э. Мельник). Если вслед за Э. Мельником считать, что психическое не обладает той значимостью, какую ему приписывает традиция, то возникает вопрос: почему ментальное реализуется как сознание? После чтения «Метафизического манифеста» остается неясным, какие физические объекты и как именно провоцируют существование Я. Именно осмысление проблемы «сознание – тело» приводит к широкому распространению натурализма, указывает Э. Голдман [1].

Натурализм основывается на тех же методологических установках, что и физикализм. Многие онтологические натуралисты, таким образом, занимают физикалистскую позицию в психических, биологических и других частных науках. Они считают, что в психических, биологических и социальных сферах действуют физические сущности. Онтологическая или супервентная связь между ментальным и физическим – первая трудность онтологического натурализма. Способ ее решения обычно называют редуктивным натурализмом. Редуктивный натурализм отталкивается от редукции психических состояний к активности мозга, когда принятие решений, убеждения, верования сводят к нейронной активности. Ответ на вопрос «Кто я?» можно объяснить определенной нейронной реакцией, однако эта реакция ничего не скажет о том, с кем я сейчас или где я нахожусь. Редукция может быть и иной: сознание как эпифеноменальный феномен уподобляют сложной системе, замкнутому органическому целому, возникающему как продукт множества физических состояний и подсистем.

В других случаях редукция происходит потому, что философ считает, что у нас нет языка, чтобы адекватно справиться с проблемой «сознание – тело». Чем сложнее ситуация, тем большие затруднения для ее описания мы испытываем. Любая попытка объяснения подобной сложной проблемы вынуждает нас уменьшать ее сложность. Язык не всегда позволяет обозначать место действия или окружение (актант). «Трудная проблема сознания» может привести к предположению, что феноменальный опыт – это иллюзия (Д. Деннет) или что разум и тело – разные уровни описания одного и того же феномена (Дж. Серл).

Иногда, и на это указывает Питер Ангер [6], ученые постулируют некие промежуточные объекты, которые однозначно не являются физическими объектами: информация, кодирование, ментальные карты и т. п. По мнению Р. Манзотти, это онтологически пустые понятия, которые ничего не добавляют к пониманию причинных связей в реальности. Онтологически пустые понятия фактически приводят к утверждению разных видов дуализма: субстанционального дуализма с понятием «субстанция» (П. Суинберн), эмерджентного дуализма с понятием «эпистемический индивид» (Р. Хаскер), натуралистического дуализма с понятием «супервентность» (Д. Чалмерс).

Еще одна трудность онтологического натурализма: мир должен мыслиться как каузально замкнутое соединение причин и следствий. Каузальная замкнутость означает, что поток причин и следствий должен быть гомогенным и непрерывным. Главная сложность проблемы каузальности – это принцип каузальной замкнутости физического, который можно сформулировать так: каждое физическое событие имеет только физическую, и никакую иную, причину. Физический мир каузально замкнут и не допускает разрыва в каузальных цепях. Основная цель онтологического натурализма заключается в том, чтобы объяснить, как и в силу чего отношения между вещами порождают причинные отношения без привлечения сверхъестественных сущностей, т. е. как ментальные свойства могут быть каузально релевантными. Пока дело не касается сознания, натурализм не сталкивается с концептуальными трудностями истолкования природы каузального взаимодействия, так как все предметы и события наблюдаемы и сопряжены в пространстве и времени. Как только появляются ментальные события, проявления которых наталкивает на мысль, что они каузально действенны, возникают концептуальные затруднения. Поэтому онтологический натурализм может сопровождаться дуалистическими представлениями об устройстве мира, одна часть которого – физическая, а другая – ментальная. Разговор о метафизике в истории философии начинается с постулирования двух субстанций. Но взаимодействие этих субстанций представляется с позиций субстанционального дуализма просто невозможным. И мы вынуждены признать, что верна какая-то форма параллелизма, или эпифеноменализма, или супервентности. Способом решения проблемы последствий каузальной замкнутости физического является интерактивный дуализм. В интерактивном типе каузальности тела и сознания предполагается, что они могут взаимно влиять друг на друга. Именно этот слабый аргумент дуализма подвергается критике чаще всего. Но если этот аргумент – главная проблема ментальной каузальности, то ментальная каузальность – главная проблема онтологического натурализма.

Многие современные философы стали физикалистами в ментальном плане, так как в противном случае невозможно объяснить, как психические процессы могут влиять на наши тела. Аналогичные соображения побуждают философов рассматривать социальную сферу как разновидность биологического мира, как организм (Г. Спенсер).

Современные научные теории строго ограничивают спектр систем, активность которых может сопровождаться физическими эффектами. Учитывая, что психические, биологические и социальные явления в самом деле обладают такими эффектами, следует признать, что их понимание должно удовлетворять вводимым ограничениям. Важно отметить, что эти аргументы касаются только тех сущностей, которые действительно содержат в себе физические эффекты. Эти ограничения не накладываются на математические системы и мир морали.

Неясно, почему необходимо учитывать, что физические эффекты должны навязывать какие-либо существенные ограничения на некоторые положения натурализма. В конце концов, тысячи лет не казалось ничего априори некорректного в идее предельно ненаучных «сверхъестественных» событий, оказывающих причинное влияние на физические процессы, как убедительно свидетельствовали мифы о физическом облике сверхъестественных богов и других диковинных существ, вплоть до обоснования Х. Патнэмом по-miracle-аргумента («мир без чудес»). Тем не менее не может быть апостериорных возражений против подобных сверхъестественных каузальных влияний на физические объекты, даже если нет априорных возражений.

Иногда предполагают, что онтологический натурализм основывается не на мотивированном аргументе, а на каком-то принятом без возражений утверждении или допущении. Этот вывод поддерживает представление об исторической случайности натуралистической доктрины в метафизике, в особенности в связи с тем, что она стала очень популярна только в последние десятилетия. Знакомство с историей науки показывает проблему в ином свете. Оказывается, натуралистические доктрины следуют за эфемерной модой, реагируют на существующее и постоянно меняющееся в науке мнение о диапазоне причин, которые могут вызывать физические эффекты.

В истории науки данная проблема решалась следующим образом: 1) механистическая физика XVII в. описывала очень узкий круг таких причин; 2) ньютоновская физика не накладывала каких-либо ограничений на причины физических эффектов; 3) открытие закона сохранения энергии в XIX в. вновь ограничило круг возможных причин; 4) нейрофизиологические исследования в XX в. строго обосновали необходимость дальнейших ограничений [3, с. 3–17].

Рассмотрим схему Д. Папино более подробно.

1. Механистические философы XVII века считали, что любое материальное тело поддерживает постоянную скорость, если на него не воздействует другое тело, и что все происходит в результате удара одной материальной частицы о другую. Механицизм исключает любые физические эффекты, кроме влияния материальных частиц. Лейбниц ясно видел это и заявил, что такое понимание дискредитировало интерактивный дуализм Декарта, который подразумевал существование нематериальной души, влияющей на физический мир. Лейбниц не отвергал дуализма, поскольку, как физикалист, утверждал, что ум состоит из материальных частиц.

2. В конце XVII века на смену механистической философии Декарта и Лейбница пришла ньютоновская физика. Ньютоновская физика открыта для рассуждений о существующих в мире фундаментальных силах: магнитных, химических, гравитационных, ударных и иных возможных. Это восстановило интерес ученых к интерактивному дуализму, так как позволило исследовать бестелесные ментальные и витальные силы, способные вызвать физические эффекты. Соответственно, ньютонианцы изучали действия ментальных сил в материальном мире, что полностью согласуется с принципом физики Ньютона. Кроме того, нет ничего в исходных принципах ньютоновской механики, чтобы

исключить различные духовные/душевные/умственные силы, возникающие автономно и спонтанно в соответствии с общими предположениями о работе ума.

3. В середине XIX века в качестве основного принципа физики был принят закон сохранения энергии. Сам по себе этот закон не исключает действия фундаментальных психических или витальных сил, ибо нет никаких причин, почему такие силы не могут компенсировать потери кинетической энергии в процессах преобразования ее в потенциальную энергию и наоборот. Термин «нервная энергия» является пережитком XIX века и означает, что психические процессы являются разновидностью потенциальной энергии, которая затем реализуется в действии. Тем не менее закон сохранения энергии действительно подразумевает, что любые ментальные силы должны регулироваться строгими физическими законами: если психические или витальные силы возникают спонтанно, то ничто не гарантирует, что они никогда не приведут к возрастанию энергии.

4. В XX веке научное мнение еще строже ограничило возможные причины физических эффектов; как следствие, были отклонены *любые* ментальные или витальные причины, даже в закономерном и предсказуемом виде. Подробные физиологические исследования нейронов не дали никаких разъяснений относительно любых физических эффектов, которые не могут быть объяснены с точки зрения основных физических сил, действующих на живые организмы. К середине XX века вера в *особые* психические или витальные силы стала мнением меньшинства.

Эта история проливает свет на эволюцию натурализма в метафизике. Если в начале XVIII века Лейбниц колебался между доминировавшим строгим механицизмом и интерактивным дуализмом, то после поражения механицизма наука перестала выдвигать возражения *vs* дуализма и против исследования нефизических причин физических сущностей. Подчеркнем, что либерализация представлений о количестве действующих причин после Ньютона привела к широкому распространению дуализма. В результате, по умолчанию, интерактивный дуализм не отрицал влияния широкого круга нефизических причин, в том числе спонтанных психических воздействий, или, как тогда называли, душевных волнений. В XIX веке идея сохранения энергии допускает, что особые нефизические силы могут действовать в физическом мире, но они должны удовлетворять строгим требованиям законов Ньютона. По-прежнему было широко *распространено* представление *об особых* ментальных и витальных силах, но обширные философские дебаты о значении сохранения энергии привели к признанию, что любые такие силы должны носить закономерный характер и таким образом поддаваться научному исследованию. Мы могли бы рассматривать это как разновидность онтологического натурализма. Но при этом необходимо помнить, что такой подход не может быть назван натурализмом в строгом смысле. Психические силы были нефизическими, они возникали лишь в особых обстоятельствах и не во всех пространственно-временных областях реальности, но даже в этом случае они подпадали под действие научных законов и не обладали спонтанной автономией. Следует упомянуть, что эта разновидность «слабого» натурализма фактически создала возможность для сомнений в фундаментальности и универсальности свободы воли.

В конце XX века изобретение концепции замкнутой каузальности привело к полноценному физикализму. Идея физической каузальности подразумевает, что, если психические и другие ментальные причины порождают физические эффекты, они должны сами иметь физическую природу. Таким образом, это привело к «сильному» натуралистическому утверждению, что всё, что имеет

физические эффекты, само должно быть физическим, или к тождеству ментального и физического.

В дополнение к такому пониманию истории естественных наук следует вспомнить, как философы в XX веке формулировали аргументы в поддержку физикализма. Некоторые из философов выдвинули идеи восходящей и нисходящей каузальности (К. Поппер). В середине XX века в аналитической философии стала популярной метафора сознания – «номологический Бездельник»¹. Считалось, что наука должна найти основу психических состояний в состояниях мозга, в противном случае эти психические состояния будут «номологическим Бездельником» и не сыграют никакой роли в объяснении поведения. На первый взгляд неочевидно, что эти аргументы требуют исследования полноты каузальности физического. Но простейшее размышление покажет, что ни один из этих аргументов не будет убедительным, если не предполагается тезис о замкнутости причин и следствий. Таким образом, остается непроясненным, почему некоторые физические эффекты (знаменитый пример Дж. Серла – движение руки или активность нейронов, которые обеспечивают эти движения) не определяются с помощью известных физических причин, но являются *в некотором роде* теоретическими допущениями (свобода воли).

Иногда предполагается, что индетерминизм современной квантовой механики создает пространство для возможности нефизических причин влиять на физический мир. Тем не менее, если квантовая механика утверждает, что некоторые физические эффекты пока невидимы, это не дает оснований сомневаться в замкнутой каузальности и в том, что ненаблюдаемые события каузально предопределены релевантными физическими условиями. Так что принцип замкнутой каузальности является основанием для исследования естественных феноменов.

Противники нередуктивного натурализма настаивают, что отказ от замкнутой каузальности приводит к неправомерному распространению причин физических эффектов на ментальные причины. В ответ сторонники нередуктивного натурализма отвечают, что нет ничего плохого в сверхдетерминации или очевидном дублировании причин, если последняя причина метафизически следует за первой. Вместе с тем, очевидно, было бы абсурдно утверждать, что физические явления имеют две независимые метафизические причины. Применив этот «сильный» аргумент, мы должны прийти к выводу, что не могут существовать метафизически независимые ментальные причины, если у физического феномена уже найдены физические причины. В «слабом» варианте натурализма поиск независимой ментальной причины возможен, даже если однозначно найдена физическая причина феномена. Скажем, для переживания любви необходимо не только наличие мозга, но и определенные ментальные причины. Джаэгвон Ким считает, что существуют только так называемые инстанцированные (подтвержденные) свойства и отношения [2, с. 67]. Подтвержденными могут быть только физические свойства и отношения. Из этого следует, что если некоторые психические объекты, такие как боль, существуют, то они должны быть идентичны физическим сущностям. В этом и других подобных случаях ментальная причина не просто дополняет физическую, поэтому такое рассуждение является возможным. Согласно Дж. Киму, психические свойства не однотипны с физическими свойствами, даже если они следуют за ними. Но из этого следует, что любая ментальная причина будет отличаться от физической причины. Другие философы возражают, что нередуктивный натурализм на самом деле не удовлетворяет исходному тезису натурализма, поскольку, хотя

¹ Бездельник – персонаж английских детских песенок «Сказки Матушки Гусыни» (перевод С. Маршака): «Я – Король, вот мой дворец, а ты – Бездельник и подлец!»

психические состояния вызваны физическими состояниями, их нельзя свести к физическим свойствам.

Методологический натурализм

Прежде всего необходимо упомянуть о связи философии, религии и науки. Методологический натурализм утверждает, что религиозные обязательства не имеют никакого значения внутри науки: само естествознание не требует специфического отношения к религии и может быть осуществлено как приверженцами религиозных конфессий, так и атеистами или агностиками. Следовательно, методологический натурализм не влечет за собой философского натурализма, атеизма или агностицизма. Не все философы одобряют этот тезис: Элвин Плантинга утверждает, что религиозные доктрины определяют разницу в методологии исследований [4, с. 6].

Метафизическому познанию предшествует убежденность философа или ученого в принципиальной познаваемости мира. Эта «наивная вера в упорядоченность мира» направляет научные изыскания, в ходе которых, если они выполнены методологически правильно, следует ожидать, что порядок природы раскроет себя с необходимостью. Однако «наивная вера в познаваемость мира» тоже не в полной мере наивна. За ней скрывается определенная познавательная традиция. Ученые и философы не невинные младенцы, а члены научного сообщества, прошедшие образовательный ценз, следовательно, их метафизические ожидания относительно природы подкреплены «школой».

Философы различаются в своих первоначальных взглядах на естественные науки. Некоторые философы признают первичность науки и ищут пути, на которых философия может быть освещена лучами научной истины. Другие философы смотрят на науку с подозрением, утверждая, что любая зависимость от науки так или иначе нарушает автономию философии. В принципе всегда найдутся философы, которые заявят, что различия между философией и наукой поверхностны, есть разница в предмете исследования, но нет разницы в целях или методах. В любом случае, сциентистски ориентированная философия не проводит эмпирических исследований, а антисциентисты признают важность данных, полученных наукой, для формирования картины мира.

Термин «методологический натурализм» понимается по-разному: и как метод естественных наук, и как сугубо философский метод. Если мы хотим серьезно обсуждать проблему философского метода, мы должны выйти за рамки эмоциональных реакций на науку и посмотреть на конкретные методологические обязательства. Фундаментальные философские и научные утверждения используют априорные синтетические суждения и апостериорные исследования.

В некоторых учебниках философии можно встретить утверждения, что философские суждения отличаются большим обобщением и там, где ученые думают о квантах или звездах, философы рассуждают о пространственно-временном континууме. Однако не все философские вопросы обладают большой общностью, например слабость воли, значимость оригинальности в искусстве или семантика фантастики и массовой культуры. Следствием этого является предположение, что альтернативные представления о методе в философии невозможны, поскольку на эксперименты она не способна. Как увязать все эти суждения, если наше мышление иногда представляет собой теоретическую путаницу, поддерживает различные направления рассуждений, которые приводят нас к противоречивым выводам? Жизнь требует от нас распутывания загадок, в том числе, возможно, скрытых в неявных предположениях, которых мы сразу не понимаем, и заставляет искать альтернативные пути. Здесь апостериорные суждения не будут решающими для теоретических выводов, ведь часто бывает так, что все данные у нас давно имелись, но найти решение мы не способны. Именно поэтому философия обра-

щается к интуиции и мысленным экспериментам. Главной особенностью современной философии являются мысленные эксперименты: дилемма Геттгера, «мозги в бочке» Х. Патнэма, «черно-белая Мэри» Дж. Кима и т. п. Думается, что мысленные эксперименты играют важную роль и в естественных науках. Здесь ученый тоже представляет себе некоторые возможные ситуации, а затем высказывает интуитивное суждение о том, что́ будет происходить. Самые знаменитые мысленные эксперименты ученых – анализ Галилеем свободного падения и возражения Эйнштейна против исчерпанности физической теории. Но подобные теоретические рассуждения представляют собой не некие концептуальные претензии, а, скорее, синтетические суждения высшего уровня. Если интуиция в мысленных экспериментах опирается на синтетические суждения, то зачем им доверять? Нет никакой очевидной причины полагать, что синтетические интуиции философов надежны, да и некоторые исторические факты позволяют сделать вывод, что философы могут ошибаться. Именно поэтому некоторые философы выступают за ревизию философской методологии (Х. Корнблит), утверждая приоритет натурального знания, полученного эмпирическим путем, над концептуальным анализом.

Методологический натурализм более присущ некоторым разделам философии, таким как метафизика, философия сознания и эпистемология, где выстраиваются искусственные теории, поддерживаемые *апостериорными* доказательствами. Но в других разделах философии методологический натурализм может показаться неуместным, в частности может быть непонятно, как его применять в философии математики или этике. Один из возможных способов решения этой запутанной проблемы – объявить некоторые разделы философии маргинальными (И. Касавин). Можно пойти вслед за Б. Расселом и признать, что *Philosophia Perennis* «не должна заниматься объектами на поверхности Земли либо в Солнечной системе. Философское утверждение должно быть применимо ко всему, что существует или может существовать» [5, с. 100]. Можно также предположить, что для математики и этики онтологический и методологический натурализм неприемлем. Их возможности ограничены ирреализмом и онтологическим ненатурализмом.

Литература

1. Goldman A. Naturalizing Metaphysics with the Help of Cognitive Science. – 2010. – URL: <http://fasphilosophy.rutgers.edu/goldman/Goldman%20%20Naturalizing%20Metaphysics%20w%20Cognitive%20Science%20%28Final,%209-24-13%29.pdf>
2. Kim J. Mind in a Physical World. – Cambridge, MA : MIT Press, 1998.
3. Papineau D. Philosophical Naturalism. – Oxford : Blackwell, 1993.
4. Plantinga A. Warrant: the Current Debate. – N.Y., 1993.
5. Russell B. On Scientific Method in Philosophy // *Mysticism and Logic and other Essays*. – URL: https://en.wikisource.org/wiki/Mysticism_and_Logic_and_Other_Essays/Chapter_06
6. Unger P. Free Will and Scientiphysicalism // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 2002. – Vol. 65. – URL: <http://philosophy.fas.nyu.edu/docs/IO/1179/freewill.pdf>

Nina Yur`evna Ignatova,

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Nizhny Tagil Institute of Technology (Branch)
of the Ural Federal University (Nizhny Tagil)

The Question of Naturalizing Metaphysics

The paper aims to show the multiplicity of meanings of the term naturalism in metaphysics. Naturalization is a constructive tool for the analysis of philosophical problems, in particular, it allows finding a solution to the problem of dualism of substances. The author shows the differences of ontological naturalism from methodological naturalism.

Key words: naturalization; naturalism; causality.

Учение новых индийских гуру о гунах и путях совершенствования человека

Гуны, или «состояния», «свойства», являются одним из ключевых аспектов учений *индийских новых гуру*, современных индийских учителей мудрости, чьи философско-религиозные воззрения, как правило, основаны на *неоведанте*. *Шрути* (тексты откровения) и *смрити* (священное «предание») цитируются ими в связи с некоторыми основополагающими вопросами, одним из которых является учение о трех *гунах*, «качествах», составляющих природу материального мира. Опираясь на традиционное для индуизма, в особенности для системы *санкхьи*, понимание *гун*, новые гуру трактуют это понятие в вопросе совершенствования природы человека по-своему.

Ключевые слова: новые гуру; *гуны*; *санкхья*; *веданта*; совершенствование человека.

Гуны, или состояния, «свойства» [15, с. 196], являются одним из ключевых аспектов учений *новых гуру*, современных индийских учителей, чьи философско-религиозные воззрения, основанные, как правило, на *неоведанте*, включают в себя также элементы мировых религий, а также философских теорий Запада.

Неоведанта в учениях новых индийских гуру трактуется как некое «универсальное учение» [8, с. 862]. *Шрути* (тексты откровения) и *смрити* (священное «предание») цитируются ими в связи с некоторыми основополагающими вопросами: учением об *Атмане* и *Брахмане*, *кошах* (оболочках) и четырех состояниях сознания, видами *йоги* и служения – вот далеко не полный список. Одним из вопросов, который заслуживает отдельного рассмотрения, является учение о трех гунах.

Гуна (санскр. गुण, *guna*) – в буквальном смысле означает «веревка» [22, с. 31]. Исследователь Б. Л. Смирнов отмечает, что филологический анализ слова допускает различные толкования: «Некоторые считают первичным значением слова *guna* – “кратность”, “сугубость” (например, *dviguna* “двукратный”); другие за первичное значение принимают “волокно” ткани как ее составную часть» [5, с. 116]. В более широком понимании гуна обозначает некое «свойство» [15, с. 196], «качество», которым обладает тот или иной объект материального мира. Три гуны составляют *пракрити* (санскр. प्रकृति, *prakriti* «причина, материя»), «природу»¹, рассматриваемую *санкхьей* как изначальную первопричину Вселенной. Гуны – три «составляющие сил» *пракрити*: *самтва* (легкость, свет, удовольствие), *раджас* (подвижность, энергия, неудовольствие)² и *тамас* (тяжесть, инертность, оцепенелость). Исследователь Б. В. Мартынов дает следующие определения: «Самтва – спокойствие, чистота, естество и уравновешенность, раджас (ср. рус. «раж») – деятельное, беспокойное и страстное качество, тамас – недвижимость, бездеятельность, темнота» [18, с. 121]. Дейссен, говоря о возникновении учения о гунах, считает, что наиболее адекватно передают смысл названий *гун* следующие

* Юлия Анатольевна Уймина, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ В данном случае понятие «природы» (и его употребление в настоящем контексте) подразумевает «не мир в целом, не космос, но недоступную произвольному изменению сущность», определяющую «способ самостоятельного возникновения, существования, уничтожения вещей, примерно то, что подразумеваем мы, говоря о природе человека, природе науки, мышления» [1, с. 224].

² Понятие «*раджас*», или «*раджо*», исследователями трактуется по-разному: как «страсть» и как «свет» (Сенап) [5, с. 115].

аналогии: чувствительность (*Sensibilität*), раздражимость (*Irritabilität*) и воспроизведение (*Reproduktion*) [5, с. 117]. С. В. Пахомов, говоря о системе *санкхьи*, приводит следующее описание: «Из гун состоят и все вещи мира. Гуны (а с ними и пракрити в целом) находятся в непрерывном движении <...>. Причиной и одновременно началом эволюции мира считается контакт между совокупностью пуруш и пракрити» [11, с. 47].

Взаимодействие *пуруши* с пракрити описываются в «*Анугите*», части четырнадцатой книги «*Махабхарата*», где пуруша – «субъект познания, двадцать пятый принцип, противопоставленный двадцати четырем принципам природы, которые являются объектами познания», в то время как *пракрити* «работает под контролем пуруши» [9, т. 2, с. 225]. Пуруша – аналог *Атмана*, «единственной значимой реальности в вещах» [9, т. 1, с. 169].

Понятие гун, характерное для индуистской философской системы *санкхьи*, встречается в текстах упанишад и смрити. Дейссен полагает, что «*Шветашватара-упанишада*» (I, 3; IV, 5; V, 7; VI, 3–4, 11) – наиболее ранний текст, в котором излагается теория гун [5, с. 117]. Здесь пракрити символично представлена в виде красно-бело-черной козы (цвета – соответственно трем гунам). Шанкара в комментариях на сутру Бадараяны (I, 4, 8–10) находит ту же символику в «*Чхандогья-упанишаде*» (VI, 4) [17, т. III], в которой говорится, что мир состоит из жара, воды и пищи (трех основ), а все вещи – из красного, светлого и темного.

В «*Бхагавадгите*» (главы VII, XIV) гуны «связывают в теле непреходящего», являясь составляющими материального мира, мешающими познанию *Атмана* [16, с. 222]. В смрити гунам дается четкая характеристика: «свет знания» – саттва, «вожделение, похоть, предприимчивость в делах, беспокойство» – раджас, «затемнение, лень, беспечность и заблуждение» – тамас (XIV. 11, 12, 13). В своих сочетаниях (во «вращении») гуны «обуславливают разнообразие психических и физических состояний» [5, с. 117]. Плоды действий, совершенных под влиянием гун, также различны: саттвичный – «чистый плод добрых дел», «раджаса плод – страданье, тамаса плод – незнанье» (XIV. 16). Учение о гунах развернуто излагается в «*Анугите*», части четырнадцатой книги «*Махабхараты*» – «*Ашвамедхикапарвы*» [6], где акцент сделан на их «нерасторжимости» и взаимосвязи (XIV, 39, 1 и сл.).

В «*Санкхья-карике*» смысл трех гун поясняется как приятное, неприятное, унылое: «Трехгунное – то, у чего три свойства: радость, страдание и апатия» (пер. В. К. Шохина) [15, с. 194]. Гуны могут быть «взаимодоминирующие, опирающиеся, порождающие, соединяющиеся и сосуществующие» [Там же, с. 198]. «Пуруша не-гунен», не являясь частью материального мира, «он отличен от них [гун]» [Там же, с. 195].

Понятие гун употребляется также в упанишадах йоги и тантры, например в «*Йога Таттва-упанишаде*» («*Суцность йоги*» [18, с. 56]), составленной в период раннего Средневековья и представляющей собой «текст некой йоговской школы»:

Три мира, три Веды, три службы (сандхья), три тона,

Три огня, три гуны – (и этому) всему основа – три слога (ОМ) (134, 135).

Слог ОМ – он же Брахман, Пуруша, согласно шрути («*Мандукья-упанишада*» (I.1–12), «*Катха-упанишада*» (II.15)) – основа трех гун [17, т. II].

В учениях новых индийских гуру понятие гун связано в первую очередь с вопросом совершенствования человеческой природы. В соответствии с кошами (оболочками³) совершенствование человека происходит на трех уровнях: физическом, чувственном и ментальном. Хотя понятие гун напрямую употребляется не во всех учениях, совершенно определенно можно сказать, что основополагающей

³ *Аннамайя* (пищи), *пранамайя* (жизненной силы), *маномайя* (ментальная), *виджнянамайя* (оболочка разума) и *анандамайя* (блаженства) коши.

тенденцией у новых гуру является поддержание гуны саттвы и нивелирование, снижение влияния гуны тамаса. Три гуны, пракрити, пуруша (*Атман*) присутствуют в учениях следующих *новых гуру*: Сатья Саи Бабы (1926–2011), Свами Прабхупады (1896–1977), Рамана Махариши (1879–1950). Также о гунах говорится в учениях Шри Рави Шанкара (1956), Шри Ниранджанананды Сарасвати (1960).

Традиционного подхода, т. е. сформированного в системе санкьи, к использованию понятия гун в своем учении придерживаются Рамана Махарши и Сатья Саи Баба. Последний, правда, сочетает его с кошами, рассматривая влияние гун подробно для каждой оболочки. *Аннамайе-коше* (оболочке пищи) соответствуют три вида пищи согласно трем гунам: саттвическая пища «укрепляет любовь, добродетель, силу, радость и сердечность» [13, с. 57] и состоит из молока и фруктов. Раджасическая пища «обжигает, опьяняет, усиливает голод и жажду». Тамасическая пища «угнетает, разрушает и вызывает болезни» [Там же]. Сходным образом классифицируются мысли, слова, поведение человека: «Не смотрите на плохое – смотрите на хорошее, не слушайте плохое, слушайте хорошее, не делайте плохого – делайте хорошее» [12, с. 169], «избегайте дурной компании» [13, с. 72]. Согласно гуру, всё, что человек воспринимает, его действия, его усилия, даже те, с кем он общается, – должно быть нацелено на истину, вести к просветлению и добродетели. Время суток также подразделяется на саттвическое (с 4 до 8 утра, с 4 до 8 вечера), раджасическое (с 8 утра до 4 вечера) и тамасическое (с 8 вечера до 4 утра). Расписание *даршанов* в ашраме Сатья Саи Бабы коррелируется с этим «временем работы гун» – большинство «богослужений» проводятся именно в саттвическое время.

Рамана Махарши упоминает гуны, говоря о природе «этого мира», которая «есть вечное изменение, бесконечное течение» [20, с. 94]. Гуны раджаса и тамаса «цепляются за тело», в то время как гуна саттвы – «чистое качество», позволяющее человеку узнать ответ на вопрос «Кто есть Я?». В большей степени говоря о преодолении пяти оболочек (кош), новый гуру дает сходные с Сатья Саи Бабой рекомендации относительно речи и мыслей человека, уделяя особое внимание необходимости уединения, внутренней тишины [Там же, с. 50].

Шри Шримад А. Ч. Бхагтиведанта Свами Прабхупада придерживался традиционных писаний Индии, основных шрути и смрити, истинность которых считал непогрешимыми. Комментируя Бхагавадгиту в вопросе о гунах (гл. VII, XIV), он делает акцент на значении понятия гуны как «веревки», которая «связывают человека иллюзиями» [3, с. 367] и разорвать которые человек может, только лишь посвятив себя *васудеве* (Кришне). В целом он не отходит от «традиции», описывая гуны сходным системе санкьи образом. Комментируя *Гиту*, Прабхупада упоминает также четыре класса людей (*варны*), которые действуют в рамках трех гун: брахманы действуют в рамках саттвы, кшатрии – саттвы и раджаса, вайшьи – в гунах раджаса и тамаса, шудры – только лишь тамаса [Там же, с. 365]. Однако это деление непостоянно, поскольку жизнь человека временна. Хотя варны сегодня в Индии официально не признаются, интересен тот факт, что, по всей видимости, профессии также могут подразделяться гуру согласно трем гунам (к примеру, философы и ученые действуют в рамках гуны саттвы).

Шри Ниранджананда Сарасвати, представитель Бихарской школы йоги, в вопросе о гунах акцентирует внимание на необходимости найти способ исключить влияние гуны, оказывающей негативное воздействие, и, наоборот, отыскать пути развития гуны, влияющей положительно на организм человека. В связи с этим Ниранджанананда Сарасвати уделяет большое внимание йоге в ее физиологическом аспекте, а также дыхательным упражнениям. Новый гуру

говорит о положительном воздействии *мантр*⁴, которые способствуют развитию гуны саттвы. Человек совершенствует свою природу не только на физическом уровне, но и на уровне мыслей и деятельности, путем правильного распределения *праны* в организме, очищая и контролируя свои мысли. Действуя таким образом, человек может достигнуть божественного состояния или просветления.

Новый гуру Шри Рави Шанкар также обращается к гунам, говоря о чистоте/нечистоте человеческих мыслей, слов, действий. «Чистота» в данном случае – активность, честность, радость (сходство в саттвой), «нечистота» – инертность, пассивность (аналог тамаса) [21, с. 230]. Новый гуру говорит в «Аштавакра Гите» о трех принципах, которые должны проявляться на уровне «тела, речи и ума»: знании, уместности и уважении – можно предположить, что эти принципы усиливают гуну саттвы. Относительно речи Шри Рави Шанкар утверждает, что в ней должно присутствовать «не только уважение, но и любовь» [Там же, с. 11] (такая речь чиста, *саттвична*).

Гуны, или состояния, свойства, качества, традиционное для индийской философии понятие, присутствуют в учениях многих современных индийских гуру, придерживающихся традиционных для Индии шрути и смрити. Гуны затрагивают все стороны жизни человека: питание, мысли, слова, действия, его профессию, окружение; все стороны материальной жизни человека (а подчас и нематериальной) подвержены влиянию гун. Выйти из-под их влияния можно, лишь достигнув Атмана. Гуна саттвы, усиливающая в человеке стремление к знанию, истине, просветлению и добродетели, более всего способствует этому, в связи с чем новые гуру подчеркивают ее важность и дают рекомендации к действиям или образу мыслей, способствующих ее усилению (так как конечная цель садхака – достижение Атмана). Несмотря на то что гуны имеют отношение, в первую очередь, к философской системе санкхьи, наряду с учениями об Атмане, кошах, четырех состояниях сознания, имеющих истоки в шрути и смрити, а также сходные аналоги в философии тантры, учение о гунах сегодня широко используется современными индийскими учителями и имеют огромное значение для понимания их учений.

Литература

1. Болдыгин Г. В. Из истории слова «философия» (против утилитаризма) // Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом : материалы XVI Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета (15–16 апреля 2013 г.) : доклады / редкол.: Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – Т. 1.
2. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. – М. : Наука, 1980.
3. Бхагавад-Гита как она есть / Полное издание с подлинными санскритскими текстами, русской транслитерацией, дословным и литературным переводами и подробными комментариями Шри Шримад А. Ч. Бхагтиведанта свами Прабхупада. – СПб. : Бхагтиведанта Бук Траст, 1986.
4. Махабхарата. Вып. II: Бхагавадгита (Книга VI, Гл. 25–42) / Буквальный и литературный перевод, введение, примечания и толковый словарь академика АН ТССР Б. Л. Смирнова. – 2-е изд. перераб. – Ашхабад : АН ТуркмССР, 1960.
5. Махабхарата. Вып. VII. Ч. 2. Книга о Бхишме (Отдел «Бхагавадгита» кн. VI, гл. 13–24). Книга о побоище палицами (кн. XVI) / пер. с санскрита, послесловие, примеч., толковый словарь академика АН ТССР Б. Л. Смирнова. – Ашхабад : Изд-во АН ТССР, 1962 ; М., 2008.
6. Махабхарата Кн. XIV. Ашвамедхикапарва / пер. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой. – СПб. : Наука, 2003.
7. Пахомов С. В. Способы духовного поиска в индийских традициях // Путь Востока. Проблема методов : материалы IV молодежной научной конференции по

⁴ *Мантра* (санскр.) – от *manas* («ум»), *tra* («инструмент»).

- проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия : Symposium. – Вып. 10. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001
8. Пахомов С. В. Неоиндуизм. Религиоведение : энциклопедический словарь. – М. : Академический проект, 2006. – С. 862.
 9. Радхакришнан С. Индийская философия : пер. с англ. – М., 1956–1957. – Т. 1, 2. (Репринт: СПб., 1994.)
 10. Ригведа. Мандалы: IX–X / пер. Т. Я. Елизаренкова, д-ра филол. наук. ; отв. ред. П. А. Гринцер, д-р филол. наук. – Л. : Наука, 1989.
 11. Свет дхармы : антология традиционной индийской философии / сост., вступ. ст., общ. ред. С. В. Пахомова. – СПб. : Торгово-издательский дом «Амфора», 2013.
 12. Садхана. Внутренний путь : сборник высказываний из божественных бесед Бхагавана Шри Сатья Саи Бабы : пер. с англ. – 3-е изд. – М. : Амрита, 2012.
 13. Сатья Саи говорит. Т. XI. Беседы Бхагавана Шри Сатья Саи Бабы / пер. с англ. А. П. Язева. – 2011.
 14. Свами Ниранджанананда Сарасвати. Прана. Пранаяма. Пранавидья. – М. : Северный ковч, 2004.
 15. Степанянец М. Т. Восточная философия : вводный курс. Избранные тексты. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
 16. Уймина Ю. Бхагавадгита – культурный памятник и один из источников учений индийских новых гуру // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии : материалы XIX Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета (12–13 апреля 2016 г.) : доклады / редкол.: Л. А. Зак и др. : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2016. – Т. 1.
 17. Сыркин А. Я. Упанишады : в 3 т. – Москва : Наука : Главная редакция восточной литературы : Научно издательский центр «Ладомир», 1991.
 18. Упанишады йоги и тантры / пер. Б. В. Мартынов. – СПб. : Алетея, 1999.
 19. Учение Сатья Саи Бабы / Индия, р-н Анапур, Прашанти Нилайам, 2012.
 20. Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе / сост. и пер. О. М. Могилевера. – Ленинград, 1991.
 21. Ashtavakra Gita. – 1-st edition / Commentary by Shri Shri Ravi Shankar. – Bangalore : Elegant Printing works, 2010.
 22. Dasgupta. A history of Indian philosophy. Vol. 1, 2006.

Julia Anatol'evna Uimina,

Postgraduate Student,

Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

New Indian gurus' theories on gunas and the ways to improve a human being

Gunas or «conditions», «qualities» are the key aspects of new Indian gurus' theories. These modern Indian teachers of wisdom substantiate their philosophical and religious views, as a rule, on the basis of Neo-Vedanta. *Shruthi* («the revelation scriptures») and *smtirhi* («the sacred legends») are quoted by them regarding certain core issues. One of them is the doctrine of the three *gunas* or qualities which constitute material world's character. Relying on understanding of '*gunas*', traditional for Hinduism and Sankhya's system, the new gurus interpret this idea in their own way.

Key words: new gurus; *gunas*; *Sankhya*; *Vedanta*; the improvement a human being.

Противоречие или скрытый смысл? Сутты Палийского Канона, не отрицающие существования «души»

Принято считать, что основателем буддизма Буддой Шакьямуни был выдвинут тезис о несуществовании души, известный как «*anatman*» (*санскр.*), «*anatta*» (*пали*). Вторую проповедь Будды, в которой рассматривается этот вопрос, можно назвать революционной в истории мысли. До Будды и после него религиозные учителя подчеркивали существование неизменной души.

В данной статье анализируются тексты сутт (*пали*; *Сутра* – *санскр.*), так же, как и Вторая Проповедь, вошедших в Палийский Канон (*Типитака* – *пали*; *Трипитака* – *санскр.*), но в которых не прослеживается прямого и однозначного отрицания существования души. Приведенные тексты являются некоторым противоречием Второй Проповеди, а также многим другим источникам, как каноническим, так и религиоведческим.

На основании приведенных текстов можно заключить, что «Я», атман, или самосушая душа, не всегда отрицались основателем буддизма. В статье делается вывод о том, что концепция «не-Я» не является одним из постулатов Дхармы, а является методологической установкой для решения иных религиозных целей. Этот вывод снимает проблему неоднозначности определения концепции «не-Я» в суттах Палийского Канона.

Ключевые слова: Буддизм; Анатта (*Anatta*); Анатман (*Anatman*); Палийский Канон; Типитака; тхеравада; хинаяна; «не-Я»; душа.

Интерес к изучению проблемы «бессамостности», «анатмана», или «отсутствия души», в буддийских учениях кроется в парадоксальной разрозненности взглядов на данную концепцию в научной литературе, которая порой доходит до противоположных мнений.

Так, открыв авторитетную монографию о буддизме, мы можем прочесть, что концепция «*anatman*» (*санскр.*), «*anatta*» (*пали*)¹, – это ключ ко всему буддизму (Ф. И. Щербатской, В. И. Рудой, Е. П. Островская, В. Г. Лысенко, Э. Конзе, Т. Рис Дэвидс, С. Коллинз, а также представители буддизма: К. Н. Г. Мендис, В. Рахула, Г. П. Малаласекара, Ньянатилока Тхера и др.).

Но в другой, не менее авторитетной, работе можем узнать, что Будда избегал разговоров о «Я» и «не-Я», что идея эта не была разработана и строго определена и прямых указаний на отсутствие самостности в Палийском Каноне не зафиксировано. Концепция «не-Я» – это лишь позднейшая доработка (К. А. Ф. Рис Дэвидс, Г. Гримм, К. Хамфрейс, Е. А. Торчинов, Б. Д. Дандарон, Л. И. Титлин и др.).

Казалось бы, одного текста Второй Проповеди Будды (см.: [4, с. 24]) (Анатта-лакхана сутта²) достаточно для утверждения, что Будда отрицал существование неизменной души. Однако существуют и такие сутты в Палийском Каноне, а также отдельные места в суттах, которые не отрицают существования «Я» и тем самым косвенно подтверждают это.

Большие отрезки времени между фиксацией текста и первыми высказываниями, которые передавались изустно, сами искажения устной передачи, недостоверность комментариев, утери контекста – все это осложняет задачу установления

* **Арсений Сергеевич Кибенко**, магистр религиоведения, Language and Management Alliance (г. Екатеринбург).

E-mail: ambrajevsky@gmail.com

¹ Также «анаттавада» и «анатмавада» (учение о «не-Я» на пали и санскр. соответственно), «бессамостность», «безличность», «отсутствие индивидуального Я», «самоотрицание» или отсутствия души (далее по тексту «не-Я»).

² Здесь и далее используется палийское слово «сутта» вместо санскритского «сутра», согласно приведенным первоисточникам.

подлинности и первичности высказываний о «не-Я», и не только. Некоторые тонкости языка пали, который нельзя назвать абсолютно изученным и по сей день, что подтверждают частые дебаты переводчиков и довольно разные варианты переводов, ставят под сомнение значения многих слов и текстов. Историческая достоверность сомнительна при изучении столь отдаленного по времени, территории и языку материала.

Тем не менее палийская традиция существует и опирается на один признанный Палийский Канон, в котором явно зафиксированы противоречивые сведения о душе, или о «Я».

В данной статье рассматриваются следующие сутты:

- *Махали Сутта,*
- *Маха-париниббана Сутта,*
- *Ананда Сутта,*
- *Агги-Ваччхаготтасутта.*

Выбор сутт, рассматриваемых в этой статье, обусловлен тем, что они цитируются в связи с разными вопросами буддизма в научной и иной литературе и являются известными по многочисленным переводам.

«Я»/Атта/атман в указанных выше суттах, в отличие, например, от Второй Проповеди, прямо не отрицается. В этом состоит противоречивость взгляда буддизма на концепцию «не-Я». Противоречивость эта подчеркивается теми, кто склонен видеть «Я»/атта/атман в буддийской философии, и отрицается на основе разных аргументов сторонниками концепции «не-Я».

Рассмотрим каждую из описанных сутт более подробно.

1. *Махали Сутта* (Mahali Sutta) [9].

Важным и ярким примером канонического текста, не утверждающего отсутствие «Я», является Махали Сутта, включенная в цикл «Коллекция долгих бесед» (Digha Nikaya), первый раздел Сутта Питаки.

Содержание Махали Сутты может быть охарактеризовано в виде вопроса: душа и тело – единое или разное? Цитируемая сутта является переводом английского издания Дигха Никайя Мориса Уолша [13, с. 146–147], сделанным автором данной статьи. Сутта имеет обозначение: SN 22.60, а также: PTS: S iii 68³.

«Однажды, Махали, я (т. е. Будда. – прим. К. А) находился в Косамби, в Гхосита Парке. Двое скитальцев, Мандисса и Джаалия, ученики аскета с деревянной чашкой⁴, подошли ко мне, обменялись учтивостью со мною и сели напротив. Затем они спросили: «Как же, друг Готама, душа есть то же самое, что и тело, или душа это одна вещь, а тело – другая?» [Там же].

«... Ученик встает на путь и практикует основы морали. Благодаря своей нравственности (высоким нравственным качествам) он не видит опасности ни в чем. Он испытывает в себе безупречное блаженство, которое идет от поддержания этих возвышенных (Aryan) нравственных качеств. Таким образом, он совершенен в этих качествах. <...> Будто бы он освобожден от сомнений, болезней, связанности, рабства и опасностей в пустыне жизни. Будучи таким образом отстраненным от чувственных желаний, будучи отстраненным от омраченных состояний, он входит и пребывает в Первой Дхьяне... и так залива-ет, пропитывает, заполняет и озаряет свое тело, что не остается ни единого пятна на его теле, которое неприкосновенно для своих наслаждений, и радуется, отстраненное от привязанностей. Так, для того, кто подобным образом знает и подобным образом видит, верно ли сказать: «Душа то же, что и тело», или

³ Код сутты в изданиях Pali Texts Society (Общество Палийских Текстов). – (прим. автора).

⁴ Скорее всего, имеется в виду один из Садху – индуистский аскет-йогин, держатель деревянной чашки для подаяний. – (прим. автора).

«*Душа одно, а тело другое?*» – «*Это не так, друг*»⁵. – «*Но я таким образом знаю и вижу, и я не говорю, что душа одно и то же, что тело, так и что душа одно, а тело другое*» [9].

«*То же самое относится ко Второй, Третьей и Четвертой Дхьянам*» [Там же].

«*Сознание клонится и тяготеет к знанию и видению. Так, для того, кто подобным образом знает и подобным образом видит, верно ли сказать: «Душа тоже, что и тело», или «Душа одно, а тело другое?» – «Это не так, друг*» [Там же].

«*Он знает: здесь нет ничего сверх этого. Так, для того, кто подобным образом знает и подобным образом видит, верно ли сказать: «Душа то же, что и тело», или «Душа одно, а тело другое?» – «Это не так, друг*». – «*Но я таким образом знаю и вижу, и я не говорю, что душа одно и то же, что тело, так и что душа одно, а тело другое*».

«*Так говорил Господь, и Оттхаддха и Личчхави возрадовались на его слова*» [Там же].

Приведенный перевод Махали Сутты говорит, на первый взгляд, сам за себя. Ответ Будды на вопрос: «Душа есть то же самое, что и тело, или душа это одна вещь, а тело – другая?» – абсолютно неоднозначен. Теоретически такой ответ можно отнести к так называемому «молчанию Будды», к отсутствию ответа на вопрос – Будда посчитал уместным оставить этот вопрос без ответа. В таком случае можно сказать, что в ответе на этот вопрос, в поисках ответа на этот вопрос нет необходимости, так как это не приведет к конечной цели учения Будды (Нирване, которая всегда являлась важнее любых философских дискурсов), тех, с кем Будда в тот момент вел беседу.

Композиционно Махали Сутта находится в том же большом разделе Сутта Никайя, где и текст Второй Проповеди. Тем не менее Махали Сутта цитируется и встречается гораздо реже первых проповедей.

2. *Маха-париниббана Сутта* (Maha-parinibbana Sutta) [10]

Находится, как и Махали Сутта (11, 33-35), в разделе Дигха Никайя (16). Это повествование о последних днях Будды, которое приводится во множестве текстов о его жизни. Данная сутта вызвала большие споры среди переводчиков из-за перевода слова «*dīpa*», которое сначала переводилось как «*светильник*» [2], а затем как «*остров*» [6, с. 42; 11, с. 58]. Существуют сторонники как первого, так и второго перевода, а также считающие, что в данном случае разница несущественна [1]. В данной сутте говорится о «*прибежище в самом себе*», что наводит на мысль, что Будда говорил именно о «*самостности*», атмане, или о «*Я*».

Классик переводов, К. А. Ф. Рис-Дэвидс, стоявшая у истоков «Общества палийских текстов» (Pali Texts Society), перевела слово «*dīpa*» как «*светильник*» [12], что было оспорено впоследствии. Перевод слова «*диппа*»⁶ как «*светильник*», а не как «*остров*», согласно В. Рахуле, добавляет именно мотивы существования «*Я*», на что и опираются оппоненты концепции «*не-Я*» в буддизме.

Автор приведенного перевода – Лама Анагарика Говинда (Эрнст Лотар Хофман, 1898–1985). Сутта имеет следующие обозначения: DN 16; PTS: D ii 72.

«*О, Ананда, будьте светильником самим себе, будьте прибежищем самим себе, без иного прибежища! Дхамма да будет вам светом! Дхамма да будет вам*

⁵ М. Уолш оговаривает, что в некоторых переводах встречается «*Это так, друг*». – (прим. автора).

⁶ Слово «*Dīpa*» может переводиться и как «*Повозка, закрываемая шкурой леопарда*».

прибежищем! Не ищите опоры ни в чем, кроме как в самих себе!..⁷ И как же сам себе будет светильником Бхикшу⁸, как сам будет охранять себя, как обопрется он на самого себя, свет увидевши в Дхамме⁹, прибегая к Дхамме, не опираясь ни на что, кроме как на самого себя? Пусть ученик мой, еще пребывая в теле, так смотрит на тело, что, будучи решительным, стойким, размышляющим, уже в этом мире сокрушит страдание, возникающее из телесных желаний, – и хотя он доступен еще ощущениям, пусть так взирает на них, что, будучи ревностным, стойким, мудрым, уже в этой жизни сокрушит страдание, возникающее из ощущений, – и, в отношении разума, пусть так взирает на него, что, будучи серьезным, стойким, мудрым, уже в этой жизни сокрушит страдание, обусловленное мирскими заботами и страстями, – и, в отношении явлений мира, пусть так взирает на них, что, будучи ревностным, стойким, мудрым, уже в этой жизни сокрушит все мирские заботы и страсти! И кто бы он ни был, Ананда, теперь или после моей кончины, кто сам будет светильником себе, сам будет убежищем себе, без иного прибежища, но свет себе найдя в Дхамме, убежище себе узрев в Дхамме, и нигде не ища иного убежища, – тот среди учеников моих достигнет величайшей Вершины!» [2].

Контекст указывает на то, что эти слова Будда говорил Ананде именно в связи с приближением своей кончины: в этом смысле слова «будьте светильником (или островом) самим себе» и т. д. имеют тот смысл, что сам Будда больше не сможет быть для них наставником и учителем. Здесь говорится об эгоцентричном начале, в котором есть противоречия концепции «не-Я»: ибо, если нет «Я» – как можно быть «только для себя прибежищем»?¹⁰

3. *Ананда Сутта* (Ananda Sutta) [8]

Расположена в Самьютта Никае (Samyutta Nikaya), в разделе Салаятана Вагга. Этот текст часто встречается по отношению к концепции «не-Я»: здесь Будда оставил этот вопрос без ответа [3, с. 166–176], равно как и вопрос о начале вселенной, о ее вечности и т. д.

Ананда Сутта может служить примером образа мыслей Будды, его подхода к разговору, который он вырабатывал для каждого собеседника. Будда, по видимому, смотрел на собеседников как на потенциальных будд, как на тех, кому нужно помочь освободиться от оков сансары и достичь просветления. В данной сутте этот пример прослеживается. Будда отвечает собеседнику Ваччхаготте не однозначно, но осознанно и с умыслом. Умысел излагается ученику Ананде после того, как Ваччхаготта уходит без прямого ответа.

Цитируемый отрывок является переводом английского текста Тханиссаро Бхикху. (Перевод сделан автором данной статьи.) Сутта имеет следующие обозначения: SN 44.10; PTS: S iv 400 [5].

«Скиталец Ваччхаготта спрашивает Будду: «Достопочтенный Готама, существует ли Атман?» Будда молчит.

«Так, достопочтенный Готама, Атман не существует (Или «не-Я» существует)?» Будда молчит.

Тогда скиталец Ваччхаготта встал со своего места и ушел.

После того как Ваччхаготта ушел, Ананда спрашивает Будду, почему тот не отвечал на вопросы Ваччхаготты. Будда ответил так:

⁷ «Будьте себе светильниками. Будьте себе прибежищами. Не прибегайте к внешнему прибежищу» – перевод К. А. Ф. Рис Дэвидс. «Пребывайте, делая себя своим островом (поддержкой), делая себя своим прибежищем, и никого другого» – перевод В. Рахулы. – (прим. автора).

⁸ «Бхикшу» (санскр) – нищенствующий монах. Пали: «Бхиккху». – (прим. автора).

⁹ Переводчик приводит смешанные термины: сначала санскритский («Бхикшу»), а затем палийский («Дхамма», что на санскрите есть «Дхарма»). – (прим. автора).

¹⁰ Но это парадокс такого же рода, как вопрос: «Кто страдает, если нет “Я”?» – (прим. автора).

«Ананда, если бы я, спрошенный Ваччхаготтой: “Существует ли Я?”, ответил: “Я существует”, то это было бы принятием позиции тех отшельников и брахманов, которые придерживаются учения о вечности (сассата-вада).

И, Ананда, если бы я, спрошенный Скитальцем Ваччхаготтой: “Существует ли Я?”, ответил: “Я не существует”, то это было бы принятием позиции тех отшельников и брахманов, которые придерживаются учения об уничтожении (уччхеда-вада).

И далее, Ананда, если бы я, спрошенный Ваччхаготтой: “Существует ли Я?”, ответил: “Я существует”, было бы это в согласии с моим знанием того, что все дхаммы лишены Я?»

«Конечно нет, господин».

«И далее, Ананда, если бы я, спрошенный скитальцем Ваччхаготтой: “Я не существует?”, ответил: “Я не существует”, это еще более сбило бы с толку уже сбитого с толку Ваччхаготту. Ведь он бы подумал: “Раньше действительно у меня был Атман (“Я”), но теперь у меня его нет”» [8].

4. *Агги-Ваччхаготта сутта* (Aggi-Vacchagotta Sutta)

Расположена в Маджджхима-Никая (72). «Придерживается ли Учитель Готама мнения, что душа и тело – одно и то же: только это истинно, прочее же недостойно?» «Нет». «Тогда придерживается ли Учитель Готама мнения, что душа – это одно, а тело – другое: только это истинно, прочее же недостойно?» – «Нет» [7].

При этом в этой же сутте находим слова: «Поэтому, утверждаю я, Совершенный обрел абсолютное освобождение через затухание, сглаживание, исчезновение и избавление от любых мнений и предположений, от всех склонностей к тщеславному представлению “Я”, “Мое”» [Там же].

На основании приведенных сутт следует признать, что доля неоднозначности в отношении «Я» действительно и абсолютно точно присутствует в Палийском Каноне. Внутриканоические разночтения порождают неоднозначность и противоречия религиозно-философских оценок.

Слово «противоречия» требует оговорки. Если смотреть на священный текст как на набор догм, тогда уместно было бы сказать, что мы имеем явные противоречия: в одних суттах «Я» категорически отрицается, в других – нет. Догматические противоречия могут быть объяснены множеством доводов: от непонимания нами логики божества до аргументов, которые призывают практиковать указанные установки, хотя и противоречивые, для возможности правильного их понимания¹¹.

Сотериологическое учение Будды не является догматичным в иудео-христианском смысле слова. Ввиду факта, что буддизм – учение о спасении (освобождении, просветлении, Нирване) от бытия, рождения и смерти (Сансары), которое расценено как страдание, религиозные концепции играют роль *средств* или *методов* для достижения главной цели. Средства, в свою очередь, зависят от особенностей конкретного адепта.

Не будет ошибкой сказать, что, с точки зрения буддиста, существует только одна догма или один постулат, который можно назвать сугубо религиозным, так как его осознание требует экстраординарного опыта и выхода за пределы обычного существования. Адепт прилагает усилия для достижения цели – это *Нирвана*, полное освобождение (себя или других), а все прочее может быть рассмотрено как средства. Об этом говорят и слова Будды в Первой Проповеди: «Теперь, когда видение и знание Четырех Благородных Истин возникли во мне, я знаю: не-

¹¹ Нами должна рассматриваться также и религиозно-практическая сторона познания, так как мы не можем полностью отстраниться от религиозного характера буддизма. – (прим. автора).

сомненно, что достиг я полного освобождения сознания. И обрел я избавление от новых рождений» [4, с. 24].

На основании проделанного анализа можно разделить буддийские концепции на два следующих типа:

1. *постулативные*, или концепции-цели (постулирующие неизменное свойство бытия, которое признается познаваемым). К постулативным относятся те концепции буддизма, которые выходят за пределы жизни человека и не могут быть даны в обыденном (не религиозном) опыте или эксперименте: Нирвана, Третья Благородная Истина о Прекращении страдания, Сансара (перерождение), Карма, вечность или не-вечность дхарм (в зависимости от школ, или сект).

2. *методологические*, или концепции-пути (то, что необходимо осознать для понимания постулативных концепций, т. е. это средства для постепенного достижения цели. Концепции этой группы могут быть объяснены логически, без апелляции к религиозному опыту). К методологическим концепциям относятся: Первая (о страдании), Вторая (о причине страдания) и Четвертая (о пути к устранению причин страдания) Благородные Истины; Восьмеричный Путь («правильные»: видение, намерение, речь, действие, образ жизни, усилие, воспоминание и сосредоточение сознания. Это же, что Срединный Путь и Четвертая Благородная Истина); Три Яда; Пять препятствий; Семь факторов просветления; Пять дхьяна – факторов; «не-Я».

Разрешение внутриканоических противоречий кроется в определении статуса концепции «не-Я» для всей сотериологической системы буддизма. Разнящиеся высказывания Будды по этому вопросу говорят о том, что:

а) «не-Я» Будды – это не отрицание «Я» (атмана), как добуддийского догмата, а новая концепция, которую можно назвать методологической по отношению к Нирване;

б) неоднозначность объясняется индивидуальным подходом Будды, его слова напрямую зависят от адресата.

Если «не-Я» понимать как средство (метод) на пути к просветлению, как практическую задачу, а не как теоретический базис или догмат, то противоречивость снимется. Таким образом, концепция «не-Я» видится не столько постулатом, в отношении которого возможны противоречия, а как метод, который может иметь отклонения, подстраиваясь под каждого ученика или собеседника в отдельности. Это коррелирует с учением о спасении, изложенным Буддой, и не вступает в противоречия с другими элементами буддийской доктрины.

Литература

1. Глазенап Х., фон. Взаимоотношения религий. Веданта и буддизм // Дом Солнца : сетевое издание. – URL: <http://www.sunhome.ru/religion/13867> (дата обращения: 05.10.16).
2. Говинда Анагарика Лама. Психологическая установка философии раннего буддизма (согласно традиции Абхидхармы). – СПб, 1993. – Ч. II. – URL: <http://psylib.org.ua/books/govin01/txt02.htm> (дата обращения: 12.11.2016).
3. Лысенко В. Г. Ранний буддизм: религия и философия. – М., 2003.
4. Пятигорский А. П. Введение в изучение буддийской философии (девятнадцать семинаров). – М. : Новое литературное обозрение, 2007.
5. Радхакришнан С. Индийская философия. – Т. I // Psylib. – URL: <http://www.psylib.org.ua/books/radha01/index.htm> (дата обращения: 01.10.16).
6. Рахула В. Чему учил Будда // Махасангха. – 1995. – URL: <http://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/Cthavira/Valpola%20Rahula/0001.pdf> (дата обращения: 20.09.16).
7. Aggi-VacchagottaSutta: To Vacchagotta on Fire (MN 72) / translated from the Pali by Thanissaro Bhikkhu // Access to Insight (Legacy Edition). – 2013. – URL: <http://www.accesstoinsight.org/tipitaka/mn/mn.072.than.html> (дата обращения: 04.09.16).

8. Ananda Sutta: To Ananda (SN 44.10) / translated from the Pali by Thanissaro Bhikkhu // Access to Insight (Legacy Edition). – 2013. – URL: <http://www.accesstoinsight.org/tipitaka/sn/sn44/sn44.010.than.html> (дата обращения: 01.09.16).
9. Mahali Sutta: To Mahali (SN 22.60) / translated from the Pali by Thanissaro Bhikkhu // Access to Insight (Legacy Edition). – 2013. – URL: <http://www.accesstoinsight.org/tipitaka/sn/sn22/sn22.060.than.html> (дата обращения: 23.11.16).
10. Maha-parinibbana Sutta: Last Days of the Buddha (DN 16) / translated from the Pali by Sister Vajira & Francis Story // Access to Insight (Legacy Edition). – 2013. – URL: <http://www.accesstoinsight.org/tipitaka/dn/dn.16.1-6.vaji.html> (дата обращения: 11.11.16).
11. Genjun H. Sasaki. Linguistic Approach to Buddhist Thought. – Delhi, 1986.
12. Müller F. Max Buddhist Suttas Translated from Pāli 1881 // Vol. XI of The Sacred Books of the East translated by various Oriental scholars, 1881.
13. Walsh M. The Long Discourses of the Buddha. – Boston, 1995.

Arsenii Sergeevich Kibenko,

MA of Religion Studies,

Language and Management Alliance (Ekaterinburg)

Contradiction or Hidden Meaning?

The Pali Canon Suttas that do not deny the Existence of «the Soul»

The thesis of non-existence of soul, known as anatman (*Sansk.*) or anatta (*Pali*) is believed to have been adduced by the Buddha Shakyamuni, the founder of Buddhism. The Second Discourse, where this thesis is discussed, can be considered as a revolution in the history of thought: before and after Buddha, all the religious teachers emphasized the existence of unchangeable soul.

The article analyzes the texts of the suttas (sutta – *Pali*; sutra – *Sansk.*) which are located in the same Canon (*Tipitaka* or Pali Canon; *Tripitaka* – *Sansk.*) as The Second Discourse. But we cannot see a strict or simple denial of the soul-existence in those texts: the discussed suttas contradict The Second Discourse and many of canonical and scholar sources.

Basing on the mentioned texts one can conclude that «Self» (atman, or self-existent soul) was not typically denied by the founder of Buddhism. The article concludes that the concept of non-Self is not just a rule set in stone, not a dogma, but a methodological point to reach other religious goals. This conclusion dismantles the problem of ambiguity of the non-Self concept in the Pali Canon.

Key words: Buddhism; Anatta; Anatman; Pali Canon; Tipitaka; Theravada; Non-Self; Soul.

Заметки к теме «Одиночество»

В статье рассматривается тема *одиночества*, связанная с темой *Возвышенного* и *жизнестойкости*, в аспекте повседневности. Авторы рассматривают феномен одиночества в синтезе двух процессов: в сборке-становлении жизнестойкого концептуального персонажа-маски; в проекции исповедуемых персоной, возвышающих ее идеалов.

Ключевые слова: персона-персонаж; концептуальный персонаж; гипостазирование; метонимия; вдохновенное; жизнестойкость; социальные аспекты одиночества; социальные машины; типизация; желание.

У бытия нет двери, из которой можно выйти

(Э. Левинас)

Я один

(Ж.-Ж. Руссо)

Одиночество возможно только среди людей – феномен одиночества в толпе, тогда как наедине с природой одиночества не бывает: созерцая пейзаж, мы позволяем ему созерцать нас. В бескорыстном созерцании (фронезисе) древние видели «веществование» – взаимную ответственность, готовность к ответу (соответствию) двух начал – человека и природы. Нет всеобщего бытия, предполагающего мироблюстителя, разместившегося за его границей с целью исполнения контролирующих функций. Есть бытие-в-месте как жизнестойкость людей и природы, *сосуществующих* в активной открытости. Следовательно, культура как пространственно-смысловая организованность не ограничивается «местом» в своей многотомной истории, но является диалогом «в-месте», в ситуации, пейзаже, в контекстах *современности*. Из этой близости ищется соответствие-сообразование с природой значимых персон – их образами и образцами деятельности, но, главное, устанавливаются принципы, управляющие их мышлением.

Одиночество зависит от процессов социализации – становления личности и обретения себя в профессии, в творчестве. Гармония личностных качеств и профессиональной компетентности (способность дополнять имеющиеся компетентности) – явление исключительное, поскольку функциональное позиционирование не предполагает «слишком человеческого», а неформальные отношения с другими мешают позиционированию в репертуаре творческого одиночества. Здесь скрываются основания для воспроизводства феномена «одиночества власти» и отношений «господство/подчинение» – всего того, что образует социальную обьективность функционирования социальных машин.

С другой стороны, одинокое уединение – это форма бахтинского хронотопа (локальность времени-пространства одиночества), условия бытия «в-месте» исповедальной саморефлексии, самоидентификации [1]. Только в одиночестве можно отследить предчувствие себя-достойнейшего в проекции на идеал, на возвышающие образы и образцы, возвыситься над недостойным существованием. Что обозначает концепт «Возвышенного»?

Во-первых, он фиксирует связь повседневного-действительного существования с реально-символическим сущим (идеально-воображенным). Или связь мира на-

* Александр Иванович Лучанкин, д-р филос. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Академия туризма и международных отношений» (АТиМО) (г. Екатеринбург).

** Евгений Юрьевич Базаров, канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ЧОУ ВО «Академия туризма и международных отношений» (АТиМО) (г. Екатеринбург).

личного существования – с возможным и наилучшим из миров. Реально даже воображаемое, если оно определяет повседневность. Во-вторых, это нелицеприятный разговор с самим собой как суд возвышенными (для нас авторитетными) другими, когда предвосхищаемое возможное возвышенное ускользает и не отвечает на вопросы, возвышаясь и объемля, своей множественной возможностью, конечность человеческой жизни. Бог никогда не отвечает вопрошаемому напрямую.

Так актуализируется **идея бесконечного**, перед которой, условно говоря, обнаруживается метафизическое одиночество и человека, и самого возвышенного. Эта идея предполагает **абсолютного другого** в его непредсказуемом индивидуальном становлении, как сути самой социальности. Переживание трагизма существования, неутешительного «смысла жизни в самой жизни», коллизий любви и дружбы, болезней, старости, нищеты и умирания – есть исток, условно говоря, «**экзистенциального одиночества**».

Удивление – начало философии, метафизическое желание определить, финализировать бесконечное, неистребимое желание философа единой мыслью и единым взором объять необъятное. Но Возвышенное, открывшись на миг, вновь ускользает. Желаящие познать бесконечное вынуждены его мистифицировать или, закругляя, финализировать, сами будучи, конечно, смертными. Здесь само желаемое – абсолютно иное и трансцендентное (возвышенное всегда ускользает от определений как абсолютно другое, что следует из идеи бесконечного). Заметим, что в истории философии понятие «гипостазирование» обозначает событие-действие, которое, будучи выраженным глаголом, становится существующим (существом), обозначенным существительным.

Типичная и повторяющаяся рудиментарность, язык повседневности – «обыденной общности» [2] – имеет дело с двумя видами социальных связей: 1) обменом деятельностями-позициями в параметрах социальной машины специалистов и 2) повседневно-мирским общением, как поиском общего, устраивавшего всех типа, закрепленного в речевых обменах. Такие типизации, отсылая к самим себе как «найденному общему», становятся ориентирами обыденного сознания «мирян» и специалистов. Это всем известные типизации – рыцари, изгои, средний класс, джентльмены, лица кавказской национальности, офисные планктоны, чиновники, белые воротнички, либералы и т. д.

Сегодня процесс типизации не завершен, что превращает все разговоры «мирян» и специалистов в нечто низменное, включая споры о политике. Крест одиночества каждый несет сам. В горизонте событий (хайдеггеровская этика в размерности «смертное/бессмертное») может интерпретироваться двояко. Во-первых, как симулякр, видимость конечности персональной жизни, стало быть вечности позиций в составе социальных машин: смерть персоны обеспечивает бессмертие персонала. Рокировка тел, действующих внутри позиции, – условия ее воспроизводства. Во-вторых, типирование повседневного общения также опирается на бесконечные образы, метафоры, шутки, а также на потенциально конфликтные представления: «управляющие/управляемые, богатые/бедные, мужское/женское» и т. д.

«Воспроизводя типологии и классификации, повседневность воспроизводит себя как особая реальность первого порядка» [6]. Содержание шуток, острот, анекдотов меняется, но не меняется их структура. На вертикали смыслов (хайдеггеровская этика в размерности «земное/небесное») ищется идеально-возвышенное. Но поскольку оно избегает конкретизации, то его отсутствие восполняется молитвой, постом, медитацией, исповедью, откровением. «В предельной своей постановке, – замечает Н. Бердяев, – проблема одиночества есть проблема смерти» [2]. Изоляция в тюрьме, в лагере или сумасшедшем доме – инструмент деперсонализации, отличающийся от своей противоположности, т. е. изолирую-

щего уединения творца. И Бог шагнул в пустоту, и он огляделся вокруг и сказал: «Я одинок, сотворю я себе мир».

Чем больше доверия и любви к себе, тем меньше смерти. Доверие опирается не на добро как источник предательства и не на недоверие – источник войн, а на негатив, на отрицание абсолютной изоляции и абсолютного умирания, зависания в состоянии «ни жив ни мертв», в споре с негативностью неизбежного – неотвратимостью смерти и налогов. Живое потому и живо, что бросает вызов окончательному суду и суждению – неотвратимости неизбежного.

Например, для мигрантов-мусульман, двинувшихся в Европу, изоляция в форме диаспоры обесмысливается, если исчезает их религиозный враг. Религия для них – натуральность единства, перед лицом которого выстроена их самоизоляция, а когнитивный диссонанс («не понимаем неверных») – естественность существования. Заметим, недоверие к другому оборачивается двойным отрицанием – «демигацией» (это шутка, от Ж. Деррида подаренная как «денегация»).

В общем виде, если брать простую повседневность, следует отметить следующее. Во-первых, миряне и представители изолированных диаспор одинаково агрессивны к «чуждости других»; ими отрицается Другой в его якобы грубости и наглости на том основании, что он сам по себе. Во-вторых, в логике «нерефлексивного атеизма», отрицается идея бесконечности и множественности миров (Дж. Бруно) во имя ее персонификации – в том или ином образе – идеально объемлющем повседневность. Спасает ли нас фундамент единения? Сегодня не важно, какого рода фундаментализм: авторитета правителя или всевышнего. И в самом деле: любое общее понятие идеально и возвышенно. В примитиве быта мы перечитываем уже прочитанное, потому что авторский замысел выше и талантливее нас. Он оставляет в тексте место и для нас, читателей, становится персонажами произведения, действующими вместе с другими, по воле автора, придуманными персонажами.

Тем не менее «демигация подмигиванья» оставляет за нами возможность творчества в понимании нами своей – книжной (придуманно-ролевой) и повседневной жизни. Среди таких данностей, как контекстов, проявляющих свои противоположности, самыми тяжелыми являются изоляция, тюрьма и сумасшедший дом. В онтологии детства Виктор Пелевин пишет: «Когда по рукам пошла фотография тюрьмы, сделанная снаружи (предположительно с каланчи над зоной кондитерской фабрики), было не очень понятно, чем так потрясены старые зэки, – неужели в их жизни нет ничего более удивительного? Вечный кусок плохого торта, знакомая вонь... и наивная гордость за возможности человеческого разума. А можно перестукиваться с Богом. Ведь отвечать ему – значит просто чувствовать и понимать всё это. Вот так и думаешь в детстве, когда мир еще строится из простых аналогий. Только потом понимаешь, что переговариваться с Богом нельзя, потому что ты сам и есть голос, постепенно становящийся все глуше и тише. С тобой, если вдуматься, происходит примерно то же, что с чьим-нибудь криком, долетающим до тебя со двора, где играют в футбол. <...> Потом самое лучшее понемногу блекнет: начинаешь замечать трещины на стенах, тяжелую вонь из пищеблока, неприятную именно своей ежедневностью, начинаешь догадываться, что и за родимым забором со свежешапаклеванными выщерблинами существует какая-то жизнь, – словом, с каждым новым днем все меньше вопросов по поводу твоей настоящей судьбы остается без ответа. А чем меньше остается скрытого от тебя, тем меньше взрослые склонны прощать тебе за твою чистоту и наивность, получается, что просто видеть этот мир уже означает замараться и соучаствовать во всех его мерзостях, – а по вечерам в тупиках коридоров и темных углах камер бывает много страшного. И вот из зыбкого тумана забывающегося детства выплывает – как при наведении фокуса – понимание того, что ты родился и вырос в

тюрьме, в самом грязном и вонючем углу мира. В этой же камере жил когда-то маленький зэк, видевший всё это, а сейчас его уже нет. Видно, побеги иногда удаются, но только в полной тайне, и куда скрывается убежавший, не знает никто, даже он сам» [7, с. 269–271].

Бегство маленького зэка – бегство от тюремной изоляции в одиночество полной тайны, сюжет которой сценически пишется им, а режиссируется по ходу жизни. Поясним сказанное. Представим себе изоляцию возвышенного в роли маленького зэка, как изоляцию внутри Вселенной – тюрьмы, универсального изолятора. При этом зашифруем его связь с грацией (по Шиллеру, именно Грация диалектически противостоит Возвышенному). Далее, наоборот, наделим его чертами сурового Демиурга. И тогда, обладая атрибутами вечности и бесконечности, играя человеческими жизненными отрезками, местоимениями и местожительствами, местами власти и заключения, Демиург, в силу спокойствия игры и своего честолюбия, – не стал бы колебаться, например, между «ничто» и «нечто», а выбрал бы путь исправления непоправимого.

Таков путь восполнения недостатков для человека, располагающего вечностью и бесконечностью. «Дайте русскому мальчику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленной» [5]. Он, мальчик-демиург, может всё, поскольку всё смертное и конечное для него пропало, он возродил бы все прожитые жизни, проиграл бы нынешнее и будущее. Но это, на самом деле, работа зэка: клонирование жизни других их бы уничтожило. Люди стали бы пошлыми демиургами-строителями; они перестали бы портить карты звездных небес, вернувшись в лоно абсолютной нетворческой изоляции, – до и после своего рождения, – и после своей смерти.

Что такое уединение? Оно актуализируется вне повседневного общения, ищущего типично общее и вне социальных машин, нацеленных на деньги и власть. Уединяться персона может эгоистично (обмен довериями) или эгоцентрично (обмен честолюбиями). В любом случае одинокая толпа или одиночество в толпе – жребий, выпадающий творцам постоянно. Вертикаль смыслов требует уединенности молитвенного экстаза, эротического слияния, теплоты переживаний, катарсиса, причастности к ритуальному действию, откровения в обмене довериями. В христианской традиции у-единение имеет цель единения с Возвышенным (Истиной). Изоляция от «суеты этого мира» – аскеза, включающая пост и молитву, всегда рассматривалась как средство противостояния грехам и страстям, а не самоцель. Мартин Хайдеггер также видит необходимость «тишины» для современного человека, захваченного миром «техне», как возможность возвращения к себе, соединенному с самим Бытием [9].

Читательское уединение верно себе, если сосуществование книжных персонажей находит место для себя: не только мы читаем книги, но и книги читают нас, поэтому текст уточняет смысл персональной судьбы, как Вселенная-вместилище, где самим фактом нахождения пределов эти смыслы переопределяются до и после. В аналогичной позиции находится и читатель.

Текст определяет персону, провоцируя сочинение и рождение новых концептуальных персонажей. Мы узнаем себя по отражению в зеркале, каковым являются для нас другие и мы – для других. Здесь правда приписанной другими идентичности совпадает с авторитарностью, с честолюбивой гордостью за себя на фоне падения других, а самоидентичность правды (вымысла себя) путается с истиной возвышенного. Возможен ли здесь катарсис, очищение от этой путаницы?

Чистый разум у Канта не отягощен глупостью неразумной повседневности, ибо чист, не загрязнен предрассудками «прежде и потом», опытом пошло-прошлых заблуждений и фантастических мечтаний о будущем. Он свободен от

времени и вечного, но – и в этом его суть – направлен на то, что должно быть всегда интеллигибельным. Он не есть явление и относится к порядку феноменов, требующих абсолютно-безусловной веры в свое существование: «творец, игра, труд, смерть, Бог, душа, диалог, соблазн, свобода, воля» и т. п. – из этого ряда.

«Практический разум», напротив, является в измерении прагматики. Он ведет сделки и переговоры с позиции персонального методолога, оперируя процедурами сборки (сочинения) концептуальных персонажей (зрелище весьма поучительное: пронаблюдать достойное поведение, а далее – оспособить, подражая, себя этим достойным способом). Он осваивает и классифицирует их способности; бытования в обыденной повседневности, в ее сериалах и повторах, – в конспекты и схемы. На теле такие способы проявляются в пластической готовности к сборке любых персонажей (у Канта, на наш взгляд, именно это именуется «прагматической верой»). Прагматическая вера откладывает три опыта одиночества, свернутого в форму студенческой шпаргалки или сохраненного переживания: опыты скуки, неожиданности, аскетизма. Опыт скуки, скучного повторения пройденного, сворачивается «до кучи»: «примитивных, прилетевших сведений» скученности и тесноты, заставляя быстро листать текст или бежать. Опыт неожиданности, если он ожидаем, сворачивается в контекст образов, типов, зацепивших персону образцом, схемой красивого или смешного поведения. Опыт аскетизма, аскезиса-аскезы, есть инструкция по воздержанию от «оценок», суждений, суда, поспешных и скоростных обобщений, типизаций и типологизаций (обязательств и долженствований позиционирования от лица школярской схемы, классификации, авторитетных догм), а то и от рефлексивно-критического сомнения.

Вместе с тем прагматическая вера основана на слепом доверии, уверенности в себе, она реализуется во всех возможных мирах и вселенных, наполненных суетой необходимой рутинности и ежедневно повторяющихся действий. Свыше любых сил иметь дело с незаконно сообразной и неупорядоченной реальностью, сплошь состоящей из неожиданностей.

Чтобы выйти из возможных здесь трудностей методологического характера, следует совершить «прегрешение» (трансгрессию). Это скачок мысли, позволяющий от слепой мирской веры перейти к рациональному сомнению, связав его с понятием «повседневность», впервые использованным Максом Вебером. Повседневность – буквальная поверхность или граница социальной жизни, где в процессе столкновения привычно-рутинных, типизированных схем и образцов деятельности – с чудесным, необычным и новым, – конструируется сама повседневность как высшая реальность. Повседневность, как граница, соприкасается с двумя пределами персоны: с ее телом, с одной стороны, и сложным единством души и духа – с другой. Обычно здесь тематизируется граница «внутреннего/внешнего, имманентного/трансцендентного».

Из повседневности исходят любые объективации и рационализации, и в ней же они переплавляются, выплавляются и отбрасываются в архив культуры, как заметки и узелки памяти, воспоминания об объективности и былой целевой рациональности.

Если одинокие творцы используют скепсис и сомнение как инструмент самоидентификации, то повседневные люди (миряне) воздерживаются от идеи бесконечности. Одиночество мирянина, в его автаркии-самодостаточности, не воспринимает идею существования множества возможных миров. Точно так же оно отказывается от сомнений по поводу существования этого мира как наилучшего: каждый народ «заслуживает» то правительство, которое им управляет. Это «мирское» воздержание от сомнений. И вместе с тем – причина отечественного страдальчества, мазохистского удовольствия от невзгод и бед.

Повседневность – место мистического забвения одиночества, когда в беседе двух искренних персон на мгновение приоткрывается, на границе их опытов, нечто новое и странное, неожиданное в своей непредсказуемости, но лишь на мгновение. Мистика и смех – трансгрессивные способы внезапного восприятия (или иного) в ритме открытия, закрытия шрамов и границ повседневности в разломах и ее пределах (заметим, праздник перестает быть проломом в повседневности, если делается официальным, объективированным или ежедневным).

Повседневность – не единый «жизненный мир», а децентрированная множественность сосуществования возможных миров, существующих не только в своих местах, локусах, но и в своих отрезках времени – «в хронотопах», как сказал бы Михаил Бахтин. Или, как сказал бы другой автор, «такие возможные миры – это части себя гипостазируемого целого. Они не на всю жизнь, а на некоторое время. Они не даны или предопределены, а намеренно избраны из множества малых» [3]. Повседневность мотивирует беседующих персон существованием двух видов: мотивы «потому что» и мотивы «для» (причин целеполагающей вины, тоски по прошлой безответственности, и уже невозможности что-то изменить в прошлом: впрочем, и долговых обязательств перед будущим). Верховенствует грядущее, выбирающее из мотивов ему интересное. Оно есть момент будущего, выбирающий нас из несовершенного (недоделанного и оставленного, но, возможно, пребывающего прошлого), такого, где мы себя еще не знали. Но тогда и судьба персоны оказывалась под вопросом.

Повседневность судьбоносного мира, образа – как своего прообраза, персонажа – как способа оригинального подражания, как темы или образца для импровизации, у (меня и тебя) персоны начинается с привычного и типичного. «Я сделал умозаключение на основании узанного, миметически повторимого, сказанного уважаемыми мною авторитетами; несомненно, что имею музыкальный слух и смогу играть на всех инструментах, из них ноты извлекать». Персона совершает типическое действие, ожидает того же от другого (другой персоны); далее начинается институционализация, сборка социальной машины, где реализуется взаимная типизация привычных действий в обмене разделенных на различные и по разным грядкам и полянкам деятельностных позиций-мест. Что такое позиция?

Для нее типичен свой репертуарно-ролевой набор, который держится, используется персоной, в оппозиции к другой типичной позиции. При этом репертуары и роли позиции динамически определяются ситуациями сделок с коллегами и клиентами. Такая динамика воспроизводит реальность повседневной жизни – и в бытовой обыденности, и в специализированном сообществе – как тихую обитель сделок, разговоров, договоров, куда неизбежно возвращаются даже все грешники и святые, мистики и пророки.

Реальность повседневности искушает персону небезразличием к сделке или розыгрышу: официозные инструкции, веселые дети, уединенные благообразные старики, полутрезвые ровесники соблазняют самим фактом существования. В позиции специалиста элементарно проигнорировать такое «кипение жизни». Но наблюдаящим или тем, кто рефлексивно персонифицирует тип, это важно для опыта. Здесь позиционно – через новые речи и новые ролевые акценты – объективно укрепляется социальный запас знаний или, напротив, запускается удивление, любопытство для очередного типирования. «Взятая не персонально, повседневность кишит рудиментами религий, науки, техники, искусства» [8]. Это склад готовых концептуальных персонажей, требующих творческой шлифовки. Тип дан в повторе, в самоплагиате, во множестве похожих умозаключений: он себя обнаруживает повторяющимся дерзновением различий (как тип). Персональный тип уподоблен своим остротам, анекдотам, поговоркам, он сразу разделяет попутчиков в

поезде на своих и чужих по их одобрительному смеху или недоумению: «в чем, собственно, прикол?»).

Это означает, что язык повседневного общения не отличается от птичьего языка специалистов в том главном, что также различает и разъединяет персон, усиливая переживания одиночества. Это «главное» – вкусы, эмпатика, интонации речи, глаза, пластика жеста, энергетика участия. Позиции реальны в оппозиции, типы реальны в эгоцентризме типирования, опытах различного общения, интересной ангажированности вкуса, предчувствий новизны нового. В иерархии эгоцентрических различий между «симпатией/антипатией» и «своими/чужими» размещена множественность других противопоставлений («улыбается/неулыбчив, узнаёт/не узнаёт»).

Замечено: эгоцентрик склонен к интровертивному «вампиризму», безапелляционным суждениям, оценкам, сомнения в которых воспринимается как личное оскорбление. Эгоцентрик еще и садист, требующий подпитки от жертвы. Эгоист, напротив, экстравертивен, относя сомнения и проблемы по ведомству одной из возможных точек зрения, «оставаясь при своем мнении как пока несомненным». Эгоист исходит из приоритетности обратной связи: чтобы мне было хорошо, я должен первым уступить или сотворить добро. Понятно, что «нормальное» эго эгоиста ближе к мазохизму; именно к «мазо-типам», на наш взгляд, следует отнести все открытия в мире по поводу промыслов, целей, причин, смыслов. Мазохисты – мастера, умеющие восходить от следствий к причинам [4]. Мазохисты – критики скуки и бессмысленности жизни.

Скука – боль, растянутая во времени. Она заставляет выйти из персонального уединения и раствориться в толпе для испытаний еще большим одиночеством. Логика скуки обнаруживается в колебании «схода/исхода» персонального страдания и скучной тесноты скученной толпы. Так рождается честолюбие, которое исходит из противопоставления гордого страдания персоны деперсонифицированной толпе. На неожиданное одиночество реагируют либо радостным замешательством, веселым торможением, удивлением (удивление – начало философии), либо негативно, ужасом, сгустившимся страхом.

Во всех случаях сменяющий скуку взрыв неожиданности – а именно боль, трудность дыхания, судороги, смертельный ужас, труп соседа, предательство близких – вспыхивает внезапно. Такой взрыв трансгрессивен, он взрывным и скачкообразным способом изменяет представления персоны о себе и своем одиночестве, вспыхивая аскетизмом времени.

Аскетизм амбивалентен: это и жадность, страсть к накопительству, и доброта открытой щедрости. Нам принадлежит лишь то, что мы отдаем другим. И чем больше от себя отрываешь, тем больше тебе достается. Отсрочка и откладывание решений денежного долга и займа, а также важных дел – симптомы одиночества, одержимого аскезой, воздержанием от прагматики социального позиционирования. Аскетизм открытый, избегающий расточительности и пустых общений, становится экономикой трат, щедростью одиночества, дара жизни, ничего не требующего взамен. Такое одиночество грациозно складывается из подробностей отточенных телодвижений (Грация, напомним, диалектично противостоит Возвышенному). Грациозное одиночество, переживаемое как благо, добро и благодать, не чуждается аскетизма мудрого затворничества, отшельничества и странничества решений, скитальчества и скромностей пилигрима. Одно дело – жертвенное подаяние и милостыня от других, другое – домашняя заготовка. Здесь различия в «схеме», добровольно принятой схеме упражнений на виду у зрителей. Далее понятие «схема» теряет публичную значимость, относясь, скорее, к различию персонального и социального как способов существования достойного одиночества.

Достойное себя одиночество грациозно тем, что не спешит с удовлетворением потребностей, поджидая незаметного случая или момента, чтобы восполнить пустую оболочку «чистого желания» возможной или небывалой потребностью. Достоинство обретения: новый способ жить задает новый тип еды, общения, рефлексии. Здесь срабатывает контекст желаний и потребностей, которые в горизонте событий как бы случайно «оформляются в иерархию». Например, такая иерархия сформулирована социологами в пресловутом советском законе возвышения потребностей и в откровенно подлом и низменном характере параметра – так называемой корзине потребностей, измеряемых в «спальных районах», «человеко-часах», «койко-местах», «трудоднях» и т. д. Чем не осуждение и суд? Социальная машина, в которой позиционирует социолог, восполняет его персону и им созданный персонаж, который не специалисту не доступен, но самоочевиден для лидера профессионального, социологического мнения.

Таким образом, мы иногда оказываемся на суде помимо собственной воли, например в контексте происходящего на известных каналах (ток-шоу), на суде, где, подобно Йозефу Кнехту, втягиваемся в процесс, где наша или его вина возникает из самого факта присутствия на суде. Судопроизводство любят люди публичные, не помеченные одиночеством или мазохистским стремлением к нему. Вина тут, как правило, возникает у неподсудного в ходе проживания своего жизненного отрезка, в процессе криминальной или волшебной жизни других людей, в подробной и скорбной памяти лицом к лицу, в мечтах о невообразимом сообществе. Методологическая осторожность предполагает понимание того, что вина и ответственность, страдание и катарсис, – это моменты экзальтирования, экстазирования, необычного в жизни персон. «Экзистенциальное и социальное суждение, – отмечает Бердяев, – не есть только суждение о существующем, но и суждение существующее» [2].

В этом смысле различие сущего и существующего, пресловутое разделение на «субъект-объект», – есть суд, игнорирование существования за пределами судопроизводства. Перед нами необратимость вопрошания: время, когда наши потомки будут искать в жизни моих современников ответы только на свои вопросы. Здесь ничто не меняется в отзеркаливании своего: ни самоидентификация потомков, ни наша идентичность. Главное в таком вопрошании – «демигация», где нет обмена довериями, когда наши любимые потомки, размещая себя, в свою очередь, между нами и своими наследниками, исповедуют идею спасения. Кто будет судить, а не как, и как нас спасать – нам решать, поэтому и мы можем выбирать себе судьбу, приглашая его с улицы.

Вот и любой мыслящий, вынося суждения, приходя к умозаключению, сам оказывается на суде, становясь подсудимым. В ходе судопроизводства, например, философ-профессионал, принимая правила игры в академическую науку, т. е. в игру объективации суждений, умозаключений, осуждений, – оставляет за собой интуицию как персональную собственность. И, наоборот, отчуждение от объективирующего (рефлектирующего, натурализующего, овеществляющего, деперсонализирующего) духа социальных машин и типизирующей повседневности – причина недовольствия от одиночества, переживаемого как не востребованность.

«Надо хотеть, чтобы тебя хотели» – таков капитализированный бренд социальности. Невостребованность вызывает смертельный ужас: «меня не хотят знать и видеть!?» Тут одиночество зависает, не найдя грациозного персонажа для выражения своей персоны, все еще цепляемой инерции объективирующей (научно позиционирующей) рефлексии. Персональное прошлое невосполнимо. Отмеченный Бердяевым рост души, самоидентификации, уединений, эмоционального восполнения рефлексии над воспоминаниями – это поступок. Тут актуальное в поступках или реальное (в образах воображения) оказывает сопротивление норма-

тивно-типизирующей силе социальных машин и повседневности, их нетерпеливо-доверчивому суду. Обмен довериями расколдовывает и персонифицирует мир, будучи псевдоключом к окончательному преодолению одиночества. Такой путь предначертан в достижении идеально-целостного андрогинного образа. Противопоставляя одиночество и социальность, Бердяев анализирует четыре типа отношений:

1. Человек не одинок и социален. Гармония с другими – Богом и социальностью, повседневностью. Социально активный тип, озабоченный повседневностью, бытовым выживанием; быть как все, жить не хуже других; деперсонификация в составе одинокой толпы.

2. Человек не одинок и не социален. Повседневная деперсонификация: социально пассивный тип; люди такого типа погружены в бытовое выживание с добавлением: «Власть от Бога. Я такой, как все. Ничего не решаю, я маленький человек, вне морали: дистанцируюсь от любой ответственности, в том числе и за себя».

3. Человек одинок и не социален. Как конфликтная персона, этот тип практикует креативное уединение, либерализм, непротивление элитарной критике, сотрудничество на расстоянии и от власти, и от ответственности; честолюбие эгоцентрика, творческое любопытство.

4. Человек одинок и социален. Конфликтная персона, практикующая творческое уединение, трезвость, просветленность, склонность к пророчествам; характерен революционно-демократический романтизм, стремление к реформам и ответственному лидерству, озабоченность судьбами народа и экологией [4, с. 272–273].

Скрытность «Я», извлекаемая из данной типологии, это и есть одно из выражений одиночества, «уединения». Скрытность есть защита «я» от объективируемого и социализированного мира. Персона, позиционирующая внутри государственной машины, осуждена быть под маской, избегая быть втянутой в процесс «государствления» государства, его права надзора за жизнью и смертью подданных, легитимации права на насилие. Иначе говоря, в государстве, понятом как социальная машина, все люди, как в романе Кафки, осуждены и заранее находятся под следствием. Они обязаны говорить и лицедействовать, представлять от власти, позиционировать в рамках, в ролях и репертуарах позиции, где позиция реализуется в отношении к другим позициям как потребность. Отдадим должное обществу потребления и потребностям – главному смазочному материалу социальных машин. Нынешние потребности артикулируются как деньги, предпочтения участия в управлении, позиционирование, умение быть лояльным к власти и выносить суждения, т. е. быть социальным.

Быть социальным означает: удерживая свою человечность в позиции, например в творчестве, профессионально и компетентно судить о «разных предметах». Такая человечность проявляется как этика, которая не затрагивает интересов других. Следовательно, предполагаемые логики когнитивного диссонанса остаются уделом самой персоны; в случае если она не добьется поручительства и покровительства вышестоящих персон, столкновение ее интересов с другими неизбежно.

Поручительство-покровительство есть вход в систему социальных машин, обламывающих любую персональность: позиции, со времен Египта и Вавилона, всегда душили любую душу (Бахтин: «душа гибнет в духе»). В персоналистском (авторитарном) государстве любое неполитическое действие тут же трансформируется в политическое: смертная жизнь персоны царя обеспечивает бессмертие обслуживающего персонала-плебса. И неважно: смотрим ли мы договорные матчи или филологические соревнования школьников, наблюдаем ток-шоу в СМИ или неподсудность судов и чиновников.

Персоналистское государство реализует не только право на насилие, информацию, ценообразование, налоги и т. д., но и право на интериорность – превращение внешнего насилия в самоцензуру и грозный пальчик совести, далее – в дубинку полицейского. Другое дело, что это право на насилие узурпируют активисты, хулиганы и националисты. Персоналистское государство бессознательно и безлично предполагает, что в пределах его собственности, государственного сектора экономики бюджетники, пенсионеры, учителя, силовики, чиновники и т. п. осуждены на лояльность, партийную солидарность и самопожертвование в аскезе выживания. Здесь деперсонализация персон отчетливо предполагается гипотезой; извне нас осаждают, не любят, не хотят; таков образ осажденной крепости, соответственно оснащенный набором ясных и отчетливых представлений об осаждающих внешних врагах. Вопрос о становлении собственной персональности и решении своих проблем здесь просто не стоит. Миряне о внешнем мире знают больше, чем о своих проблемах, проявляя готовность безвозмездной жертвенности во имя державной целостности – смертной жизни персоны царя как гаранта безбедной жизни персонала.

Забвение принципа удовольствия во имя принципа реальности означает непонимание радостей персональной свободы во имя привычной рабской психологии. Получается, что самое страшное для «постсоветского» человека – это симулированная свобода, готовность любить не близких, а харизматического лидера, представленного телевизором, который важнее холодильника. Это равносильно тому, что мифы об исторических событиях, ангажированные текущей политикой, оказываются важнее научной истории: и лишь на том основании, что мифология и объективно-научное понимание неразличимы в контексте сухой хронологии. Вымысел правды чиновниками и правда научной мысли – совсем не одно и то же. Любой миф наполнен персонажами и обязательно кем-то персонально присвоен, поскольку «диалогическая реакция персонифицирует всякое высказывание, на которое она реагирует» [1].

В христианской традиции, в своем послушании, Иов благодарит Бога за все страдания и муки, ему предназначенные. Эта благодарность звучит как просьба из первых уст получить оправдание своим страданиям, как желание осужденного к заключению переживать не придуманное кем-то для него одиночество. За этим скрывается тоска глухоты (власть слышит только себя) и отказ от оправдания своих страданий исходя лишь из идеи воздаяния (согрешил, всё-таки, где-то Иов). В персоналистском государстве глухота, как и слух, избирательны: они действуют как закон, они не одинаковы для всех и, как таковые, расцениваются мирянами в терминах «недонесения» или «доноса/недоноса» на других. Миряне царю не доносили, а докладывали, искажая или вымысливая правду, как правило. Соблюдая хронологию, но творя персональные мифы.

Не отсюда ли вырастает наблюдаемая потребность судить и доносить? Такая постановка вопроса противоречит логике, основанной на онтологической асимметрии, на абсолютной невозможности видеть мир со стороны, что равносильно позиции Бога. Невозможно в научной теории, в философской схеме, в религиозной практике, тем более в политических целях, обозначить конец жизни. Умозаключить себя и других в едином взоре и взгляде, в идеально-возвышенном и финальном образе, фундаментально сливаясь с ним, – вызов свободе. Тем самым идея бесконечности и существования множества миров (за нее на площади Цветов сожгли Джордано Бруно) предается забвению во имя очередной персонификации.

Литература

1. Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев : Next, 1994. – 384 с.
2. Бердяев Н. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – 480 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
4. Делез Ж. Логика смысла : пер. с фр. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.
6. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2010. – 416 с.
7. Пелевин В. О. Онтология детства // Желтая стрела : избр. произведения. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.
8. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. – М. : Наука, 1969. – 267 с.
9. Хайдеггер М. Время и Бытие. – М. : Республика, 1999. – 447 с.

Aleksandr Ivanovich Luchankin,

Doctor of Philosophy, Professor at the Humanities Chair,
the Academy of tourism and international relations (Ekaterinburg)

Evgeny Yur'yevich Bazarov,

Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Humanities Chair,
the Academy of tourism and international relations (Ekaterinburg)

Notes to the «Loneliness»

The article deals with the theme of «loneliness» associated with the theme of «the sublime» and «resilience» in the aspect of daily life. The authors examine the phenomenon of loneliness as a synthesis of two processes: assembling and becoming a viable concept character masks and projecting harmless ideals adherent to a person.

Key words: person-character; the idea of infinity; a conceptual character; metonymy; the inspired; vitality; social aspects of loneliness; social machines; typification; desire.

Феноменология эмоций в контексте хабитуальной структуры сознания

В данной работе акцент делается на выявлении и определении феноменологии эмоций. Автор стремится к определению различий разнообразных феноменов сознания, входящих в единую структуру, а также к выявлению особенностей эмоциональной интенциональности. Задачи, предлагаемые для решения, следующие. Во-первых, «оторвать» от феномена эмоций несвойственные ему предикаты, т. е. выявить сам феномен. Во-вторых, выявить необходимые связи между всеми феноменами сознания. И, в-третьих, наметить контур рассмотрения эмоциональной интенциональности в контексте хабитуальной структуры целостного сознания.

Ключевые слова: феноменология; феноменология эмоций; когнитивная феноменология; соматическая феноменология; конативная феноменология; интенциональность; эмоциональная интенциональность; когнитивная интенциональность; аффективность; хабитуальность.

1. Введение

В последнее время интерес к проблематике эмоций заметно возрастает. Эта тема интересует не только философов и феноменологов, но также психологов, психотерапевтов, ученых естественных наук (в частности, нейропсихологов, нейрофизиологов) и др. Проводятся междисциплинарные исследования, ведутся активные дискуссии на международных конференциях. Вопросы, которые интересуют ученых, касаются онтологии и феноменологии эмоций, рациональности эмоций, эпистемического и когнитивного измерения эмоций и их культурной специфики, а также конституирования эмоций [8, с. 507]. Поэтому, прежде чем начать наш анализ феноменологии эмоций в структуре сознания, необходимо отметить принципиальное различие в подходах к рассмотрению сознания в классической философии и неклассической.

Классический подход в рассмотрении сознания заключался в том, что, несмотря на выявление структуры сознания, акцент делался на какой-либо ее части, считающейся преимущественной и главной. В результате из виду упускались другие части сознания, как несущественные. Так, например, вся классическая метафизика отождествляла сознание с разумом, как единственным и главным элементом человеческой природы. Причем разум понимался в разных смыслах: либо как чисто рассудочная деятельность, либо как дух, который проявляет себя как в ценностной деятельности и рассудочной, так и в чувственной. Надо отметить, что эмоциям не уделялось должного внимания, так как они считались низшей частью души, проявляющей себя в виде страстей и требующей своего собственного самовозвышения.

С переходом к неклассической философии отношение к разуму меняется на негативно критическое и темой исследования становится все то, что обычно не являлось разумным, либо все то, что считалось неразумным. Возникает множество направлений в философии, таких как психоанализ, экзистенциализм, философия жизни, волюнтаризм и т. д. В результате оказывается, что это «неразумное» не так-то просто тематизировать и что традиционный рассудочный подход к ис-

* Татьяна Александровна Терентьева, аспирант кафедры онтологии и теории познания ИСПН УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: Ariadna_tatyana@mail.ru

следованию не в состоянии ухватить данные феномены. Поэтому возникает проблема методологии.

Кроме того, изначально не было единства в понимании предмета исследования. Поскольку традиционно человеческая душа понималась состоящей из двух частей – разума и чувств, то выходило, что все, что не является разумом, является чувством. И под понятие «чувство» стали подводить множество феноменов, имеющих различную природу. Так, например, в психологии долгое время считалось, что телесные ощущения и эмоциональные переживания суть одно и то же. Даже в языке не нашлось разных слов, чтобы отметить различную специфику данных феноменов. В философии аналогичным образом происходило смешение разных феноменов сознания. Чувством можно было называть и ощущение, и эмоцию, и даже ценностные переживания, как это было у М. Шелера [3, с. 383]. Поэтому, чтобы разобраться во всех этих феноменах, необходимо прежде всего признать, что мы имеем дело с абсолютно разными, но необходимыми структурными элементами сознания человека. Необходимым, на наш взгляд, является проведение феноменологического эйдетического исследования, на основании которого удастся различить природу многообразных феноменов сознания. Представляется, что в результате, кроме традиционных феноменов, как разум и рассудок, должны будут выявиться, как минимум, еще четыре тематических предмета – ощущения, эмоции, чувства и ценностные переживания.

Однако в данной работе хотелось бы остановиться, прежде всего, на теме эмоций. Задачи, которые предлагаются для решения, следующие: во-первых, используя апофатическую методологию, «оторвать» от данного феномена несвойственные ему предикаты, т. е. выявить сам феномен; во-вторых, выявить необходимые связи между всеми феноменами сознания; в-третьих, наметить контур рассмотрения эмоциональной интенциональности в контексте хабитуальной структуры целостного сознания.

В данной статье автор намерен развернуть мысль о том, что феноменология эмоций не является всего лишь соматической феноменологией, но является одним из важных компонентов общей интенциональной структуры сознания. Наряду с эмоциональными компонентами, в интенциональную феноменологию включаются когнитивные, конативные, соматические, а также аксиологические и волевые компоненты [11, с. 420–429]. Каждый такой компонент уместно рассматривать отдельно, но не следует забывать, что все эти компоненты взаимосвязаны и составляют общую структуру, которую можно назвать хабитуальной структурой сознания. Данная структура не есть нечто застывшее и универсальное и, несмотря на устойчивость, изменяется и имеет оригинальное содержание у всякого индивидуального сознания.

2. Выявление предмета феноменологии эмоций

Феноменология эмоций в качестве отдельной темы выделилась сравнительно недавно. Но, к сожалению, данная тема поначалу представляла собой ансамбль множества различных феноменов. Либо тему эмоций отождествляли с темой любви и ненависти, как у Ф. Brentano, либо эмоции приравнивались к ценностным переживаниям, как у М. Шелера, либо эмоции воспринимались как крах разума в стрессовой ситуации, с которой разум не справляется и отдает бразды правления эмоциональному плану, как у Ж.-П. Сартра.

Рассмотрим более подробно данные позиции. По мнению Ф. Brentano, мышление, удовольствие, эмоции, желания, зрение, слух и т. д. относятся к явлениям внутреннего восприятия. Испытывая эмоцию, согласно Ф. Brentano, мы воспринимаем, и воспринимаем эмоционально. Однако в основе всех восприятий должны находиться представления, ибо, по мнению Ф. Brentano, без представлений мы не можем ни судить, ни чувствовать. Представления мы можем назвать базо-

вой картиной мира индивида, опираясь на которую он может выносить суждения, выстраивая свое поведение, и может чувствовать [1, с. 77–91]¹. Здесь чувство неразрывно связано с представлением. Изменение представления приводит к изменению чувства. Допустим, мы считали господина Н. своим другом и радовались этому, но он нас обманул, и изменение представления о нем привело нас к разочарованию. Здесь мы можем обнаружить когнитивный аспект эмоций (и в этом заслуга Ф. Brentano), который в психологии того времени не учитывался. Однако Ф. Brentano все-таки не дошел до действительного выявления сферы эмоций. У Ф. Brentano в сфере эмоций присутствуют только любовь и ненависть, которые, по сути, являются сложно конституированными феноменами, и эмоциональная сфера занимает в них некоторую часть наряду с другими, несколько не умаляемыми частями, как то: представления, убеждения, ценностные переживания, принципы и т. д. Поэтому любовь и ненависть неверно называть эмоциями, как то же, что сводить целое к части.

Обратимся теперь к теории эмоций Ж.-П. Сартра [12, с. 32–91]. У Ж.-П. Сартра наблюдается одна интересная особенность. Больше всего внимания он обращает на отрицательные эмоции, а именно ужас, страх, гнев, печаль. Если говорить о природе данных эмоций, то они хотя и включаются в структуру сознания, т. е. осознаются, но генетически пребывают в себе как сознание мира. Здесь Ж.-П. Сартр затрагивает важный аспект нашей связи с миром и ставит вопрос онтологического статуса эмоций. Либо эмоции есть чистое порождение нашего сознания и они полностью субъективны, либо эмоции являются «приходом» из мира, значит, они объективны, и мир говорит с нами через эмоции.

По Ж.-П. Сартру, человек может находиться в двух состояниях сознания – либо в состоянии рационального сознания, воспринимающего мир детерминистически, либо в состоянии эмоционального сознания, воспринимающего мир магически. Как раз эмоциональное сознание, по Ж.-П. Сартру, и является сознанием мира. Непосредственной связи между этими сознаниями нет, это своего рода скачок. Причем скачок происходит в том случае, если наши цели и желания наталкиваются на какие-либо препятствия и их невозможно удовлетворить. Тогда человек, по Ж.-П. Сартру, отказывается от рационального сознания и погружается в эмоцию, которая преображает мир магическим путем².

¹ «Von diesem Gerichtetsein auf ein Objekt können wir nun drei Grundklassen unterscheiden, 1. Vorstellen, 2. Urteilen, 3. Lieben oder Hassen. Das Vorstellen ist die erste Klasse; sie ist die allgemeinste. Wir können nichts urteilend anerkennen oder verwerfen und nichts lieben oder hassen, ohne es vorzustellen. Minderen Anhalt haben wir für die Entscheidung der Frage, ob die Klasse des Urteils, oder die von Liebe und Hassen der Ordnung nach voranzustellen sei. Wir können etwas lieben, etwas wünschen, ohne darüber ein Wissen oder auch nur eine Meinung zu haben, ob es sei oder nicht sei. Wir können aber auch etwas anerkennen, ohne es zu lieben oder zu hassen, zu begehren oder zu verabscheuen». («Мы можем выделить три основных класса направленности на объект: 1. Представления. 2. Суждения. 3. Любовь и ненависть. Представления – это первый класс; он наиболее универсален. Мы не можем ничего принять или отбросить в суждении, не можем ничего любить или ненавидеть, не представляя себе этого. Но мы не можем с той же уверенностью отвести второе место в этой иерархии классу суждений или же классу любви и ненависти. Мы можем любить нечто, желать нечто, не зная или даже не предполагая, существует ли оно или нет. Но мы можем также признавать нечто, не любя или ненавидя его, не стремясь к нему или стремясь прочь от него») [13, с. 2].

² «We can now conceive what an emotions is. It is a transformation of the world. When the paths before us become too difficult, or when we cannot see our way, we can no longer put up with such an exacting and difficult world. All ways are barred and nevertheless we must act. So then we try to change the world; that is, to live it as though the relations between things and their potentialities were not governed by deterministic processes but by magic. But, be it well understood, this is no playful matter: we are cornered and we fling ourselves into this new attitude with all the force at our command. Note also that our effort is not conscious of what it is, for then it would be the object of a reflection. It is above all the seizure of new relationships and new demands. To put it simply, since the seizure of one object is impossi-

Возникает ряд вопросов. Почему рациональное сознание сугубо индивидуально и субъективно, а эмоциональное сознание является так называемым сознанием мира? Выходит, что в структуре сознания субъекта нет места для эмоций? Без сомнения, большинство эмоций уже находится в структуре сознания, даже неосознаваемые эмоции, и делает это сознание качественно содержательным. Поэтому и проявляется некая эмоция, например такая, как гнев, которая является реакцией на определенные события, потому что существует связь в нашем сознании между произошедшими событиями, оценкой данных событий, желанием индивида и эмоцией.

Что касается магического преобразования мира с помощью эмоций (причем негативных), то данная концепция представляется наивной и несостоятельной. Если взять традиционное в философии толкование магии, то оно, прежде всего, отождествлялось со знанием скрытых сил природы и умением ими управлять. Не случайно Пико делла Мирандола называл себя естественным магом, а за И. Ньютоном также сохранилось имя мага, поскольку он открыл таинственные силы тяготения, хотя и не смог их объяснить. Надо сказать, что как в эпоху Возрождения, так и в Новое время многих ученых называли магами, поскольку они знали то, что недоступно большинству. У Ж.-П. Сартра же магическое ассоциируется с ужасным, с хаосом, что выдает его беспомощность и незнание.

Рассматривая феноменологическую аксиологию М. Шелера [4, с. 341–369], можно сказать, что только у него эмоции занимают центральное место. Эмоциям он отводит ведущую роль в существовании человека, сравнивая вслед за А. Августином и Б. Паскалем «*Ordre du coeur*» (порядок сердца) и *Ordo Amoris* (порядок любви) с порядком ума или разума.

Говоря об эмоциональном априори, на первый план М. Шелер выдвигает ценности любви и ненависти, как и Ф. Brentano.

Далее эмоции у М. Шелера предстают в сложной богатой иерархии, где мы можем выделить ощущения, телесные состояния, непосредственно эмоции и духовные чувства. И, конечно же, говоря об эмоциональности духа, М. Шелер делает акцент на «высших эмоциях», т. е. духовных чувствах.

На наш взгляд, М. Шелер совершает общую ошибку, подводя под понятие эмоций целый ансамбль различных феноменов человеческого сознания. Безусловно, все эти феномены тесно связаны друг с другом и влияют одно на другое, но сводить все к одному было бы грубой ошибкой.

В результате оказывается, что предмет феноменологии эмоций так и не был четко определен. Под понятием эмоций чаще всего фигурировали другие феномены, которые подменяли собой непосредственную сферу эмоций.

Если говорить о психологическом подходе в данной области, то долгое время господствовала позиция, которая объясняла природу эмоций, исходя из ощущений. Либо эмоции оказывались отголоском, тенью ощущений, как у В. Джеймса,

ble, or sets up an unbearable tension, the consciousness seizes or tries to seize it otherwise; that is, tries to transform itself in order to transform the object» [12, с. 63].

«Теперь мы можем понять, что такое эмоция. Это превращение мира. Когда намеченные пути становятся слишком трудными или когда мы не видим пути, мы не можем больше оставаться в этом мире, столь требовательном и трудном. Все пути перекрыты, однако нужно действовать. Тогда мы пытаемся изменить мир, т. е. пережить его, как если бы отношения вещей к их потенциальным свойствам регулировались не детерминистскими процессами, а магией. Нужно понять, что речь идет не об игре: мы здесь загнаны в тупик, и мы бросаемся в это новое отношение со всей силой, которой мы располагаем. Нужно понять также, что эта попытка, как таковая, не является сознательной, потому что тогда она была бы объектом размышления. Она есть, прежде всего, принятие новых отношений и новых требований. Просто поскольку принятие объекта невозможно или оно вызывает невыносимое напряжение, сознание принимает его или пытается принять иначе, т. е. оно преобразует себя именно для того, чтобы преобразовать объект».

либо полностью отождествлялись с ощущениями, как у Г. Ланге. Данная теория получила название «периферической» теории эмоций Джеймса–Ланге.

В. Джеймс весьма своеобразно поменял местами эмоции и телесные ощущения, сведя эмоциональные переживания к инстинктивным реакциям. Он говорит: «Мы плачем не потому, что мы опечалены, но, наоборот, мы опечалены, потому что плачем; мы бьем другого не потому, что приведены в ярость, но мы приведены в ярость, потому что бьем другого; мы дрожим не потому, что боимся, но, напротив, мы боимся, потому что дрожим» [14, с. 275]. В данном случае сознание у В. Джеймса играет обычную функцию адаптивного механизма.

Подводя итог, можно сказать, что дифференциация феноменов происходила медленно и слабо. Поэтому наблюдались смешение и подмена понятий.

3. Эмоциональная интенциональность как разновидность когнитивной интенциональности

Для того чтобы выявить феномен эмоций, необходимо раскрыть качественное своеобразие эмоциональной интенциональности. Но сложность раскрытия заключается в том, что различные виды интенциональностей необходимым образом связаны между собой, что и приводило ранее к смешению. Поэтому далее будут решаться одновременно две задачи: выявить своеобразие феномена эмоций и обнаружить необходимые связи между всеми феноменами сознания.

Для того чтобы различить соматическую и эмоциональную феноменологии, необходимо отметить интенциональность, присущую эмоциям, но отсутствующую у телесных ощущений. На это, в частности, указывает У. Кригель [11, с. 423–427].

Он утверждает, что эмоции не просто обладают интенциональностью, но данная интенциональность есть разновидность познавательной, или когнитивной, интенциональности. И действительно, в раннем возрасте, когда мыслительные конструкции находятся еще в стадии становления, окружающий мир активно познается эмоционально, создается «копилка опыта», еще не осознаваемая, но уже присутствующая в сознании как конструкция (или как варианты возможных сценариев поведения). В дальнейшем все эмоции, когда-либо испытанные человеком, начинают «распаковываться», т. е. осознаваться. Когнитивная интенциональность становится основной, используя уже накопленный материал эмоциональной сферы. Бывают и другие варианты. Отказывая эмоциональной интенциональности в праве быть, когнитивная интенциональность перечеркивает опыт эмоций. Это приводит к тому, что общая гармоничная структура не создается, но в душе оказывается много неосознаваемых эмоций, которые включаются стихийно и бесконтрольно. К таким эмоциям относятся, как правило, негативные эмоции, которые были пережиты в раннем возрасте и в дальнейшем были благополучно забыты. Созданная ими структура поведения разумом не осознается или игнорируется. К таким эмоциям мы можем отнести страх.

Однако чаще всего большинство эмоций благополучно встраивается в общую структуру сознания, и всякая эмоция оказывается привязанной не только к определенной группе опыта, но и к суждению об этом опыте.

Те же эмоции, которые оказались непринятыми, начинают выполнять «подрывную» деятельность. Либо они становятся катализаторами изменения установившейся структуры, либо они играют своеобразную роль триггера – переключателя из одного состояния сознания в другое.

Большое количество примеров мы можем почерпнуть в психиатрической феноменологии, но не потому, что подобные случаи наблюдаются только у душевно больных, а потому, что именно на примере таких лиц наиболее подробно изучались данные механизмы. На обычного человека вряд ли мы будем обращать пристальное внимание, если только он сам об этом не попросит. Например, в учебни-

ке К. Ясперса по психопатологии [5, с. 145–153] мы обнаруживаем великолепное описание своего состояния одной из бывших пациенток, больной шизофренией. Она описывала переизбыток эмоций, радость, и в то же время это возбуждение оценивалось как период полного распада. По всей видимости, речь идет о существовании нескольких закапсулированных структур, которые периодически переключались одно на другое. Этот пример воспроизводит Г. Эллиенбергер в статье «Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ».

«Во время периода возбуждения я не была настроена на неистовство, да даже никакого конкретного настроения и не было, – только чисто животное наслаждение от собственного движения. Это не похоже на дикое возбуждение того, кто собирается на кого-то наброситься. Вовсе нет! Это совершенно невинное чувство. Однако импульс бывал таким сильным, что я не могла удержаться и начинала прыгать. Я могла бы сравнить себя с диким кабаном или лошастью... Появлялись такая радость, переизбыток эмоций, удовольствие от жизни, которые я никогда не испытывала с подобной силой. Если говорить о памяти, то она была в порядке, хотя обычно я не помнила начало приступов возбуждения. Внешний стимул, например холодный пол, могли вернуть меня в сознание. Ты ориентируешься, все видишь, но не обращаешь на это внимания и никак не сдерживаешь свое возбуждение. Прежде всего, ты не обращаешь внимания на людей, хотя ты их видишь и слышишь. С одной стороны, ты боишься, как бы не упасть... Когда тебя останавливают или кладут в постель, ты удивляешься внезапности перемены, ты чувствуешь себя обиженной и начинаешь защищаться. Двигательный выплеск, вместо прыжков, принимает форму ударов, но это не признак раздражения. Нет никакой концентрации ума. Иногда, в моменты просветления, ты это замечаешь. Но не всегда! Но потом ты замечаешь, что не можешь построить предложение... Мне кажется, что это период полного распада... У меня никогда не было чувства смущения или собственной неполноценности. Я никогда не считала, что во мне что-то не так, хаос был вне меня. Я никогда не тревожилась. Я помню, как в ванной строила в зеркало разные гримасы, дурачилась... А еще помню, как иногда по вечерам произносила длинные речи, но не помню, о чем говорила: все ушло из моей памяти... все мысли смешались, они такие бледные, нечеткие, нет ничего ясного...» [6, с. 112].

Исходя из представленного материала, можно утверждать, что эмоциональная интенциональность является особой разновидностью познавательной интенциональности, и, не учитывая этого, мы отказываемся от больших пластов опыта, не извлеченных из памяти. Кроме того, эмоции выполняют роль катализатора и триггера по включению и переключению определенных пластов реальности. Но, с другой стороны, без корректировки когнитивной интенциональности эмоциональная интенциональность часто проявляется в мире неадекватно. Поэтому огромная роль когнитивного плана состоит в том, чтобы скорректировать опыт, неработанный эмоциями.

Следующий момент, на который следует обратить внимание, – это связь эмоциональной и конативной интенциональностей. Под конативностью в данном случае мы будем понимать акт наделения смыслом, акт означивания, а также акт волеизъявления. Наблюдаются следующие закономерности. Неверно понимать, что означивающие акты связаны только с доксическими, или когнитивными, актами. Поскольку эмоциональная интенциональность также имеет познавательное качество, то она может непосредственно смыкаться с конативными актами, минуя когнитивную сферу. Здесь мы можем встретиться с типом фанатика, одержимого какой-либо идеей политического, религиозного или другого характера. Структура сознания данного субъекта оказывается довольно упрощенной. Такая структура

имеет в своей основе универсальные биполярные пары: сильный/слабый, люблю/ненавижу, друг/враг. Здесь на память приходит мысль М. Шелера об априорности ценностной структуры. На наш взгляд, М. Шелер ухватил исключительно важный момент существования некоей априорной структуры, которая связана с ценностным планом и проявляется через чувствование. Однако думается, что М. Шелер заблуждался в том пункте, где сводил переживание ценностей только к эмоциональному чувствованию. Ценностный план преломляется в индивидуальном сознании через наличие убеждений, идеалов, веры и т. д. Это и есть конативная интенциональность, но которая необходимо связана с эмоциональной интенциональностью.

Далее следует выделить аффективную интенциональность, к анализу которой обращается Э. Гуссерль в «Анализах пассивного синтеза» в период генетической феноменологии [9, с. 148–191]. Аффективность не есть наличие аффектов, и это не является эмоцией. Аффективность мы можем обозначить как силу, удерживающую и сохраняющую смыслы. Что касается репродукции-воспроизведения прошлого, то смыслы не всегда оборачиваются в пустую форму, но часто выходят из прошлого, вклиниваясь в настоящее. Это говорит об условности прошлого, которое продолжает существовать в акте повторения и воспроизводит когда-то сконструированные смыслы [2, с. 133–137]. Данная аффективность может быть связана с разнонаправленными когда-то смыслами, что привело их в свое время к конфликту и вытеснению. Либо же можно предположить, что человеческое сознание имеет множество конструкций, паттернов, или габитусов. Какой из них активизируется, будет зависеть от того, какой смысл оказывается наиболее значимым? Не случайно, делая акцент на какой-либо значимой ценности, политики и СМИ включают в общественном сознании соответствующую конструкцию поведения.

И, конечно, не следует забывать о необходимой связи эмоциональной интенциональности и соматических ощущений. Любая базовая эмоция оказывается привязанной к телу. Когда нами овладевает страх, мы начинаем дрожать, волосы встают дыбом, зубы стучат. Когда мы радуемся, то глаза начинают светиться, мы улыбаемся, смеемся.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что все представленные здесь феномены с необходимостью связаны между собой и образуют единую структуру. Конечно, каждый феномен уникален и обладает своей спецификой, и их следует тематизировать предметно. Что касается эмоциональной интенциональности, то она является разновидностью познавательной интенциональности и впоследствии отдает приоритет когнитивной интенциональности. Сама же эмоциональная интенциональность оказывается «фоном», на котором разворачивается и выстраивается хабитуальная структура сознания. Вследствие этого феномен эмоций тематизировать отдельно непросто. Обычно в рассмотрении останавливаются на тех эмоциях, которые по каким-либо причинам не вписались в общую структуру. Однако наличие эмоций уже предполагает некую структуру, даже если она и не входит в общую хабитуальную структуру или, по меньшей мере, не осознается внутри этой структуры. Здесь следует говорить об усложняющихся связях как внутри самой структуры сознания, так и за ее пределами. Например, можно предположить, что манипулирование сознанием имеет в основе какую-либо эмоцию, внедряемую в сознание, но внедрение происходит лишь в том случае, если данная эмоция когда-то уже была испытана, т. е. знакома сознанию.

Также мы можем отдельно говорить о соматической, эмоциональной, аффективной, когнитивной и конативной феноменологиях [11, с. 429].

На основании рассмотренного можно говорить о выявленном своеобразии эмоциональной интенциональности, а также о необходимых связях между всеми

феноменами сознания. Безусловно, данная тема имеет множество граней и требует более тщательного анализа, поэтому здесь мы прорисовываем только контур рассмотрения.

4. Эмоциональная интенциональность в структуре хабитуальности

Следующий аспект, который хотелось бы обозначить, заключается в прояснении места, которое эмоциональная интенциональность занимает в контексте хабитуальной структуры целостного сознания.

Под хабитуальностью сознания будем понимать стремление эго воспроизводить свои прежде встречавшиеся акты. Почему подобный феномен имеет место – тема достаточно сложная. В данной статье мы отметим лишь ряд моментов. Во-первых, всякий интенциональный акт не только имеет направленность на что-то, но также имеет свою нозму. И он стремится возвратиться к той же самой нозме. Другими словами, в бесконечном потоке сознания, несмотря на ретенциональное затухание, протенциональные позывы пробуждают ушедший в прошлое акт и возвращают его к той же самой нозме [2, с. 135–136]. На примере эмоциональной интенциональности мы наблюдаем постоянный возврат к тем эмоциям, которые долгое время были преобладающими в нашей жизни. Долгое время, находясь в угнетенном состоянии, мы привыкаем к нему и ожидаем, что все будущие события также окрасятся в печальный цвет. Однако здесь происходит различие. Безусловно, в нашей памяти хранится множество эмоций, но ожидаем и актуализируем мы не все, а лишь те, которые соответствуют нашим убеждениям и суждениям. Здесь мы опять наблюдаем необходимую связь между когнитивным, ценностным и эмоциональным планами. Поэтому можно сказать, что хабитуальность не есть всеохватывающее воспоминание, но лишь то, на чем мы активно настаиваем. Если многие эмоции конституируются через пассивное синтезирование, то в хабитусе сознания они сохраняются активно. Это пример функционирования нормального сознания. Если же активное синтезирование и волевая интенциональность по каким-либо причинам повреждены, то в хабитуальной структуре оказывается множество эмоций и аффектов, не обеспеченных необходимой связью доксической и ценностной интенциональностей.

Во-вторых, нормальная активность хабитуального сознания обусловлена деятельностью протенциональной интенциональности, т. е., другими словами, направленностью в будущее. Если же по каким-либо причинам функционирование внутренней темпоральности оказалось нарушено, то субъект может либо полностью погружаться в прошлое, либо фиксироваться в моменте настоящего. Второй пример имеет место при шизофрении. Идентичность личности теряется, либо одно эго конституирует в себе множество хабитусов, в которые попеременно перепрыгивает.

В-третьих, необходим момент пространственной корреляции эго и окружающего мира. Об этом пункте Э. Гуссерль говорил еще тогда, когда рассматривал Я как полюс *cogitationes* и противопоставлял ему предметный полюс как субстрат постоянных признаков [10, с. 100]. Здесь прослеживается сходство в конституировании хабитуальной структуры Я и предметности окружающего мира, который сохраняет в себе устойчивые признаки, и благодаря этой устойчивости мы можем воспринимать один и тот же предмет. При нарушении данной корреляции устойчивая связь с миром теряется, и думается, что тогда признаками реальности окружающего мира будут наделять такие акты сознания, которые, по сути, не являются объективирующими, а именно, не только восприятие, но и фантазию, память, сновидение, без различия между этими актами.

В-четвертых, поскольку всякое интенциональное переживание погружается в сферу бесконечности опыта, то нормальная хабитуальная структура не есть нечто застывшее, а представляет собой промежуточную точку, предполагающую воз-

можную корректировку в будущем. Здесь имеется в виду горизонт хабитуса как потенциальность движения нашего сознания во времени и в пространстве. Поэтому структура повторения незримо смещается, изменяется. А персональное эго оказывается постоянно становящимся в горизонте бесконечных возможностей [7, с. 290–299].

Итак, можно сделать вывод, что эмоциональная интенциональность представляет собой первичную структуру, дающую «материал» для активно конституируемой, или хабитуальной, структуры сознания. Также представляется важным необходимым включение как можно большего эмоционального содержания в структуру хабитуса. Несмотря на то что суть хабитуальной структуры заключается в устойчивости и повторении как структуры Я, так и предметности окружающего мира, жесткость такой конструкции приводит к искажению, как в содержательном плане, так и в темпорально-пространственном. И катализатором искажений в первую очередь выступает эмоциональная интенциональность.

В заключение хотелось бы отметить, что задачи, предлагаемые для рассмотрения, требуют более глубокого анализа, что в рамках статьи сделать невозможно. Цель, заданная автором, заключалась в том, чтобы, для начала, обозначить и выявить круг проблем, требующих дальнейших исследований.

Литература

1. Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения : избранные работы. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1996. – 176 с.
2. Козырева А. Интенсивность аффективной силы между воспоминанием и повторением в феноменологии Э. Гуссерля // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 131–138.
3. Чухина Л. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера. Послесловие // Шелер М. Избранные произведения. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.
4. Шелер М. *Ordo Amoris* : избранные произведения. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.
5. Ясперс К. Общая психопатология. – М. : Практика, 1997. – 1056 с.
6. Элленбергер Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэя. – М. : Апрель Пресс & Эксмо-Пресс, 2001. – 171 с.
7. Bergmann W. Habitualität als Potentialität: Zur Konkretisierung des Ich bei Husserl // *Husserl Studies*. – 1984. – № 1. – P. 281–305.
8. Elpidorou A., Freeman L. The Phenomenology and Science of Emotions: An Introduction // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2014. – № 13. – P. 507–511.
9. Husserl E. *Analysen zur passiven Synthesis: Husserliana. Band XI*. – Den Haag : M. Nijhoff, 1966. – 533 с.
10. Husserl E. *Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge: Husserliana. Band I*. – Den Haag : M. Nijhoff, 1973. – 249 с.
11. Kriegel U. Towards a New Feeling Theory of Emotion // *European Journal of Philosophy*. – 2014. – № 22.3. – P. 420–442.
12. Sartre J.-P. *Sketch for a Theory of the Emotions*. – Methuen & CO LTD, 1962. – 94 с.
13. Brentano Ф. О любви и ненависти [Электронный ресурс]. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000727/> (дата обращения: 05.12.2016).
14. Джеймс В. Психология [Электронный ресурс]. – URL: <http://psylib.org.ua/books/james02/index.htm> (дата обращения: 05.12.2016).

Tatyana Aleksandrovna Terentyeva,

Postgraduate Student, Ural Federal University named
after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**The Phenomenology of Emotions in the Context
of the Habitual Structure of Consciousness**

This paper concentrates on identifying and defining phenomenology of emotions. The author strives to distinguish a variety of consciousness phenomena which are included in the unified structure of consciousness, and to identify characteristics of emotional intentionality. The problems proposed for solution are the following: firstly, there is an attempt to separate the phenomenon of emotions from its uncharacteristic predicates, i. e. to identify the phenomenon itself. Secondly, the aim is to identify the necessary connections between all the phenomena of consciousness. Thirdly, the article outlines the emotional intentionality in the context of habitual structure of the consciousness as a whole.

Key words: phenomenology; phenomenology of emotions; cognitive phenomenology; somatic phenomenology; conative phenomenology; intentionality; emotional intentionality; cognitive intentionality; affectivity; habituality.

Феминизм и постструктурализм о женском теле и женском письме

Феминистская теория в поисках реального женского «я», «зарытого» в теле, должна была вычленивать ту дистанцию, которая существует между институционализированным определением «что есть женщина» и действительным опытом переживания женщиной своей жизни. Методологическим основанием для такого вычленения стала философия постструктурализма, благодаря которой «женское письмо» было означено местом возможной разидентификации женщины с институциональным конструктом.

Ключевые слова: феминизм; женское тело; женское письмо; постструктурализм; субъект; власть; деконструкция.

Почему вы не пишете? Пишите себя!

Хелен Сиксу

Тема женского тела – одна из самых «больных» в феминистских исследованиях [1]. Бывшее всегда, казалось бы, источником восхищения и предметом вдохновения людей искусства, оно всегда оказывалось и изначальной основой дискриминации женщин. Так, в частности, Дж. Купферман в книге с выразительным названием «Тело по ошибке» убедительно доказала, что в мифологии, теологии, языке всегда утверждались две противоположные идеи: с одной стороны, женское тело как нечто «нечистое», «кровоточащее», «испорченное», «развращенное», «опасное для мужчины» как «ворота дьявола»; с другой – как мать, женщина всегда провозглашалась «святой», «чистой», «асексуальной». И это неудивительно: физиологическая основа материнства – то же самое тело, «нечистое» и «опасное», но в нем, казалось бы, окончательная судьба и оправдание женской жизни. Исследовательница подчеркнула, что такое «андроцентристское» отношение к телу женщины ведет к абсолютному отрицанию «телесной природы женского мировосприятия», которое оказалось просто вытесненным из культуры [10].

В известном смысле размышления Дж. Купферман были продолжены и развиты выдающейся феминисткой, американским философом Андриа Рич. Ее книга «Рожденный женщиной» [14] стала гимном женскому телу, но, в противоположность аналогичным «мужским гимнам» (кстати, весьма многочисленным), гимном не физическим, а духовным возможностям и устремлениям. Как наиболее характерную особенность женского мировосприятия А. Рич выделила способность женщины «мыслить через тело». Эта способность, по мнению исследовательницы, вырастает из своеобразия психобиологической структуры женщины: «...высокого уровня развития тактильного восприятия, дара пристального наблюдения, стойкости к перенесению боли, многомерного вживания в телесность... связи и резонанса ее физиологии с природным порядком» [Там же, с. 283]. Однако культура, ориентированная на мужские приоритеты в способах мировосприятия, полагала А. Рич, «разлучила нас с самими собой», поэтому «нам всегда было свойственно два пути: либо становиться нашими телами – слепо подчиняясь мужским теориям о нас, либо стараться существовать вопреки им (телам. – Г. Б.)». Поэтому оказалось, что «женская физическая организация есть источник многого непроясненного и, вообще, в известном смысле некасаемого». Автор убеждена,

* **Галина Андреевна Брандт**, д-р филос. наук, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

что есть пути и способы мысли, о которых мы еще не знаем, причем не знаем именно потому, что не осознаем духовных возможностей своей биологии, «чуда и парадокса» женского тела. «Я пришла к убеждению, что женская биология – это диффузность, интенсивная чувствительность, излучаемая клитором, идущая от груди, матки, вагины; менструальный цикл, осуществление жизни, которое может иметь место в женском теле – имеет гораздо более радикальные последствия, чем мы могли подозревать до сих пор. Патриархатная жизнь лимитировала женскую биологию до своих собственных нужд. Я убеждена, что переосмысление этих воззрений приведет к взгляду на нашу биологию скорее как на источник, а не как на судьбу» [14, с. 39].

Волнующие заявления убежденных феминисток не могли не поставить вопроса об определении предметного содержания описываемой ими способности «мыслить через тело». Каждая новая аналитическая работа пыталась вывести данный процесс на новый теоретико-философский уровень.

Но это оказалось совсем не просто. Феминистская теория неожиданно столкнулась – что называется, «нос к носу» – с фундаментальным противоречием своего существования. Задача обнаружить и выразить глубинные особенности женской аутентичности вошла в противоречие с запретом на любые «иные» способы понимания и выражения, между тем как предмет поисков и составил это «иное». Другими словами, операциональная система, язык теории оказывался недействительным за пределами того, что называлось и считалось «общезначимым» – традиционным предметом теоретического познания. Возникал парадокс: феминистские теоретики, уверенно используя общий, устоявшийся философский категориальный аппарат, исследовали свой предмет, но он как-то незаметно ускользал, становясь из «иноного» – «общезначимым», из специфически женского – в то, что под женским традиционно понималось в культуре. Поэтому многие исследователи не могли испытывать удовлетворение от того, что, при всех найденных ими новых акцентах и оценках, они продолжали оставаться в рамках понимания женщины как особого существа. Причем «особость» эта определялась большей – чем у мужчин – эмоциональностью, большей силой интуиции, целостностью, тесной связью с природным и ситуативно-социальным контекстом.

Выведение отмеченных качеств за рамки «отдельного», «половых особенностей», специфики «чисто женского» (и потому не заслуживающего серьезного отношения) в открытой социокультурный контекст оказалось чревато переосмыслением многих сфер человеческой деятельности, ее ценностных ориентаций – ведь не случайно сегодня говорят о «новой этике», «новой (учитывающей статус женщины) экологии», о женском типе бизнесмена и политика, ученого и философа [8; 12; 13; 15]. Вполне понятно, что философская мысль, наметившая возможность существования некоего глубинного опыта, так сказать «зарытого» в теле и выражаемого только самой женщиной, не могла не отправиться в поиски в данном направлении.

Первым шагом оказалось активное использование феноменологического метода. В частности, одним из самых популярных предметов феминистского рассмотрения стали женские мемуары и автобиографии, дневники и письма, всевозможные женские рассказы (устные и письменные) о тех или иных состояниях и сопровождавших их переживаниях разных событий: замужества и беременности, менструации и родов, воспитания (своего и детей), влюбленности, успехов и неудач в профессиональной деятельности [6].

Одновременно с этим начались поиски новых технологий поисков или «раскапывания» в текстах женской аутентичности, которая – с точки зрения феминистов – всегда исходит от импульсов тела и не является отражением «голоса» действующей культуры. Ведь никто не оспорит того факта, что представления (вы-

раженные в книгах, фильмах, массмедиа и т. п.) о чувствах и ощущениях, которые *должна* с точки зрения культуры испытывать в те или иные жизненные моменты женщина, часто (и даже как правило) в процессе их трансляции вытесняют ее собственные, подлинные, настоящие чувства и переживания... Феминистская теория в поисках реального женского «я» оказалась призванной вычленивать ту дистанцию, которая существует между институционализированным определением женской природы и действительным опытом переживания женщиной своей жизни. Но сделать это без нового (и «иногo»!) методологического основания было бы нелепо. И такое основание было найдено: на помощь феминисткам пришли философы, стоящие на позициях постструктурализма.

Дело в том, что теоретики этого направления сумели перевести разговор о человеческом бытии на принципиально иной уровень, показав, что система философских категорий типа «человек», «общество», «природа» – это не более чем некая «сетка» с такими крупными «ячейками», что бытие реального, конкретного, подчас незаметного в своей повседневности индивида ими не схватывается, а ускользает, буквально «просачивается» мимо. Один из основоположников постструктурализма М. Фуко говорил даже о «смерти субъекта», т. е. об исчезновении или растворении человека, который может быть помыслен в универсальной форме субъекта, определяющего основания, дающего смыслы, отправляющего (и, кстати сказать, олицетворяющего) власть.

В философии нового направления места субъекту вообще не оказалось. Если о нем кто и говорит, то лишь как о «сделанном субъекте» – т. е. некоей «точке приложения» различных технологий и нормативных дисциплин. Таким образом меняется масштаб рассмотрения. Он переходит на микроуровень, на котором значимыми оказываются понятия типа «язык» с его дискурсивными практиками, «власть», «желание» и т. п.

В том же ряду оказалось и понятие «тело». Одним из своих духовных отцов теоретики постструктурализма «засчитали» Ф. Ницше, телесно-дионисийский пафос философии которого хорошо известен. Однако в рамках нового подхода понятие «тело» стало наполняться другим, куда более широким содержанием. Оно все реже стало ассоциироваться со своим биологическим носителем. Оно стало пониматься прежде всего как особое поле формирования такого фундаментального механизма человеческого поведения, как желание. Ведь благодаря достижениям психоанализа стало очевидно, что желание, не ставшее осознанным или вытесненным из сознания, никогда не исчезает бесследно, оно, как мы теперь знаем, всегда маркируется на теле, и не что иное, как телесность, оказывается тем реальным полем, которое, в известном смысле, «обрамляет» бессознательное.

«Тело и власть» – основная тема постструктурализма, и первым, кто обозначил ее отчетливо, был М. Фуко. В отличие от классической философии, где объектом манипулирования всегда оказывалось сознание, Фуко рассмотрел технологии воздействия власти на тело. И в результате его аналитических штудий оказалось, что фундаментом борьбы за доминирование различных властных структур является то, что находится ниже порога сознания, – тело. Указанный «уровень видения» показал, что индивид не просто контролируется властью, а даже перестает принадлежать себе. Его «я» через внушенные желания оказывается определенными теми проекциями, которые формируются властью на уровне тела. То есть человек начинает желать того, что «нужно», и человеческий статус субъекта в его классическом варианте подменяется статусом «объекта знания и подчинения».

Как происходит подобная подмена? Каковы ее технологии?

Фуко показал, что ими оказываются практики речевого поведения, которые он назвал дискурсами. Дискурсивный анализ стал главным исследовательским инструментом Фуко, благодаря чему он и сделал тайное явным, что было невозможно

сделать прежними традиционными методами. Благодаря работам Фуко (а он, в частности, исследовал и социальное конструирование таких явлений, как *безумие* и *сексуальность*) и обнаружилось сложное и объемное воздействие на человека пресловутых речевых практик [4]. Стало очевидным, что в них заложены неявные ценностные проекции и люди в этих практиках оказываются в поле воздействия культурных оценок и предпочтений. Языковед Р. Лакофф так сформулировала итог подобной работы: «Язык, – писала она, – в такой же степени использует нас, в какой мы используем его» [11, с. 3].

На открытиях Фуко возник новый универсальный метод познания – деконструкция. В самом общем виде деконструкция – это метод поиска отмеченных выше неявных ценностных ориентиров, т. е. неких «силовых линий», пронизывающих социокультурную систему. Впервые этот термин употребил Ж.-Ж. Деррида, ставший впоследствии лидером деконструктивизма. В книге «О грамматологии» он обосновал деконструктивную стратегию как «расчленение (деструкцию) и дальнейшую – на новой основе – реконструкцию текста». Через анализ текстовых элементов, речевых оборотов, писал этот неординарный французский мыслитель, обнажается то «бессознательное», что невозможно «схватить» традиционально-логическим путем. Деконструктивизм находится на границе трех теоретических дисциплин: лингвистики, философии и психоанализа, из которого используются идеи Фрейда об особенностях функционирования бессознательного в культуре (приведем, к примеру, его известный закон психической экономии, получивший название «замещение»). Междисциплинарность выявляет микроуровневый, «телесный» механизм действия власти, механику деконструирования субъекта и подмены его «другим».

Деконструкция, переведя исследование с феноменологического уровня на теоретико-аналитический, стала одним из ведущих методов феминистской критики, которая исследовала процесс «изгнания» женщины из собственного тела. Тело женщины потому и стало, можно сказать, «местом встречи» философий двух рассматриваемых направлений, что оно оказалось одним из самых устойчивых символов власти. З. Фрейд в свое время доказал, что репрезентация власти, ее под-сознательная мифология, тесно связана с женщиной и образ женского тела непосредственно связан с «принципом удовольствия». Удовольствие же, в свою очередь, и власть, считал он, не упраздняют друг друга, а следуют друг за дружкой, чередуются и усиливают друг друга. «Они сцеплены, как сиамские близнецы, сложными и позитивными механизмами возбуждения и побуждения», – настаивал М. Фуко, для которого связь «интенсивности удовольствия» и «настойчивости власти» очевидна и бесспорна [5, с. 149].

Словом, все отмеченные процессы обернулись тем, что тело женщины, как пишет еще одна исследовательница-деконструктивистка и феминистка, А. Розенхольм, «было не просто конфисковано, а – что еще хуже – замещено каким-то причиняющим беспокойство, посторонним, больным или мертвым, олицетворяющим нечто *плохое*, что часто является объектом запрета и поводом к нему» [3, с. 182]. Конечно, очевидно, как уже говорилось, что нередко оно же – тело женщины – оказывалось, напротив, поводом для восторгов, восхищений, т. е. было и прекрасным, и «дивным», и «божественным», но от смены полюсов общая ситуация не менялась. Тело принадлежало не женщинам, оно «желало» того, что нужно было ему желать с точки зрения патриархатной культуры – волновать, возбуждать, рожать, кормить, ждать, требовать защиты и поддержки.

Критическая рефлексия – это «разыдентификация», расчленение «себя с собой», это осознание своего сегодняшнего тела как «не моего», «другого», замещенного – можно сказать, доминирует сегодня в феминистских исследованиях. Однако, как уточнял сам автор метода Ж. Деррида, «деконструкция – это... всего

лишь подготовительная работа для новых открытий» [2, с. 60]. Поэтому думается, что фундаментальная критическая установка феминистской методологии сегодня – это не что иное, как разновидность того, что М. Фуко называл «установкой – пределом», т. е. попытка зафиксировать на самих себе («что мы говорим, думаем, делаем, хотим») те формы властных отношений, которые нас «определяют», устанавливая пределы нашего возможного опыта. Критический анализ подобных вменяемых норм субъективности нужен для «создания самих себя в нашей автономности», для «работы нас самих над самими собой как свободными существами» [5, с. 428–440], иными словами для «возвращения» себя в свое тело.

Однако в отношении позитивных стратегий подобного «возвращения», обретения женщиной своего голоса, своей культурной идентификации дело обстоит не так-то просто. Выработка их еще продолжается, оказавшись чрезвычайно сложной задачей.

И здесь снова возникла потребность в новой методологии. Вакуум этот пока не заполнен – ведь постструктурализм дает, прежде всего, не конструктивную, а деконструктивную методологию, не позитивную, а критическую программу.

Феминистские исследователи постструктуралистского толка убеждены, что местом возможного обретения себя женщиной является письмо. Через язык она была «изгнана», через обретение своего языка, языка своего тела она только и может вернуться.

Это необычайно важное наблюдение, сделанное на основе такого понимания «письма», которое употребляется в значении, вложенном в него Ж. Дерридой. Он не единожды подчеркивал, что текст – это напряженное взаимодействие между *голосом* и *письмом*. Голос – то, что *говорит* сам автор текста. Однако деконструкция показывает, что основу текста составляет как раз письмо, которым *пишется* автор, иными словами то, что в процессе создания текста проявляется вне и помимо его сознательных устремлений. Создатель текста тем самым как бы перестает быть автором (отсюда знаменитое утверждение Ж.-Ж. Дерриды о «смерти автора»). Он сам буквально *творится* текстом, так как в письме обнаруживается то, что было «зарыто», утеряно, вытеснено.

Интересно, как об этой способности текста свидетельствуют феминистские исследовательницы, даже не опирающиеся непосредственно на постструктуралистскую методологию. В частности, С. Гриффин – широко известная в Америке и как теоретик феминизма, и как поэт, твердо убеждена, что наиболее отчетливо способность текста обнаруживать утраченную аутентичность проявляется в поэзии. «Поэзия, – пишет она, – есть тайный путь, через который мы можем восстановить нашу собственную аутентичность... Вот почему поэзия так важна для феминизма» [9, с. 242]. В своих книгах С. Гриффин показывает, как медленно, буквально шаг за шагом происходит необычайное превращение: знание, зарытое в теле, приходит в сознание. «Поэзия способна опрокидывать, опровергать наши представления о том, кто мы есть, она открывает – часто совершенно неожиданно – нам нас самих: похороненные, зарытые чувства, восприятия, утерянные знания. Поэзия как сон, который обнаруживает меня для меня, пока я сплю. Мое тело становится комнатой резонансов, чьи звуки я записываю. Поэт возвращается к знанию тела как к источнику истины» – вот наиболее обобщенное видение ею значимости поэтического слова для женщины [Там же, с. 243].

Приведем еще один пример. Среди теоретиков постструктуралистского феминизма имя Х. Сиксу, пожалуй, одно из самых известных. Главный пафос ее работ – призыв к женщине прорваться за грань «возможного» и «раскопать» в письме свою подлинную женственность, изменяя тем самым мир и историю [7]. «Я буду говорить о женском письме: о том, что оно делает. Женщина должна писать себя: должна писать о женщинах и принести женщин в письмо, из которого они бы-

ли изгнаны насильственно, так же как и из своих тел – по тем же причинам, по тому же установлению с той же фатальной целью. Женщина должна принести себя в текст – как в мир и в историю» [7, с. 481–482]. Отсюда – страстный призыв Х. Сиксу к женщинам: «Почему вы не пишете? Пишите! Письмо для вас, вы для вас; ваши тела – ваши, берите их!.. Пишите себя. Ваше тело должно быть услышано» [Там же, с. 484].

Сможет ли женщина написать себя? Обрести свое тело как источник новых форм культурного творчества?

Думается, вопрос поставлен.

Литература

1. Брандт Г. А. Современный феминизм: переворот в историко-философской антропологической традиции Западной Европы // *Адам и Ева : альманах гендерной истории*. – М. : ИВИ РАН, 2003. – № 6.
2. Вайнштейн О. Б. Деррида и Платон: деконструкция логоса // *Мировое древо*. – 1992. – Вып. 1.
3. Розенхольм А. Пишу себя: Творчество и женщина-автор // *Современная философия*. – Харьков, 1995. – № 1.
4. Табачникова С. Мишель Фуко: историк настоящего // Фуко М. Воля к истине. – М., 1996.
5. Фуко М. Воля к истине. – М., 1996.
6. Belenky N., Clinchy B., Goldberger M., Tarule J. *Women's Way of Knowing*. Basic Books. – New York, 1986.
7. Cixous H. *The Laugh of the Medusa*. *Women's Voices*. – New York, 1990.
8. Daly M. *Ecology: The Metaethics of Radical Feminism*. – L., 1979.
9. Griffin S. *Made From the Earth*. – New York, 1983.
10. Kupferman J. *The Mistaken Body. A Fresh Perspective of the Women's Movement*. – London, 1981.
11. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. – New York, 1975.
12. Noddings N. *Caring: A Feminine Approach to Ethics and Education*. – Berkley, 1984.
13. Poole R. *Morality, Masculinity and the Market* // *Radical Philosophy*. – 1985. – № 39. (Spring).
14. Rich A. *Of Woman Born*. – New York, 1977.
15. Whitbeck C. *Different reality: Feminist Ontology*. – *Beyond Domination*. – New Jersey. 1983.

Galina Andreevna Brandt,

Doctor of Philosophy, Professor,

Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Feminism and Poststructuralism about Women's Body and Women's Writing

Trying to reveal the real woman's «self» «submerged» in the body, feminist theory was to identify the distance between the institutional definition of «woman» and the actual woman's experience. The methodological basis of this identification became the philosophy of poststructuralism. Following this methodology the «woman's writing» was signified as place of possible re-identification of a woman with an institutional construct.

Key words: feminism; woman's body; woman's writing; post-structuralism; subject; power; deconstruction.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Актуальные проблемы защиты прав человека в России и мире (обзор материалов Международной научно-практической конференции)

В обзорной статье рассмотрены актуальные проблемы в сфере соблюдения, обеспечения и защиты прав человека в России в частности и мире в целом, которые были представлены в докладах и выступлениях участников Международной научно-практической конференции (представителей профессорско-преподавательского состава уральских вузов, практикующих юристов, сотрудников регионального омбудсмена и представителей правозащитных организаций Свердловской области).

Международная научно-практическая конференция «Защита прав человека в России и мире: основные проблемы, вызовы XXI века, перспективы развития», состоявшаяся 25 октября 2016 года в Гуманитарном университете, несомненно, стала ярким событием Международного форума «Юридическая неделя на Урале». В работе конференции участвовали ученые, специализирующиеся в области защиты прав человека и международного права, практикующие юристы и представители общественных объединений, сотрудники аппарата Уполномоченного по правам человека в Свердловской области. Программа конференции была насыщенной, а дискуссии, без преувеличения, можно назвать острыми и порой непримиримыми.

Для обсуждения и дискуссий участникам конференции были предложены следующие вопросы: основные направления развития прав человека: новые тенденции, проблемы, препятствия, инструменты поощрения и продвижения; национальная политика и стандарты прав человека; вызовы в области прав человека в XXI веке – глобальный и региональный уровни; роль институтов гражданского общества в продвижении прав и свобод человека.

Доклад советника Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, канд. юрид. наук, доцента И. Н. Литвиновой был посвящен актуальным вопросам защиты прав и свобод человека на территории Свердловской области. На примере деятельности Уполномоченного по правам человека в Свердловской области по урегулированию социальной напряженности в 2015 и 2016 годах она рассказала о «болевых точках» региона. И. Н. Литвинова отметила, что мероприятия «Юридической недели на Урале» начались для сотрудников аппарата Уполномоченного несколько ранее – 19 октября, когда при поддержке представительства Управления Верховного комиссара по делам беженцев ООН в России свердловский омбудсмен проводила круглый стол, посвященный проблемам лиц без гражданства («Люди с неопределенным правовым статусом в современной России»). Осветив итоги круглого стола, а также его значение для национального законодательства и правоприменительной практики, И. Н. Литвинова напомнила участникам конференции о важности оказания бесплатной юридической помощи не только гражданам России и лицам без гражданства, но и иностранным гражда-

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, доцент, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** Ирина Николаевна Литвинова, канд. юрид. наук, доцент, советник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области (г. Екатеринбург).

нам, которые не могут документально подтвердить правовую связь со страной исхода.

Большое внимание И. Н. Литвинова уделила проблеме обеспечения прав и свобод человека в местах ограничения свободы и в пенитенциарных учреждениях. Одной из таких проблем, постоянно находящихся в поле зрения омбудсменов, является правоприменительная практика досрочного освобождения лиц, имеющих тяжелые заболевания, от ареста или из учреждений исполнения наказаний. Также И. Н. Литвинова обратилась к участникам конференции с предложением обсудить на заседании секций проблему, решение которой считает чрезвычайно важной как для практикующих юристов, так и для профессорско-преподавательского состава учебных заведений, готовящих специалистов в области юриспруденции, – качество оказываемой населению юридической помощи. Докладчик отметила, что претензий к качеству оказываемой помощи *pro bono* у Уполномоченного по правам человека в Свердловской области и сотрудников его аппарата не имеется, и речь идет не столько о бесплатной юридической помощи, которая оказывается безвозмездно отдельным категориям граждан, сколько о деятельности юридических фирм, прикрывающихся якобы бесплатным характером своих услуг, но на деле «выкачивающим» из людей немалые деньги за подготовку практически бесполезных заявлений в органы публичной власти или в адрес должностных лиц. Как подчеркнула И. Н. Литвинова, к сожалению, число таких фирм, прикрывающихся юридическими услугами населению, множится, как множатся их письма и обращения, пустые по содержанию, только запугывающие заявителей, создавая видимость сложной работы юристов.

Анализ проблем соблюдения, обеспечения и защиты прав человека, гарантий прав граждан был успешно продолжен д-ром юрид. наук, профессором Уральского государственного юридического университета (далее – УрГЮУ) Н. М. Саликовой, которая представила доклад на тему «Гарантии прав работников при внедрении профессиональных стандартов». Она отметила, что в течение последнего года одним из самых спорных и широко дискутируемых был вопрос о степени обязательности профессиональных стандартов, о широте и свободе их применения, о гарантиях прав работников при переходе на профессиональные стандарты.

Н. М. Саликова подчеркнула, что одним из наиболее дискуссионных является следующий вопрос: во всех ли случаях предоставления льгот, компенсаций или наличия ограничений обязательно соответствие наименования должности профстандарту или тарифно-квалификационным справочникам? Как отметила докладчик, по общему правилу квалификационные справочники и профессиональные стандарты носят рекомендательный характер, а наименования должностей (профессий, специальностей) в штатном расписании, трудовом договоре и должностной инструкции могут не совпадать с содержащимися в указанных документах (см. письмо Роструда от 07.05.2010 № 1357-6-1; Апелляционное определение СК по гражданским делам Кемеровского областного суда от 7 июля 2016 г. № 33-8353/2016). И даже в позициях соответствующих Министерств РФ прослеживается та же точка зрения (Письмо Минэкономразвития РФ от 27 июня 2016 г. № Д28Н-1744; от 18 июля 2016 г. № Д28Н-1916). Однако если в соответствии с Трудовым кодексом РФ (далее – ТК РФ), иными федеральными законами с выполнением работ по определенным должностям, профессиям, специальностям связано предоставление компенсаций и льгот либо наличие ограничений, то наименование этих должностей, профессий или специальностей и квалификационные требования к ним должны соответствовать наименованиям и требованиям, указанным в квалификационных справочниках, или соответствующим положениям профессиональных стандартов (абзац третий части второй ст. 57 ТК РФ). Указанное требование распространяется на всех работодателей вне зависимости от их организационно-

правовой формы или формы собственности. Из приведенной нормы, однако, не следует, что у всех без исключения работников, которым положены компенсации и льготы либо в отношении которых установлены ограничения, трудовая функция должна именоваться в строгом соответствии с ЕТКС, ЕКС или профессиональным стандартом. Закон устанавливает необходимость такого соответствия лишь в ситуации, когда компенсации, льготы, ограничения «привязаны» к конкретной должности (профессии, специальности).

Н. М. Саликова отметила, что переход на профессиональные стандарты в любом случае должен проходить с соблюдением требований ТК РФ. Работодатель должен ознакомить работника с приведенной в соответствии с профессиональным стандартом должностной инструкцией, в случае необходимости отправить на повышение квалификации, соблюсти сроки, установленные ст. 74 ТК РФ. Применение профессиональных стандартов на сегодняшний день не является обязательным для работодателей, что дает, как подчеркнула Н. М. Саликова, возможность переходить на них плавно, постепенно, не нарушая прав работников, предоставляя им возможность осознать значимость и необходимость такого перехода.

Вопросы защиты трудовых прав граждан активно обсуждались как после доклада д-ра юрид. наук, профессора Н. М. Саликовой, так и по итогам выступления второго представителя кафедры трудового права УрГЮУ, канд. юрид. наук, доцента А. Е. Сухарева, который проанализировал проблемы формирования и применения на практике отраслевых юридических категорий трудового права, обеспечивающих реализацию права на справедливое и удовлетворительное вознаграждение и права на равную оплату за равный труд. Он отметил, что современное состояние системы принципов трудового права определяется не только эволюцией предмета и метода трудового права, но также изменениями в правовой идеологии, формализованными, прежде всего, в Конституции РФ. Статья 2 ТК РФ формирует систему основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и понимания их национальным законодателем как составной части правовой системы Российской Федерации. По сути, можно говорить об определяющем влиянии идеологии, приоритетов, целей и задач международного права в сфере труда на формирование правовой идеологии и базовых фундаментальных начал (принципов) национального законодательства о труде. Основные принципы трудового права, в свою очередь, как подчеркнул А. Е. Сухарев, формируют важнейший «фрагмент» содержания общей части трудового права и непосредственно влияют на формирование конкретных регулятивных конструкций, отраслевых юридических категорий особенной и специальной частей трудового права. И это в полной мере относится к правам, закрепленным в ст. 23 Всеобщей Декларации прав человека и ст. 7 Международного пакта «Об экономических, социальных и культурных правах»: праву каждого человека на равную оплату за равный труд и праву каждого работающего на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи.

Анализируя российское законодательство, А. Е. Сухарев отметил, что национальный законодатель учитывает названные социально-экономические права (общепризнанные принципы международного права), прежде всего в правовой идеологии и нормах общей части трудового права, а также в нормах особенной части трудового права института заработной платы и института трудового договора, предусматривая: 1) отраслевые юридические категории, формируя их содержание, а именно: определение заработной платы и ее структуры: основной и дополнительной частей заработной платы, установление правового режима их выплаты; 2) условия оплаты труда как обязательное условие трудового договора;

3) государственные гарантии по оплате труда работников, включая определение величины минимального размера оплаты труда в РФ и в субъектах РФ.

Однако, по мнению А. Е. Сухарева, имеющая место правоприменительная практика заставляет, к сожалению, сделать выводы: во-первых, о недостаточно полном и оптимальном обеспечении законодателем учета двух названных социально-экономических прав в формировании национального законодательства о труде; во-вторых, о недостаточном их учете в правоприменительной, в том числе и судебной, практике. Наряду с этим, по мнению А. Е. Сухарева, в судебной практике также не всегда адекватно оценивается правовой режим премий, входящих в систему оплаты труда, являющихся частью условия трудового договора об оплате труда, т. е. обязательным условием трудового договора. Как отметил А. Е. Сухарев, суды допускают смешение различных юридических категорий, относящихся к различным институтам трудового права и применяемых по различным правилам: 1) премий как части системы оплаты труда, стимулирующих выплат периодического характера, предусмотренных ст. 129 ТК РФ, ст. 135 ТК РФ (относящихся к правовому институту – заработная плата); и 2) премий разового характера как одной из мер поощрения работников, предусмотренных ст. 191 ТК РФ (относящихся к правовому институту – дисциплина труда).

По мнению А. Е. Сухарева, законодатель допустил в Трудовом кодексе РФ терминологическое смешение двух отраслевых юридических категорий трудового права «премий», относящихся к его двум различным институтам данной отрасли права (заработной платы и дисциплины труда). Указанная небрежность законодателя нередко приводит к ошибкам в судебной практике, особенно при игнорировании судами понимания соответствующей разновидности премий не только как части системы оплаты труда, но и как обязательного условия трудового договора. Упомянутая особенность трудового законодательства и отмеченные распространенные ошибки судебной практики, по мнению А. Е. Сухарева, приводят к невыполнению работодателем его обязанности по выплате в полном размере причитающейся работникам заработной платы. В подобных случаях национальный законодатель и правоприменительная практика не обеспечивают право каждого работающего на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, предусмотренное ст. 23 Всеобщей Декларации прав человека и ст. 7 Международного пакта «Об экономических, социальных и культурных правах».

Наряду с проблемами защиты прав человека участниками конференции были рассмотрены и вопросы ограничения прав человека. Так, канд. юрид. наук, доцент Уральского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ И. Д. Ягофарова посвятила свой доклад актуальным вопросам поиска баланса публичных и частных интересов при установлении ограничений прав и свобод человека в РФ. Она отметила, что необходимость и возможность ограничения прав и свобод человека предусмотрена как многочисленными международными актами в сфере прав человека, так и российским законодательством. В последние несколько лет становится все более очевидным, что интересы государства все чаще ставятся гораздо выше интересов личности. Тем самым обозначается дисбаланс индивидуальных и коллективных интересов, что может привести и часто приводит к печальным последствиям. Поэтому стоит важная научная, политическая и правовая задача: обеспечить оптимальное сочетание государственных, общественных и личных интересов. Однако это задача достаточно сложная, поскольку понимание «оптимальности» также трактуется в различных смысловых и содержательных значениях.

Ряд авторов, анализируя кризис международного права, кризис прав человека, называя новые тенденции и вызовы XXI в. России в частности и миру в целом, отмечали в своих выступлениях необходимость новых подходов к взаимодействию

вию власти и гражданского общества, а также насущность пересмотров многих, ставших уже классическими концепций прав человека, важность усиления роли институтов гражданского общества.

Так, в своем докладе «Конституционализм и права человека: основные тенденции развития» старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, канд. юрид. наук В. В. Эмих обозначила тенденции современного конституционализма, обусловленные внутренним конфликтом теории конституционализма – необходимостью поиска баланса между свободой и властью, а также внешними вызовами современности. Среди них она отметила, в частности, следующие явления: 1) не обеспечивается защита прав человека против частных транснациональных акторов; 2) государства оказались неспособны гарантировать безопасность своих граждан перед угрозой терроризма и при этом оказались связаны правом на неприкосновенность частной жизни; 3) модель глобального распределения ресурсов оказалась несовместимой с концепцией устойчивого развития общества; 4) не решен вопрос о защите прав человека в негосударственных сферах на наднациональном уровне; 5) политический конституционализм сужается при более или менее стабильном юридическом; 6) государства оказались неспособны обеспечить легитимность принимаемых ими решений и все чаще обращаются к институтам партисипации. Можно согласиться с выводом В. В. Эмих о том, что теория конституционализма и концепция прав человека как базовая категория указанной теории нуждаются в пересмотре.

Вопросы соотношения международных стандартов по правам человека и национального законодательства были подробно рассмотрены рядом выступающих на пленарном заседании и на секциях. Так, канд. юрид. наук, доцент УрГЮУ М. А. Лихачев в своем пленарном докладе «Конституционный статус норм международного права в российской правовой системе» отметил, что 2013–2016 гг. стали особо значимыми вехами в истории отношений российского конституционного правосудия и европейской системы защиты прав человека. За это время Конституционный Суд РФ принял несколько постановлений, касающихся исполнения актов Европейского суда по правам человека. И хотя развернутый диалог еще далек от завершения, сегодня уже очевидны некоторые общие тренды. К числу таковых относится выстраивание российским судом «собственного дуалистического подхода к международному праву» на основе раскрытия содержания во многом монистически ориентированных положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Адвокат, канд. юрид. наук, доцент Гуманитарного университета Л. М. Чуркина проанализировала в своем докладе вопросы влияния Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) на правовые системы государств – членов Совета Европы. Особое внимание она уделила юридическим последствиям вынесения постановлений Европейского суда по правам человека, которые приводят к внесению государствами – участниками Конвенции изменений во внутреннюю правовую систему с тем, чтобы обеспечить пользование правами и свободами, гарантированными Конвенцией.

Канд. юрид. наук, адвокат Уральской коллегии адвокатов Свердловской области, член Уральского отделения Союза криминалистов и криминологов России В. В. Рудич также проанализировал в своем выступлении российские и международные стандарты защиты прав человека, в частности проблемы соотношения и взаимосвязи международных стандартов и российского законодательства. Он рассмотрел два наиболее проблемных, по его мнению, в данное время вопроса, а именно: 1) о международных стандартах допустимости доказательств, полученных под пытками и иным путем бесчеловечного обращения с задержанными (арестованными) по уголовному делу; 2) о характере перекрестного допроса в российском уголовном процессе.

Актуальные вопросы международной защиты прав человека, в частности защиты прав женщин, рассмотрела в своем докладе на тему «Дополнительные международные механизмы защиты прав женщин» президент ООО «Женский юрист» Н. И. Голоснова. Актуальные проблемы защиты прав человека в сфере международного гуманитарного права проанализировал и представил на конференции старший преподаватель Гуманитарного университета, магистр юриспруденции А. Ю. Маракулин.

Роль гражданского общества в гуманизации пенитенциарной системы Российского государства была рассмотрена в докладе председателя РОО «Центр правозащитных организаций Свердловской области», канд. филос. наук, доцента В. И. Попова. Он отметил, что Федеральный закон № 76-ФЗ действует в нашей стране с 2008 года. Согласно этому закону в каждом субъекте РФ формируются общественные наблюдательные комиссии по контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания (далее – ОНК). Это тот случай, по мнению В. И. Попова, когда государство поделилось с гражданским обществом очень серьезными полномочиями, ибо наделило общественников правом беспрепятственно посещать тюрьмы, исправительные колонии, следственные изоляторы и прочие места, где люди пребывают не добровольно. Формирование ОНК региона, с постоянной ротацией первоначально каждые два года (после поправок в ФЗ № 76 – три года), с учетом сложности, тяжести и ответственности работы, ведущейся исключительно на общественных, волонтерских началах, потребовало и требует очень серьезных усилий со стороны гражданского общества по подбору кандидатов, подготовке значительного контингента контролеров-общественников. Не случайно, как отметил В. И. Попов, ОНК первых сроков были, практически повсеместно, существенно недоукомплектованы: в Свердловской области, например, в ОНК было 8 человек в первом составе и 13 человек – во втором, из 20 возможных по закону.

По мнению В. И. Попова, нужны специальные мероприятия, которые способствовали бы ознакомлению общественных организаций с кругом проблем и задач, решаемых ОНК, готовили потенциальных кандидатов в общественные контролеры – визитеры пенитенциарных учреждений. Иначе, как считает В. И. Попов, невозможно обеспечить надежный фундамент для устойчивой и эффективной работы по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания.

Многие участники конференции на пленарном заседании и на секциях отмечали важность общественного контроля, высокого уровня политической и правовой культуры, активной жизненной позиции граждан. Так, в докладе д-ра юрид. наук, профессора Уральского государственного университета С. Э. Либановой «Обеспечение эффективного государственного управления гражданским обществом посредством демокурии как новый механизм защиты прав человека» было отмечено, что государственное управление не станет эффективным без профессионально правового общественного надзора (демокурии). Реализация закрепленного в Конституции РФ приоритета признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека требует признания функций конституционного общественного надзора за его отдельными институтами. По мнению С. Э. Либановой, эффективность процесса взаимодействия и гармоничного интегрирования разнуполномоченных субъектов в сфере обеспечения конституционных прав человека может быть обеспечена «профессионально-правовым общественным надзором» – «демокурией» (от др.-греч. *kurij* – надзор, правовой, особая группа и *demos* – народ). Как отметила докладчик, демокурийная деятельность, являясь конституционной, выражается в сознательной, целенаправленной, организационной деятельности правовых институтов гражданского общества, состоящих из юристов, способствуя

гармонизации интеграционных процессов институциональных систем общества в сфере обеспечения прав человека, в итоге – всего общества. Эта деятельность позволяет восстанавливать конституционные права человека, улучшая взаимодействие субъекта и объекта надзора, являясь базой для создания комитета общественного надзора за обеспечением конституционных прав при гаранте Конституции РФ – Президенте РФ.

С. Э. Либанова подчеркнула, что государственная власть и гражданское общество – это две составляющие единого целого, которые тесно взаимосвязаны и уравновешивают друг друга путем взаимного контроля. При этом государство в лице органов государственного управления является основой, обеспечивающей равновесие и стабильность, без которой гражданское общество утратило бы свою целостность. Эффективным способом оказания влияния на государственную власть со стороны граждан является общественный контроль. Однако С. Э. Либанова считает таковым не любой контроль со стороны общества за полнотой и достоверностью волеизъявления граждан в различных формах, а только профессионально правовой контроль (демокурия). Она обратила внимание участников конференции на то, что субъекты такого контроля должны знать право не хуже правоприменителей в органах государственной власти, не имея властных полномочий. С. Э. Либанова в связи с этим сделала вывод, что отличие демокурии от общественного надзора заключается в степени эффективности реализации самого надзора со стороны общества, обусловленной профессиональным знанием права субъектами надзора.

Вопросы защиты прав субъектов персональных данных проанализировала и представила на конференции начальник отдела по защите субъектов персональных данных и надзора в сфере информационных технологий Управления Роскомнадзора по УрФО, выпускница юридического факультета Гуманитарного университета А. А. Гоголева. Именно эта тематика вызвала самый живой интерес и большое число вопросов участников конференции, все из которых получили ответы и/или рекомендации докладчика.

Работа конференции продолжилась после пленарного заседания на двух секциях: 1) «Защита гражданских и политических прав: проблемы и пути решения» (руководители секции – канд. юрид. наук, доценты Гуманитарного университета С. А. Денисов и Л. М. Чуркина); 2) «Защита экономических, социальных и культурных прав: проблемы и пути решения» (руководители секции – старшие преподаватели юридического факультета Гуманитарного университета А. Ю. Маракулин и В. М. Танаев).

На секциях с докладами выступили студенты, аспиранты, преподаватели уральских вузов. Обзорная статья по итогам работы двух секций будет опубликована в «Вестнике Гуманитарного университета» (2017. № 1).

Конференция успешно состоялась, прозвучало много интересных и новых идей и внесено предложений к диалогам и дискуссиям на следующих научных мероприятиях Гуманитарного университета.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Science, Associate Professor,
Head of Human Rights Chair,
Director of the Centre for Human Rights and Legal Education,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Irena Nikolaevna Litvinova,

Candidate of Law, Associate Professor,
the Ombudsman's in the Sverdlovsk Region Adviser (Ekaterinburg)

**Urgent Problems of Human Rights Protection in Russia
and the World (Review of Materials of the International Scientific
and Practical Conference)**

The review considers urgent problems in the sphere of observance, providing and human rights protection both in Russia and in the world. The problems were presented in reports and performances of participants of the international scientific and practical conference (representatives of the faculty of the Ural higher education institutions, the practicing lawyers, employees of the regional ombudsman and representatives of human rights organizations of Sverdlovsk region).

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 15 февраля

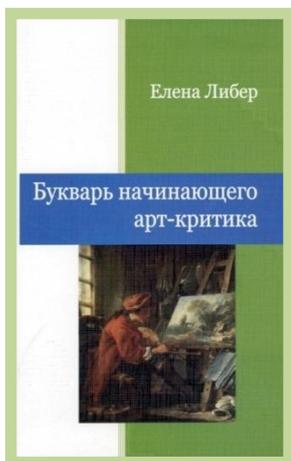
№ 2 – до 15 мая

№ 3 – до 15 августа

№ 4 – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

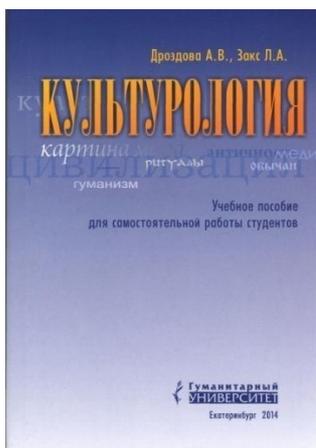

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебным заведениям, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Дроздова А. В., Закс Л. А.

Культурология. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / А. В. Дроздова, Л. А. Закс. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. – 634 с.

ISBN 978-5-7741-0216-7

Настоящее издание дает представление об основных направлениях, школах и понятиях культурологии. В учебном пособии показана эволюция культурных идей и взаимодействие разных концепций культуры, рассматриваются проблемы современной культуры, ее актуальные формы и социокультурные практики в эпоху информационного общества.

В издание включены необходимые методические рекомендации, которые позволят студентам самостоятельно познакомиться с наиболее яркими работами культурологической классики и текстами современных авторов, а также помогут углубленному изучению дисциплины.

Издание является существенным дополнением к курсу лекций и учебникам, рекомендовано для подготовки студентов всех специальностей, аспирантов и магистрантов.

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстету А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Хмелькова Н. В.

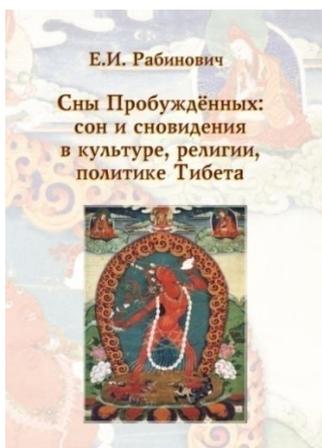
Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.

Рабинович Е. И.

Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.

Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

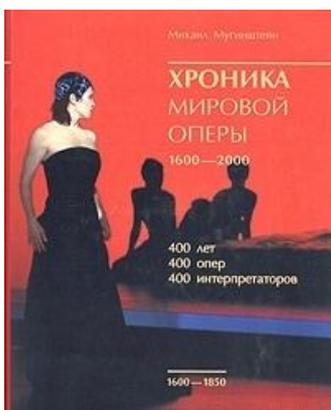
Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

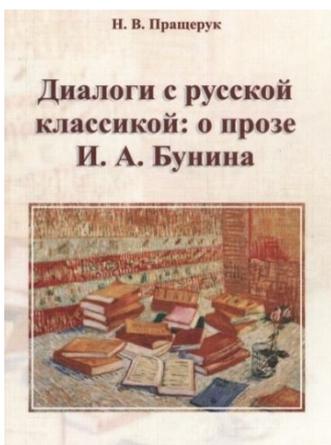
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

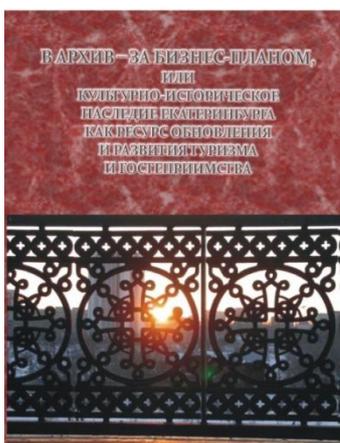
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

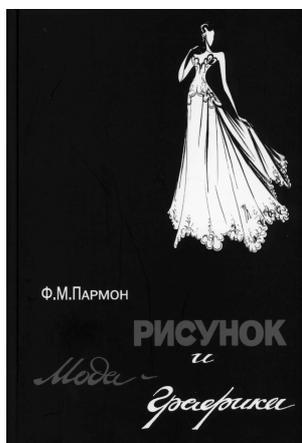
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медиаекст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медиаекста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение
по программам магистратуры на 2017/18 учебный год
по следующим направлениям:

- Психология (37.04.01)
- Экономика (38.04.01)
- Юриспруденция (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре
составляет 2 года по очной форме,
2,5 года по очно-заочной и заочной форме

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- Психология (37.04.01)
Очно-заочная форма – 24 места
Заочная форма – 16 мест
- Экономика (38.04.01)
Очно-заочная форма – 10 мест
- Юриспруденция (40.04.01)
Заочная форма – 25 мест
Очно-заочная форма – 21 место

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

Бюджет:

- Все формы обучения – с 1 июня по 10 августа

Внебюджет:

- Очная форма – с 1 июня по 26 августа
- Очно-заочная форма – с 1 июня по 27 сентября
- Заочная форма – с 1 июня по 26 октября

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года (очная форма), по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2016. № 4 (15)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 05.12.2016.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,66
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3